

НАО «КАРАГАНДИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА»

«АКАДЕМИК Е.А. БӨКЕТОВ АТЫНДАҒЫ
ҚАРАҒАНДЫ УНИВЕРСИТЕТІ» КеАҚ

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В ПЕРСОНОЛОГИИ НАУКИ: АНАЛИЗ ДИСКУРСА
АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА**

(на материале текстов художественных произведений
и переводов на казахский язык, публицистических текстов)

**ҒЫЛЫМ ПЕРСОНОЛОГИЯСЫНДАҒЫ
ТІЛДІК ТҮЛҒА: АКАДЕМИК Е.А. БӨКЕТОВТЫҢ
ДИСКУРСЫНЫҢ ТАЛДАУЫ**

(көркем шығармалар мәтіндері, қазақ тіліндегі аудармалар
мен публицистикалық мәтіндер негізінде)

Монография

Қарағанда / 2025 / Қарағанды

УДК
ББК

Я

Авторы:

**Н.И. Букетова, К.Д. Асанов, А.С. Амренова, Б.И. Джусупов,
А.Т. Аратаева, А.К. Китибаева, Д.Е. Муканова**

Рецензенты:

Н.Ж. Шаймерденова, доктор филологических наук, профессор, директор
Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики
Казахского национального университета аль-Фараби;
Г.И. Исина, доктор филологических наук, профессор
Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова

*Рекомендовано к печати Ученым советом Карагандинского университета
имени академика Е.А. Букетова (Протокол № 15 от 27 июня 2025 г.)*

Букетова Н.И.

Я

Языковая личность в персонологии науки: анализ дискурса академика Е.А. Букетова (на материале текстов художественных произведений и переводов на казахский язык, публицистических текстов) = Ылым персонологиясындағы тілдік тұлға: академик Е.А. Букетовтың дискурсының талдауы (көркем шығармалар мәтіндері, қазақ тіліндегі аудармалар мен публицистикалық мәтіндер негізінде): Монография / Н.И. Букетова, К.Д. Асанов, А.С. Амренова и др. — Караганда : Издательство Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, 2025. — 198 с.; рус., каз.

ISBN

Настоящее издание представляет собой результат коллективного исследования, направленного на осмысление научного, культурного и литературного наследия академика Е.А. Букетова — выдающегося казахстанского ученого, писателя, переводчика и общественного деятеля. В центре исследования — становление и развитие научного направления «персонология науки» на основе лингвокультурологического и когнитивного анализа письменного наследия ученого.

Издание предназначено для широкого круга читателей: филологов, историков, философов, культурологов, лингвистов, преподавателей, студентов, а также всех, кто интересуется историей науки, казахстанской культурой и наследием Е.А. Букетова. Жанр, работа относится к научно-аналитическому обзору с элементами публицистики и литературной критики.

Вклад авторов:

Н.И. Букетова — научное руководство проектом, лингвокультурологический и когнитивный анализ художественного текста Е.А. Букетова в рамках направления персонологии науки, написание аннотации и введения, координация исследования;

К.Д. Асанов — исследование публицистических и художественных текстов академика;
А.С. Амренова — междисциплинарное исследование художественного перевода, культурологический, прагмалингвистический анализ текстов;

Б.И. Джусупов — анализ философских и когнитивных аспектов дискурса Е.А. Букетова;
А.Т. Аратаева — лингвокультурологический анализ текстов, определение роли языка в формировании образа ученого;

А.К. Китибаева — исследование аспектов национальной идентичности и исторической памяти в текстах Букетова;

Д.Е. Муканова — обобщение материалов, структурирование текста, междисциплинарный.

УДК
ББК

ISBN

- © Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, 2025
- © Букетова Н.И., Асанов К.Д., Амренова А.С., Джусупов Б.И., Аратаева А.Т., Китибаева А.К., Муканова Д.Е., 2025

Предисловие

Дорогой Бапа! Евней Арстанович!

К Вашему 100 – летнему юбилею, как никогда возникла острая необходимость обращения к Вашим книгам, в которых Ваши мысли, пройдя сквозь время и пространство, еще раз доказали, что физики и математики правы: путешествие во времени существует. Хочу немного поразмышлять и поделиться с Вами, как наша исследовательская группа начала работу.

Начну с понятия «Время». Так что же это такое? Может это пространство без хронометрии, то есть безвремение? Или как у некоторых индейцев при отсутствии в языке понятий Прошлое, Будущее, для них существует только Настоящее. И, поэтому в лексиконе нет слова «время»? Я тоже , следуя их традиции, выбрав только Настоящее, пишу Вам , как будто Вы рядом , потому что , каждое слово, каждое предложение в текстах Ваших книг , статей наполнено смыслами Вашего Мира, переданного Вами через языковое пространство и осознанное, прочувствованное и понятое нами – Сегодня.

После того как в 1978 вышла Ваша повесть в журнале «Простор» под названием «Время светлой судьбы», которую Вы хотели назвать «Записки научного работника», я написала свою рецензию, сохранившуюся на пожелтевших листочках тетради «в клетку». Позднее, повесть была издана под названиями «Шесть писем другу» на русском и «Алты хат» на казахском языках. Данная монография это коллективный труд, новое прочтение книги, новый взгляд.

В 2024 году, готовясь к 125 – летнему юбилею первого президента АН КазССР, академика Каныша Имантаевича Сатпаева, я стала внимательно изучать страницы книги «Шесть писем другу», посвященные ему. В тексте повести, где Вы написали с большим пиететом , с сыновней тоской о том, что Каныш Имантаевич так рано ушёл из жизни, мне открылась истина о его решающей роли в Вашем становлении как крупного ученого, организатора науки. С большой ответственностью Вы подошли к написанию книги об академике, задуманную как трилогия, но, к сожалению, Вы успели написать лишь первую часть - «В орбите кочевок», на казахском языке --«Жас Каныш».

Как – то в начале 1980 – х годов, я пришла к Вам домой. Вы сидели в одиночестве, не было машин возле дома, гостей. Вы спросили меня, смогу ли я провести анализ текста переводов пьесы Вильяма Шекспира на русский язык? Пока я собирала материал, Вы внезапно покинули мир, который Вы так любили. Лишь в начале 2000 годов я

смогла вернуться к Вашему заданию и моя аспирантка Асель Амренова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Перевод произведения В. Шекспира «Юлий Цезарь» на русский и казахский языки: прагмалингвистический аспект.

Известный ученый, поэт К.Д. Асанов посвятил себя исследованию Вашей публицистики, написав две диссертации, кандидатскую и докторскую. При обсуждении проблемных вопросов по монографии он с восхищением остановился на высоком уровне Вашего родного казахского языка. Исследованию истоков сохранения в Вашем лексиконе образного, богатого метафорами, эпитетами, лексическим разнообразием казахского языка также посвящены некоторые страницы в монографии.

Данное исследование, это только небольшой шаг в глубинном прочтении текстов Ваших книг, дорогой Бапа, Евней Арстанович! Страницы Ваших книг ждут молодых ученых!

Ваша сестренка Нурсулу Букетова, руководитель исследовательской группы

09.05.2025 г.

Қадірлі Бапа! Құрметті Евней Арыстанұлы!

Сіздің 100 жылдық мерейтойыңыз қарсаңында біз үшін Сіздің кітаптарыңызға қайта үңілу бұрын-соңды болмаған өзектілікке ие болды. Себебі Сіздің ойларыңыз уақыт пен кеңістікті кесіп өтіп, физиктер мен математиктер айтқандай, уақыт арқылы саяхаттың шындық екенін тағы бір дәлелдегендей. Осы сәтті пайдаланып, біздің зерттеу тобының жұмысы қалай басталғанын Сізбен бөлісуді жөн көрдім.

«Уақыт» ұғымынан бастасам деймін. Уақыт дегеніміз не өзі? Мүмкін, бұл — хронометриясыз кеңістік, яғни мезгілсіздік болар? Әлде кейбір үндіс халықтарындағыдай, тілдерінде «өткен» және «болашақ» деген ұғым болмағандықтан, тек «осы шақ» қана бар ма? Сондықтан да олардың сөздік қорында «уақыт» деген сөз кездеспейді. Мен де сол дәстүрді ұстана отырып, тек осы шақта Сізге хат жазып отырмын, себебі Сіздің әр сөзіңіз, әр сөйлеміңіз — біз үшін бүгінгі күнмен үндескен, Сіздің рухани кеңістігіңізден жеткен, терең мағынаға толы. Біз ол мағыналарды тіл арқылы қабылдап, түсініп, жүреппен сезіне білдік.

1978 жылы «Простор» журналында Сіздің «Нұрлы тағдыр уақыты» атты повесіңіз жарық көрді. Сіз оны алғашында «Ғалым күнделігінен» деп атағыңыз келген еді. Сол жылы мен бұл шығармаға рецензия жазып, оны әлі күнге дейін сары тетрадь беттерінде сақтап келемін. Кейінірек бұл повесть орыс тілінде «Шесть писем другу», ал қазақ тілінде «Алты хат» деген атаумен басылып шықты. Қолдарыңыздағы монография – осы кітапқа арналған жаңа көзқараспен жазылған, ұжымдық еңбектің нәтижесі.

2024 жылы ҚазКСР Ғылым академиясының тұңғыш президенті, академик Қаныш Имантайұлы Сәтбаевтың 125 жылдық мерейтойына дайындық барысында мен «Алты хат» кітабындағы оған арналған беттерді тереңірек зерттеуге кірістім. Сіз бұл шығарманы аса бір құрметпен, перзенттік сағынышпен жазған екенсіз. Сол жолдарды қайта оқу барысында мен Қаныш Имантайұлының Сіздің үлкен ғалым әрі ғылым ұйымдастырушысы ретінде қалыптасуыңыздағы шешуші рөлін анық сезіндім. Сіз бұл еңбекке зор жауапкершілікпен қарап, академик туралы трилогия жазуды жоспарладыңыз. Алайда, өкінішке қарай, тек алғашқы бөлімі – «Жас Қаныш» («В орбите кочевков») жарық көріп үлгерді.

1980-жылдардың басында бір күні мен Сіздің үйіңізге бардым. Үйдің алдында көлік те, қонақ та жоқ, Сіз жалғыз отыр екенсіз. Сіз менен Вильям Шекспирдің пьесаларының орыс тіліне аудармаларының

мәтіндік талдауын жасай алам ба деп сұрадыңыз. Мен материал жинастырып жүргенде, өкінішке қарай, Сіз жарық дүниемен қоштастыңыз. Тек 2000 жылдардың басында ғана Сіздің аманатыңызға қайта оралып, аспирантым Асель Амренова «В.Шекспирдің «Юлий Цезарь» шығармасының орыс және қазақ тілдеріне аудармасы: прагмалингвистикалық аспект» тақырыбында кандидаттық диссертациясын сәтті қорғады.

Белгілі ғалым, ақын К.Д. Асанов Сіздің публицистикалық мұраңызды зерттеуге өмірін арнады. Ол Сіздің шығармашылығыңыз бойынша кандидаттық және докторлық диссертациялар қорғады. Монографиядағы күрделі мәселелерді талқылау барысында ол Сіздің ана тіліңіз – қазақ тілінің жоғары деңгейде меңгерілгеніне сүйсініп, ерекше тоқталды. Монографияда Сіздің тілдік қордағы бейнелілік, метафоралар мен эпитеттерге бай, лексикалық жағынан бай қазақ тілінің сақталу себептеріне арналған арнайы бөлімдер де бар.

Бұл зерттеу – Сіздің шығармаларыңызды терең түсінуге жасалған алғашқы қадам ғана, құрметті Бапа, Евней Арыстанұлы! Сіздің кітаптарыңыздың парақтары жас зерттеушілерді күтуде!

Ізгі ниетпен,
Сіздің немере қарындасыңыз — Нұрсулу Букетова,
зерттеу тобының жетекшісі

09.05.2025ж.

ВВЕДЕНИЕ

Историко-культурное наследие Казахстана представляет собой мощный ресурс для формирования национальной идентичности, общественного самосознания и развития научной мысли. Особое место в этом контексте занимает наследие выдающихся личностей, чья деятельность связана не только с научными открытиями, но и с гуманитарными и культурными преобразованиями. Одной из таких фигур является академик Евней Арыстанович Букетов - ученый-энциклопедист, крупный металлург, педагог, переводчик, публицист и писатель. Внимание к его личности особенно актуализируется в свете современных процессов деколонизации исторического знания, переосмысления роли ученых-гуманистов в развитии национальной науки, культуры и языка.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью системного осмысления многогранного наследия Е.А. Букетова в контексте формирования новой научной парадигмы — персонологии науки, где объектом изучения становятся научные тексты, письма, переводы, публицистика, раскрывающие образ ученого как языковой и культурной личности. В условиях усиления интереса к собственному культурному коду, исторической памяти и гуманистическим ориентирам, исследование фигуры Е.А. Букетова приобретает не только научное, но и общественное значение.

Методологическую основу исследования составляют антропоцентрическая парадигма гуманитарного знания, а также принципы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, герменевтики и философии языка. В качестве ключевых инструментов анализа использованы:

- концептологический подход к интерпретации языковой личности;
- методы дискурсивного, семиотического и стилистического анализа текста;
- идеи деконструкции Ж. Деррида при анализе смысловых слоёв публицистики и переводов;
- историко-философская реконструкция идей Е.А.Букетова в контексте развития науки в XX веке.

Новизна настоящего исследования заключается в:

- системном осмыслении личности и наследия Е.А. Букетова в междисциплинарной плоскости;
- комплексном анализе его текстов с позиций когнитивной и культурной лингвистики;

- в введении в научный оборот оригинальных интерпретаций его публицистических и художественных текстов;
- обосновании и развитии нового направления в гуманитарной науке - букетоведения как части персонологии науки.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении представлений о роли языковой личности в формировании культурной и научной идентичности, в расширении понятийного аппарата персонологии науки и в разработке лингвокультурологических подходов к анализу научных текстов.

Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов в учебных курсах по культурологии, истории науки, литературоведению, лингвистике, при составлении образовательных программ, а также в развитии научно-просветительской деятельности по популяризации наследия Е.А. Букетова.

Монография адресована широкому кругу читателей: ученым-гуманитариям, преподавателям вузов, студентам, магистрантам и докторантам, занимающимся исследованиями в области лингвистики, культурологии, истории науки и образования, а также всем, кто интересуется личностями, сформировавшими интеллектуальный фундамент современной казахстанской науки и культуры. Издание может быть полезным также в практике преподавания курсов по отечественной истории, научному стилю, критическому мышлению и философии.

1 ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПЕРСОНОЛОГИИ НАУКИ: АНАЛИЗ ДИСКУРСА АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА-ПОВЕСТИ «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»)

1.1 Текст повести Е.А. Букетова «Шесть писем другу» как объект лингвокультурологического анализа

«История наша – несколько вспышек в степи» - так сказал известный поэт Олжас Сулейменов. Действительно, проезжая через степи Сары – Арки, начинаешь понимать, что пространство, прочерченное линией мелкосопочников, устланное в некоторых местах огромными валунами, отполированными водами, некогда заливавшего эти места, мирового океана – это Вечность! Человек внёс в эти места своё измерение – Время, добавил в музыку Ветра, лёгкого шёпота трав и свою особенность, своё богатство – Язык. Артефакты, заботливо и бережно извлеченные через несколько тысячелетий из толщи земли в этих местах, сообщают нам о городах, в которых шла размеренная жизнь в гармонии с природой [1].

И первым из естественных учёных Казахстана, кто обратил внимание на исследование письменных памятников на камнях-петроглифов, был президент АН КазССР, академик К.И. Сатпаев неповторимая, многогранная личность, самородок. В условиях независимости Республики Казахстан, когда идет активный процесс возрождения духовности общества, рост его национального самосознания и национальной гордости, восстановление объективной и правдивой истории Казахстана с древности по современность имеют огромное значение для дальнейшего развития страны [2].

Антропоцентрическая парадигма дала большой импульс для интегративных исследований гуманитарных наук, где философия тесно кооперирует с филологией, психологией, герменевтикой, культурологией, межкультурной коммуникацией, литературоведением, переводоведением и многими дисциплинами, объединенными одной ключевой темой «Человек» [3; 4]. Современная лингвистика отходит от структурно – семантических, структурно – грамматических характеристик в языковой системе научного поиска к исследованию «человека в языке и языка в человеке» [5], как сложнейшего, многомерного объекта. По словам И.А. Бодуэна де Куртэнэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное общество». Ю.С.

Степанов представил язык в виде нескольких образов, среди которых и «язык как пространство мысли и как «дом духа» [6].

В Казахстане началось движение по справедливому возвращению исторически значимых имен государственных деятелей, научной интеллигенции, включая людей, безвинно погибших во времена репрессий, так и имена людей, преданных забвению во времена тоталитарной политики КПСС и других социальных потрясений [7]. Значительное место занимает интерес к жизни, деятельности, письменному наследию учёных энциклопедического уровня. В этом отношении время требует объективной и критической оценки исторического опыта прошлого, так как в нем мы находим ответы на многие сложные вопросы современности. В этой связи, как было сказано выше, следует отметить неопределимый вклад в развитие современной науки и промышленного развития Казахстана К.И. Сатпаева, о важном месте которого, написал в своих книгах «Шесть писем другу», «Жас Каныш», с величайшим пиететом, образно, правдиво и искренне Е.А. Букетов, последователь его научных идей. Знание историко-культурного наследия – это базисная конструкция нашей гражданской идентичности, которое должно бережно сохраняться, передаваться из поколения в поколение. Е.А. Букетов очень любил повторять – «Большое видится на расстоянии...». Он как будто бы знал, что многое, что он сказал, сделал, создал – станет понятнее, яснее и ближе людям со временем. В том числе и личность академика К.И. Сатпаева, 125 – летний юбилей которого, был широко отмечен в республиканском и мировом масштабе [8]. Достаточно новое научное направление как «Персонология науки», в рамках лингвокультурологического, когнитивного анализа текста, ставит своей задачей исследование письменного наследия ученых высокого уровня, которые чаще всего являются многогранными личностями, оставившими не только богатое научное наследие, но и творческое, в виде художественных книг, переводов, писем и других источников.

Книги академика Е.А. Букетова, публикации его статей и материалы о нем - это большой пласт источников, представляющих научный интерес для читателей, учеников, коллег, специалистов в области химии и металлургии, писателей, журналистов, общественных деятелей, ученых разных областей знания – историков, литературоведов, философов, лингвистов. Большинство публикаций и, в целом, исследований о выдающемся казахском ученом носят преимущественно региональный характер. Но, несмотря на это, можно смело говорить о том, что в истории науки и высшего образования Казахстана развивается самостоятельное направление в рамках

«Персонологии науки» – букетоведение [2]. Многогранная деятельность академика Е.А. Букетова становится объектом научных исследований химиков, профессиональных историков, лингвистов, литературоведов [9]. В этой связи назрела необходимость диссеминации знаний об академике Е.А. Букетове, как среди молодого поколения региона, так и в масштабах Республики Казахстан.

Первым опытом исследования явился экспериментальный внутривузовский проект НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова» №22-ВГ-23 «Личность Е.А. Букетова в истории бренда – Karaganda Buketov University, руководитель проекта доктор филологических наук, профессор Н.И. Букетова. Немаловажным фактором является и то, что личность Е.А. Букетова и его письменное наследие имеют влияние на общественное сознание, особенно молодых исследователей, вследствие чего направление «Персонология науки» получает новый импульс к дальнейшему развитию. Академик Е.А. Букетов имеет огромные достижения в области чёрной металлургии. Большое внимание он уделял ферросплавному производству с точки зрения возможности использования высокозольного угля для рудотермической плавки забалансовых марганцевых руд на комплексные ферросплавы. Последние годы своей жизни Е.А. Букетов посвятил получению жидкого топлива из высокозольных бурых углей различных месторождений Карагандинского бассейна и создал для этой цели специальную лабораторию. Е.А. Букетов был удостоен Государственной премии СССР в 1969 году за участие в разработке и внедрении технологии комплексной переработки медных концентратов Балхашского горно-металлургического комбината с применением кислорода на стадии конвертирования с подачей гранулированных джекказганских концентратов в шахтной печи с наклонной решёткой в качестве «холодной присадки». Е.А. Букетов был не только крупным учёным, но и литературным критиком, переводчиком, публицистом, поэтом и писателем. Тексты повести Е.А. Букетова «Шесть писем другу» [10], переводов на казахский язык, публицистические статьи позволяют выявить языковое пространство автора с позиций лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, проанализировать семиотическое пространство преобразования языковых знаков в образы героев его произведений, процесс кодирования и декодирования единиц одного языка на другой при переводе. При интерпретации письменных текстов соответственно понятию «деконструкции» Жака Деррида, тексты как бы высказываются относительно самих себя и дают читателю возможность вслушаться в мелодику этих текстов, увидеть их

смысловую конструкцию изнутри при помощи средств, которые Деррида обнаруживает в самих этих текстах [11, С. 8].

Современные методы анализа художественных произведений основаны на научных концепциях ученых, которые предполагают интегративный подход к гуманитарным исследованиям. Теоретические выводы Ф. де Соссюра о знаковой природе языка, дихотомии языка и речи стали основополагающими для лингвистики, философии и других дисциплин. Введение интегрирующего понятия «дискурс» стало ступенькой и для выстраивания линейной конструкции анализа текстов, выраженной в лаконичной формулировке Э. Бенвениста: «Дискурс – это все, что находится между языком и речью» [12, С. 27]. Текст повести академика Е.А. Букетова «Шесть писем другу» как яркий пример носителя интертекстуальности и интертекстуальных смыслов рассматривается как единый интертекст. Интертекстуальность присутствует уже в названии, подразумевающим беседу, диалог, интенцию автора. Образ академика К.И. Сапаева и других героев повести предстает «живым», по – человечески теплым благодаря информации в дискурсивных ситуациях, накопленных и переданных автором в диалоге с «другом» и близок к реальной речевой ситуации. Богатая концептосфера писателя позволяет выявить выразительные картины природы, ценностные доминанты героев произведения, самобытную культурную выразительность казахского языка.

Существует оригинальная концепция Н.К. Рериха, где культура рассматривается как универсальная мера человеческой деятельности. Н.К. Рерих развивает идею того, что дерзающий во имя Культуры и Красоты непобедим, ибо его питают самые мощные неземные и космические силы, энергия огня и света. Деятельность человека только тогда принимает культурный характер, когда она освещена светом Истины, Добра и Красоты, когда она стремится к утверждению гуманистического смысла человеческой активности. Особенно, считает он, культура духа должна быть свойственна ученым, которые занимаются наукой и техникой, т.к. они наиболее ответственны перед тем, чтобы Земля не стала безжизненной, т.е. ученый должен нести этическую ответственность перед природой [13].

Идеи гуманизма отчетливо определяются в деятельности и научных концепциях Е.А. Букетова в его последней рукописи «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике» [14, С. 42-108]. В этом смысле научные изыскания и поиск ученым экологически безвредного энергетического источника являются подтверждением его высокой культуры и гуманного отношения к окружающей среде в свете сегодняшних перспектив страны и мира. Е.А. Букетов пишет: «Человек

для того, чтобы приготовить пищу, дать тепло своему жилищу, вначале использовал, то, что было под руками и легко добывалось: растительное топливо... Последнее преобладало в естественной деятельности человека вплоть до середины прошлого века, пока люди не стали постепенно переходить на уголь и нефть, а еще позднее - на газ. Впрочем, такой переход наметился вовремя: было приостановлено начавшееся страшное опустошение на Земле - вырубка лесных массивов на территориях... Природа не в силах быстро возобновить запасы ископаемого горючего, и уголь, нефть и газ относятся к не возобновляемым видам топлива». Далее он пишет, что энергия берется от природы, получается, что человек, кичась своими способностями и умением использовать его дары, горделиво, называя это победой над силами природы, плохо осознавал, что он попросту оставался иждивенцем природы и иждивенцем, к сожалению, не совсем благодарным» [14, С. 42-108]. Эти строки написаны около полувека назад, а кажется, что Е.А. Букетов сегодня говорит о катастрофически растущей засоренности Земного шара и угрожающем нарушении природного равновесия.

Как известно, время жизни Е.А. Букетова с 1925 по 1983 годы связано с событиями в жизни Советского Союза. Это становление советской власти, массовый голод, крушение общественной формации и образа жизни казахов и других народов, индустриализация и коллективизация, волны репрессий, вторая мировая война, тяжелое послевоенное строительство, развитие крупной промышленности и, вместе с тем, подъем науки и образования. Для студенчества это время полуголодного существования, когда стипендия и государственное обеспечение питанием были немаловажным фактором при выборе вуза и специальности не могло не отразиться на выборе специальности. Это фактор сыграл решающую роль также и в жизни Е.А. Букетова, когда он, приехавший поступать на филологический факультет, узнав, что в горно-металлургическом институте обеспечивают питанием, поступил туда. Жизнь показала, что все-таки он выбрал правильное направление – технические науки это была его стихия, также она не подвергалась цензуре и идеологическому давлению, поэтому был простор для свободной мысли. В то же время все художественные произведения, публицистика и весь гуманитарный цикл наук и предметов подлежали жесткому контролю соответствия советской идеологии. Исходя из этих позиций, даже названия статей и книг были предметом соответственного семантического и социального анализа, поэтому первый журнальный вариант книги «Шесть писем другу» вышел в свет под, рекомендованным редакцией журнала, названием «Время светлой

судьбы» хотя рабочее название было «Записки научного работника» [15, С. 9].

Ученый-литературовед Т.Т. Савченко пишет об этом времени: «Повесть Е.А. Букетова «Шесть писем другу» создавалась в конце 70-х годов. Это были годы, когда и писатели, и читатели испытывали усталость от официально разрешенной для чтения, изучения литературы. Крайняя степень ограничения той сферы, которая была источником художественного осмысления, невозможность обращаться к критическому изображению многих сторон действительности вывела на авансцену литературной жизни документалистику и мемуары. Е.А. Букетов уловил этот дух и создал произведение, в котором интерес к документу просвечивает. В повести присутствует пафос утверждения и прославления общественных условий формирования человека... Однако в последних двух письмах повествования сильным становится критический пафос... В те годы такой пафос расценивался как дерзость, непростительное выламывание из системы. За недопустимую для тех лет смелость писатель поплатился переломом в своей судьбе; шельмование, обвинение в несуществующих преступлениях, передергивание фактов, отлучение от важнейшего дела жизни – строительства университета – все это было следствием попытки говорить о времени не языком панегирика, а языком объективного изображения» [16; 13].

Личности Е.А. Букетова присуща параллельная принадлежность к нескольким языковым семантическим и семиотическим пространствам. Основные письменные тексты относятся к двум разносистемным языкам – казахскому и русскому, в то же время при переводе англоязычной литературы отмечается не только работа с метаязыком - русским, но и обращение к оригиналу – английскому [17]. Исходя из этого, концептуальное пространство мировидения и самовыражения Е.А. Букетова как языковой личности характеризуется особенной совокупностью индивидуально и национально сформированных концептов как объекта научного лингвистического исследования. Например, в процессе анализа перевода пьесы Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь» А.С. Амренова, в своей диссертации отмечает, что Е.А. Букетов, имея на столе текст перевода на русский язык, для уточнения смысла переводного текста пользовался оригиналом на английском языке. Это позволило ему совершенствовать интерпретацию грамматических явлений и семантических тонкостей в переводе пьесы, делая процесс декодирования с русского и английского языков и кодирования на казахский язык более точным, о чем свидетельствуют некоторые примеры из текстов переводов [17].

Рассмотрение комплекса письменных текстов автора, среди них как основного, художественного, выводит его на новый, концептуальный уровень анализа в рамках парадигмы «Культура – мышление – язык». Художественный текст стал объектом анализа лингвокультурологии в работах Г.В. Степанова, Д.С. Лихачёва и философа – культуролога Ю.М. Лотмана и был направлен в первую очередь на выявление специфики и функции «культурно маркированного слова», которое по мнению С.В. Лурье, задаёт «ту систему координат, в которой человек живёт, в которой формируется образ мира» [18, С. 221]. Для исследований такого характера важно не только одно слово, несущее с собой специфические оттенки культуры, но и сам язык художественного произведения как таковой. Ю.М. Лотман отмечает, что язык, который выступает необходимым условием и в то же время материалом для продуцирования художественных текстов, характеризуется определённой ментальностью. В этом смысле он, по определению учёного, «представляет особый материал, отмеченный социальной активностью ещё до того, как к нему прикоснулась рука художника» поэтому писатель «обращается к материалу, в котором конденсированы итоги многовековой деятельности человека, направленной на познание жизни» [19, С. 207]. По мнению Т.В. Черниговской рассмотрение художественного текста как феномена культуры даёт широкие возможности для выражения и интерпретации смыслов, то есть выходит за рамки когнитивной науки в область сознания [20, С.7].

В тексте повести Е.А. Букетова главный герой рассуждает: «У нас в естественных науках существует так называемый статистический метод выведения закономерностей, когда из многочисленных данных по одному и тому же свойству или, как мы говорим, параметру выводится нечто математически усредненное. Это, наверное, для художественной типизации грубая аналогия, ибо область мышления **образами** (выделено – Н.И. Букетова) требует, как ты сам говорил, особого восприятия, отхода от грубых реалистичностей в область чувства музыки жизни, гармонии окружающего. И все же такую аналогию, по-видимому, сделать можно» [10, С. 7]. Лингвокультурология представляет возможности для исследования художественного текста как «формальной единицы культуры», где как полагает Л.Н. Мурзин «культура «разлагается» на тексты, состоит из текстов, хотя качественно не сводится к ним» [21, С. 160-169].

К научной парадигме «язык – слово» В.Н. Телия подключает ещё один компонент как «дискурс» и обосновывает необходимость изучения не только языка, но и дискурса, в котором разными языковыми

и дискурсивными единицами представлен соответствующий образ мира [22, С. 19]. Всё это позволяет замкнуть цепочку, в рамках которой и должен проводиться лингвокультурологический анализ художественного текста: культура – мышление – язык – слово – дискурс. По мысли С.В. Ивановой, всё это делает текст «ярчайшим порождением симбиоза языка и культуры, актуализирующим и манифестирующим особенности лингвокультурного кода, создаёт почву для «многоголосия» художественного текста» [23, С. 123].

С данной точки зрения лингвокультурологический подход представляется действенным и перспективным для нашего исследования, так как автор Е.А. Букетов как «творец» художественного текста, оригинален и типичен в своих творческих и языковых проявлениях. Он является представителем определённой нации, вовлечённым в конкретный культурный контекст и языковой дискурс, тем самым его языковое сознание характеризуется особенностями менталитета казахского народа. Анализ художественного текста/дискурса Е.А. Букетова представляет интерес для научного исследования как интерпретация в дискурсивном плане. Как представитель казахской этнокультуры автор вносит в текст произведения и контекст событий в повести национально-культурную специфику. Более того, как билингв, пишущий как на родном казахском, так и на русском языке, он вносит и другие ассоциативно-вербальные особенности в тексты диалогов. Основываясь на высказывании В. фон Гумбольта о том, что каждый национальный язык имеет свою «внутреннюю форму», специфическую структуру, обусловленную самобытностью народного духа, то же самое мы можем сказать и о языке писателя [22, С. 67]. Вместе с тем и язык художественного творчества каждого писателя так же имеет свою оригинальную «внутреннюю форму» и свою специфическую структуру, которые обусловлены самобытностью творца, то есть особенностями его личности, мышления. Данная мысль подтверждается в повести Е.А. Букетова уже в первом письме, где формирование образа «друга», не проходит без участия критичного «Я» автора. Лингвистический и стилистический анализ контекста дискурса позволяет определить жанр написания книги, который определяется уже по слову «писем» и дополнением названия словом «другу», что предполагает доверительную, позитивную авторскую позицию в виде «диалога», то есть акта коммуникации. В то же время использование числительного «шесть» конкретизирует смысловой объем, но не сужает его, а наоборот, действует как некое воздействие извне и дает толчок к прочтению письма «номер один» и является признаком

интертекстуальности. В поиске жанра написания своего повествования вырабатывается идиостиль писателя. Е.А. Букетов приходит к мысли, что форма представления в письмах позволит сохранить некую личностную тайну исповедальности и, в то же время, сохранит внутренний монолог главного героя в диалоге с «другом» и читателем. «Друг» пишет своему собеседнику главному герою повести Мажиту Нурбаеву: «Слушай, почему ты не напишешь о себе, о своей работе, о своих коллегах? Это же живая история создания большой науки в бывшей «инородческой» окраине, и молчать об этом, мне кажется, преступно, позорно!» Сказал страстно, категорично. Когда же я усомнился в целесообразности описания собственных деяний, как бы тщась выглядеть значительной личностью, ты тут же ответил: «А я тебя и не заставляю делать это. Ты – это не только ты, а десятки-сотни твоих коллег, которые имеют примерно одинаковую с тобой судьбу. Погляди позорче на своих коллег, прибавь чуть-чуть воображения, и ты оторвешься от себя, но это не будет означать, что ты оторвешься от правды жизни. Просто у тебя появится возможность отбирать наиболее характерные черты твоих сверстников. То же будет относиться и к тем людям, которых ты хочешь описать, их у тебя много, они в твоё повествование не влезут, ты вынужден будешь делать из нескольких одного, отбирая от тех лишь характерные, лишь запомнившиеся черты. Тогда работа твоего воображения наиболее приблизится к окружающей реальности. Естественно, при сохранении определенной меры, подсказываемой опытом, чутьем. Так что пиши, брат, смелее - и не стесняйся. Ты пишешь мне письмо. Твои эпистолы хороши своей исповедальностью. Но в них много соленых, иногда даже пересоленных шуток, к которым мы с тобой привыкли; это сбивает с серьезного тона. Лучше вообрази более молодого писателя, очень заинтересованного твоей жизнью и твоей работой, и исповедуйся, как старший по опыту жизни и по возрасту, чуть, может быть, назидательно. Я уверен, что получится. Учти, что написанное тобой нужно, очень нужно» [10, С. 6-7]. Известный литератор А. Сейдимбеков после прочтения повести в своем письме предлагает Е.А. Букетову сменить название и увеличить количество писем до девяти и, вообще, так как повесть больше похожа на документальную, написать от своего имени [24]. с чем автор не соглашается и оставляет текст без изменения.

Последнее, шестое письмо датировано 1982 годом и написано Е.А. Букетовым в городе Караганда во время его нахождения в больнице с n-м инфарктом, что отразилось и в тексте письма, где главный герой Мажит пишет: «Я заканчиваю, дорогой друг, это последнее письмо. Боюсь, что не очень пополнил твой и без того большой запас знаний о

тружениках науки. В письмах к тебе, остался таким же, каким бываю в научных раздумьях: хотелось написать о главном, о чем просил, а лезло на бумагу второстепенное, находящееся около главного. Не смог победить себя. Прошу меня простить... Я и теперь совершенно уверен в этом, и каждое слово о так называемых достижениях академика Нурбаева не перестает вызывать тревожные размышления о чем-то недодуманном, недоделанном... И в этой тревоге, может быть, дорогой друг, и заключается смысл жизни» [10, С. 286]. Анализ текста повести позволяет прийти к мысли, что размышления Е.А. Букетова, вложенные в уста героя, и стремление автора вписать события из жизни органично влились в сетевую модель художественного текста.

Анализ текста повести «Шесть писем другу» Е.А. Букетова в лингвокультурологическом аспекте позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Повесть как культурно-языковое явление представляет собой синтез художественного, документального и философского дискурсов. Она отражает индивидуальный опыт автора в контексте культурной и исторической среды Казахстана XX века, интегрируя в текст элементы национальной и универсальной культуры.

2. Языковая личность Е.А. Букетова проявляется в тексте через сочетание этнокультурной принадлежности, билингвизма, нравственной позиции и научного мышления. Его идиостиль опирается на лингвистическое многообразие, межъязыковую гибкость и глубокое гуманитарное мировоззрение.

3. Лингвокультурологический анализ демонстрирует, что текст выступает формой культурной памяти и репрезентации идентичности. Он формирует ценностные ориентиры через метафоры, интертекстуальные отсылки и знаковые образы.

1.1.1 Культурно - языковое пространство картины мира Е.А. Букетова как автора текстов

Наука о языке, - лингвистика, на протяжении нескольких последних десятилетий характеризуется ярко выраженной антропоцентричностью (от греческих слов «anthropos» (ανθρωπος) — человек + «kentro» (κέντρο) — центр. Это означает, что язык изучается в тесной связи с речью, культурой, психологией, а именно с точки зрения его использования человеком – языковой личностью. Если ранее в центре лингвистических исследований находились происхождение слов и самих языков, установление степени родства языков, а также

язык как знаковая система, то с конца XX века изучение человеческого фактора в языке не теряет своей актуальности и человек как языковая личность становится центром языковых исследований, а язык признается важнейшей его характеристикой [25]. Кардинальный поворот лингвистики к человеку, его деятельности, картине мира определил возникновение таких дисциплин, как лингвопрагматика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др. Вместе с тем, обращение лингвистов к антропоцентризму связано с признанием ведущей роли человека в процессах порождения и использования речи, то есть в новой лингвистической парадигме на первый план выдвигается такое понятие как «языковая личность».

Американский лингвист Эдвард Сепир справедливо замечает: «Современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом. Если он не вовсе лишен воображения, то он не сможет разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдаленной перспективе – с физиологией и физикой» [26, С. 128]. Сегодня языкознание во взаимосвязи с общественными областями знаний, все более интегрирует понятие личности, создавая ее всесторонне-целостный образ. Что касается языковой личности как категории языкознания, то следует отметить, что данное понятие, как и непосредственно связанные с ним лингвистические явления, активно применяется в научно-исследовательской и, как следствие, в практической деятельности многих областей знания. К примеру, в научном исследовании в области философии выявлена динамичная связь человеческой субъективности и дискурса в ходе языковой деятельности и научной практики. Становление дискурса, в данном случае, интерпретируется как процесс нормирования мышления и деятельности [27].

Широкое распространение в языкознании получил термин «языковая личность» благодаря российскому лингвисту Ю.Н. Караулову, когда в 1987 году вышла в свет его фундаментальная работа «Русский язык и языковая личность». Ю.Н. Карауловым дается следующее определение языковой личности: «...языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [28, С. 38]. То есть, в наиболее упрощенном понимании языковая личность – это сам человек, говорящий на том или ином языке, который используя этот язык, выражает свои мысли так, как присуще именно ему. Каждая языковая личность неповторима в

своим речевым творчеством. Именно поэтому одну и ту же идею разные люди, говорящие на одном языке, могут выразить разными способами. Возьмем, к примеру словосочетание «скучать по родному дому, родным краям». Разные люди выразят эту идею совершенно по-разному. Если кто-то просто скажет: «Как же я соскучился по дому!», то другой выразит эту мысль через поговорку «на чужбине и собака тоскует», третий использует расхожее выражение «дом, милый дом».

Академик Е.А. Букетов представляет интерес в персонологии науки как пример языковой личности, сформированной на пересечении этнокультурных, исторических, идеологических и языковых систем. Как представитель казахской этнокультуры он имеет присущую ему национальную картину мира, менталитет и ассоциативно-вербальную сеть. Как билингв, он свободно оперирует как единицами национальной, родной культуры, так и социально - культурной, в данном случае русской, что находит отражение в его художественном тексте [29, С. 84]. Национальный менталитет в текстах художественной литературы был продолжительное время предметом научных дискуссий, в котором принимал активное участие известный лингвист Г. Гачев, считавший менталитет достаточно сложным явлением, так как он связан с очень широким спектром знаний и понятий об окружающем мире, о складе мышления индивида, о его поведении [30, С. 15]. С позиций антропоцентрической парадигмы, языковая личность Е.А. Букетова сложилась и закрепились исторически, этнически и социально в общественной системе идеологии коммунизма, регулировавшей человеческое бытие и сознание в бывшем СССР [31]. Известный культуролог М.М. Ауэзов считает, что исторические факты говорят о том, что в ходе взаимодействия различных культур формируется особый тип личности, с деятельностью которой существенно связано состояние языковой ситуации, ее негативная или позитивная перспектива. Речь идет о так называемой «маргинальной личности». Маргинальность относится к числу проблем пограничного бытия культур и включает в себя, как частные случаи, факты творчества на языке другого народа. Особое положение маргинальной личности способствует тому, что она воспринимает культуру, к которой принадлежит этнически, как бы извне, со стороны и потому – крупномасштабно. В случае сознательной ориентации на участие в судьбах культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению ее состояния и перспективы в соотношении с другими культурами. Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе ее

взаимосвязей с другими культурами. Далее М.М. Ауэзов приходит к выводу, что, если человек маргинальной ситуации, является подлинно творческой личностью, деятельность которой немислима без глубоко обоснованной мировоззренческой позиции, он необходимо восходит к уровню национального самосознания, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей. Совокупная деятельность творческих личностей, преодолевших уровень маргинальности и обретших себя в качестве субъектов национальной культуры, способствует в конечном итоге снятию противоречий двумя ее «ветвями» и решению общих задач ее развития [32, С. 285].

Лингво-культурологический анализ позволяет воссоздать картину мира автора текстов с обязательным выходом в культуру, которая у него значительно разнообразнее вследствие владения им несколькими языками и возможностью межкультурной коммуникации в разных языковых и семиотических пространствах. Семиотическая концепция культуры, которая была предложена в начале 1970 – х годов Ю.М. Лотман и другими особенно важна, так как было введено понятие «семиотика культуры» и ее определение как иерархической знаковой системы или иерархической пирамиды знаковых систем [33]. Язык относится к важнейшим знаковым системам и, тем самым, пересечение с культурой находит выражение именно в семиосфере. Таким образом происходит соприкосновение, взаимопроникновение языкового пространства с семиотическим, что дает исследователю широкие перспективы. С этой позиции написанные, Е.А. Букетовым тексты, нами рассматриваются как единое культурное и языковое пространство, что дает нам возможность конструирования, воссоздания языковой картины мира автора. По мнению А. Брагина, Е.А. Букетов был талантливым и своеобразным писателем, не отделявшим литературы от жизни, щедро выплескивал добрые чувства на страницы своих книг: «В редакции журнала «Простор» за 1978 год повести дали название «Время светлой судьбы», которое теперь воспринимается только с горькой иронией. И рубрика «Документальная проза», и подзаголовок «Записки научного работника» предопределили, казалось бы, жанр произведения как мемуарный. Так ли это? Это не совсем так. Конечно, многое здесь совершенно достоверно. В повествовании и крупным планом, и в отдельных деталях присутствует автобиографический элемент. Но биография того лица, от имени которого ведется повествование, далеко

не всегда совпадает с биографией автора. Наряду с действующими лицами, существовавшими в жизни, названы их подлинные фамилии, мы встречаем просто придуманных писателем людей, созданных его художественным воображением. И доискиваться, с кого они списаны, дело в данном случае ненужное и не всегда доказуемое» [10, С. 5-11].

То есть, язык текста повести в своей сущности является художественной моделью мира Е.А. Букетова и соответственно этому структурно и содержательно направлен на создание и передачу информации не только индивидуального характера, но и общего окружения. Ю.М. Лотман полагает, что художественное сообщение создает художественную модель какого-либо конкретного явления - художественный язык моделирует универсум в его наиболее общих категориях, которые, будучи наиболее общим содержанием мира, являются для конкретных вещей и явлений формой существования [34, С. 26].

Из приведенных выше рассуждений следует, что художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный, то есть поэтический текст декодируется на другой язык только стихами, повествовательный текст - повествованием [34, С. 78]. Е.А. Букетов, следуя этому принципу переводит С. Есенина, В. Маяковского в стихотворной форме и в то же время пьесы У. Шекспира, в повествовательной, сохраняя мелодию текста. Труд писателя, особенно, когда простой читатель берёт в руки уже написанную книгу, совершенно для него не важен и, возможно, только аналитик художественных текстов, обращает внимание на текст. Каков он? В данном случае мы имеем уникальный случай, когда автор повести Е.А. Букетов от лица своего главного героя Мажита Нурбаева делится своим опытом передачи жизненных событий, мыслей, ассоциаций, воображения, превращая документальный материал в художественный текст: «Кажется, прожита самая обычная жизнь самым обычным человеком, жизнь, не украшенная ни взлетами, ни падениями, ни заметным влиянием на какие-либо сдвиги в окружающем обществе, и тем не менее перед мысленным взором громоздятся люди, события, смешивается их последовательность. Попробуй при этих условиях отобрать «кадры» таким образом, чтобы не сместить каждый из них с истинного его положения в цепи описываемого и, главное, сохранить действительное соотношение между ними по значимости. Пойми меня, пожалуйста, правильно: я далек от мальчишеской дерзости и претензии осмыслить и обработать факты прошедшего по-писательски; того непринтливового беспорядка, о котором я писал, мне не избежать, но я не могу в то же время допустить, чтобы тот или иной жизненный факт

в моих описаниях или несоразмерно выпирал, или излишне тушевался по сравнению с тем, какое он имел влияние на мою судьбу. И это, как теперь я убедился, дается очень нелегко. Без невольных смещений, по-видимому, не обойтись. И мне, признаться, немного не по себе от этого. Я ведь, что ни говори, научный работник, почти всю сознательную жизнь гоняющийся затем, чтобы не допустить отклонений от истины» [10, С. 35-36].

Это смятенное состояние автора при выборе модели своего произведения, более и менее значимых событий в жизни главного героя, личностей, прототипов образов в повести, Ю.М. Лотман называет построением иерархии отношений в художественной системе. И само понятие при выборе «иметь значение» зависит как от самого автора, так и от направленности событий, где последнее слово все – таки остается за автором, таким способом он выбирает структуру иерархии. Художественная модель в самом общем виде воспроизводит образ мира характерный для его сознания, то есть моделирует отношения личности субъектно-объектного характера. Каждый из элементов художественной структуры повести дает возможность рассматривать не только структуру языкового пространства, а гораздо шире – часть необозримого, непредсказуемого пространства-сознания писателя. Замечательный аналитик, философ и литературовед Ю.М. Лотман считает: «... историю художественной эволюции человечества можно описать относительно любого из них, будь то история метафоры, история рифмы или история того или иного жанра. Если бы мы обладали достаточно полными описаниями этого рода, то, синхронизируя их во взаимосвязанные пучки, мы могли бы получить картину развития искусства, Однако редкий из элементов художественной структуры так непосредственно связан с общей задачей построения картины мира, как «точка зрения». Она непосредственно соотнесена с такими вопросами во вторичных моделирующих системах, как позиция создателя текста, проблема истинности и проблема личности» [34, С. 321]. С первой страницы повести – диалога наблюдается пересечение текстов автора и «друга», где, в интертекстуальной форме разворачиваются сюжеты, ситуации в контексте смыслообразования, где не замечаешь переходы оценки и самооценки автора и героя или стороннего наблюдателя – Сознания.

Выработка идиостиля, поиск форм и структур подачи материала повести не дается легко, о чем Е.А. Букетов пишет: «Я вынужден сознаться, что примерно такое же представление было у меня о письмах, которые я тебе пишу. Теперь, после первых шагов в этом деле, я чувствую, как был наивен, взявшись за него, ведь я полагал, что стоит

вспомнить что-то связанное с моим обучением и становлением как научного работника, с моими учеными изысканиями, как станет писаться легко и просто. Но одно дело, когда воспоминания приходят и уходят, вызвав мимолетное умиление или горечь, на миг высветив на лице былую радость или, чуть взбредив в душе далекую боль, и совсем другое дело, когда эти воспоминания надобно переносить на бумагу. Тут необходимо, как я теперь начал постигать, особое приноравливание, особое искусство тормозить в голове прохождение картин прошлого, как это делается в замедленной съемке, мало того, необходимо останавливать тот или иной кадр, чтобы списать его, сделать, так сказать, натурную съемку с возможной рельефностью, резкостью в деталях. Вот видишь, я даже заговорил языком киношника. Легко сказать - затормозить, задержать кадр [10, С. 13-18]. Ю.М. Лотман характеризует отношение «точка зрения — текст» как отношение «создатель - созданное», то есть применительно к литературному тексту — это проблема авторской позиции, «лирического героя» и т.п.; применительно к модели культуры - это комплекс общефилософских вопросов, касающихся происхождения мира и его разумности. Поскольку отношение ориентированности текста культуры и точки зрения входящих в него конкретных текстов воспринимается как отношение истинности или ложности, то сразу же вырисовывается два возможных отношения: полное совпадение и диаметрально противоположность [34, С. 322].

Этнокультурное отражение мира в языковом пространстве находит выражение в повести Е.А. Букетова в примерах формирования философии мультикультуры и межэтнических отношений в билингвальной среде [35, С. 116-123]. Все детство и юность Е. А. Букетова прошли в родном ауле, среди людей, не владеющих русским языком, но говоривших на лексически, метафорически богатом, образном, красивом казахском языке. Он с раннего детства впитал русский язык и культуру, так как отец, отправив его учиться в русскую школу, возлагал на него большие надежды. Ученый впоследствии писал, что потом он «делал все возможное, чтобы я учился, и именно по-русски». В районном центре Марьевка была средняя школа с исторической датой основания - 1900 год, которая сначала была открыта как высшее учебное заведение, учительский институт, ставший позже средней школой. Учительский состав был сильный, потому что там преподавали даже профессора, доценты, подвергшиеся репрессиям и сосланные на север Казахстана из Москвы и других городов. В школе, благодаря этому, давали великолепные знания и Е.А. Букетов сразу попал в очень хорошую учебную среду. Названные факторы позволили

ему стать совершенным билингвом – человеком, одинаково свободно владевшим двумя языками – родным казахским и русским на самом высоком уровне. Таким образом, как отмечалось, языковая личность академика Е.А. Букетова, сложилась и закрепились исторически, этнически в социальных, семиотических и семантических системах казахского и русского языков.

Е.А. Букетов как языковая личность, как уже было сказано выше, представляет значительный интерес и в философском плане, так как его тексты, его творчество наскавозь пронизаны языковыми метафорами и смыслами культурного и философского плана. Личность академика Е.А. Букетова предстает в рамках современной антропоцентрической парадигмы как уникальный пример языковой личности, сформированной на пересечении этнокультурных, исторических, идеологических и языковых систем. Язык для него становится не только средством выражения мыслей, но и инструментом моделирования картины мира, интерпретации реальности и философского осмысления жизни.

1.1.2 Этнокультурные особенности в концептосфере основных героев повести

Традиционная казахская культура основана на глубокой народной философии уважения и поклонения Небу, Земле, Единому Богу, проживания в гармонии с природой несмотря на ее иногда суровые испытания для человека и животного мира. В казахском социуме исторически существовала возрастная и родовая иерархия, что было закреплено на нравственном и поведенческом уровнях, когда любые действия молодых людей для получения благословения при ситуации необходимости выбора при принятии каких-либо важных решений в жизни, обсуждались с представителями старшего поколения. Традиции и обычаи казахского народа, которые были сформированы в течение многих поколений передавались в процессе коммуникации, что повлияло на языковое богатство казахского языка, его выразительность и разнообразие форм символизации и концептуализации. Естественно, это отразилось в речемыслительной деятельности этноса и когнитивных способностях репрезентантов и коммуникантов. В повести Е.А. Букетова, который успел застать представителей старшего поколения последней генерации кочевой цивилизации в образах Алжиган – ата, бабушки, отца, дяди, матери - находим яркие примеры этих процессов. Это были люди, владевшие богатым, казахским языком с органичной,

исконной интонацией вследствие высокого доминантного развития казахского языка в устной форме. Казахский язык того времени был живым, полным синонимов, антонимов, пословиц и поговорок, слов с богатой коннотацией; выразительным, острым красивым, для которого была свойственна традиционно народная манера коммуникации. Мажит Нурбаев – Букетов, когда решил поехать учиться в университет, должен был попросить разрешения и благословения у всех «старших». О чем он пишет так: «Вот когда я думаю, мой дорогой друг, об этом «в-третьих», я вспоминаю пушкинское «обычай - деспот меж людей». Тогда еще был в силе обычай обсуждать серьезные шаги в жизни со своею роднёй, под которой подразумевались ведущие мужчины рода, аула. Я должен был посоветоваться с дядей, который жил в райцентре и был особенно близок мне, потому что я у него жил, когда учился в школе, с двоюродным дядей, который жил тоже в райцентре, и еще со многими родными, кто старше меня и имеет в ауле вес. И, наконец, с девяностолетним старшиной нашего рода Алжиганом или с ата, как мы все его называли. Я знал, что все они будут против, потому что, хотя это были старики и им самим приходилось туго, но иногда, от случая к случаю, они беспокоились о семье Мукана, в особенности, когда неожиданно вскипал ата, крича, что «измельчавшие потомки забыли обычаи предков, никто не догадается забросить во двор Мукана навильник сена...» [10, С. 16-17].

Эти слова были не просто признаком эмоционального возмущения Алжиган – ата о несоблюдении обычаев народа. Это была внутренняя боль о будущем молодого поколения, которому будет очень трудно при изменившейся общественной формации сохранить обычаи и традиции, не «измельчать». Истоки этой боли уходят в трагические события в истории казахского народа и об одном из них говорит мыслитель и философ М.М. Ауэзов. В 20 веке произошла самая страшная трагедия для казахов- голод 30 – х годов, трагедия, которая породила «безверие в будущее», которое стало, по его мнению, «трагическим финалом конно – кочевой цивилизации. Именно конно – кочевая цивилизация, точкой отсчета которой М.М. Ауэзов считает середину 1тыс.до н.э. (2,5 тыс. лет назад), когда «конь становится средством покорения больших пространств», представляет основу, дух и красоту казахской культуры [36]. Народная мудрость передавалась от старшего поколения к младшим в виде ценностных установок, слов назидания, умозаключений. Алжиган - ата считал, что каждый, рожденный на исконной земле предков, должен здесь и оставаться, посвятить свою жизнь процветанию своего колхоза и своего рода. Но при этом он никогда не проявлял что-либо подобное нетерпимости,

пренебрежения к другим родам, племенам и народам. Он просто полагал, что каждый должен хорошо заботиться о себе не во вред другому. Это был пример толерантности, передававшейся из поколения в поколение.

Традиционно мужчины, входя в дом, приветствовали, положив правую ладонь на грудь, словами пожелания мира очагу, что и сделал Алжиган – ата. Громкого ответа он не получил, так как причина этого была совсем не в том, что дома никого не было. Е.А. Букетов объясняет эту «тишину» словами Мажита Нурбаева: «Отвечать было некому, так как я встретил его на улице, братьев тоже не было дома. Матери, сидевшей у печи и готовившей что-то горячее к чаю, отвечать громко не полагалось» [10, С. 30]. Дискурсивная ситуация в корне меняется когда, опираясь на посох и поддерживаемая Мажитом, медленно входит бабушка, которой уже под сто лет и она немного старше Алжиган – ата: «...старик, как будто того и ждал, так оживился, так озорно заблестели его глаза, четки с такой скоростью исчезли в его правом кулаке, что можно было подумать, будто до этого перебирал он их с неохотой, по чьему-то принуждению.

«Ты зачем, Мажит, эту развалину тащишь? - накинусь старик на меня. Мы что, в доме Мукана не можем без нее за чаем посидеть? Ведь одно расстройство быть за одним дастарханом с такой слепой, беззубой, немощной старушкой. Жаль, что я тогда был мал, был бы постарше, ни за что не позволил бы Ага жениться на ней!» Алжиган – ата под «Ага» имел в виду деда Мажита - Нурбая. Бабушка, для которой семейные народные традиции были определяющими и незыблемыми, относилась к родственникам мужа всегда с терпением, уважением, невзирая на их возраст. Алжиган – ата был лишь немного младше нее, но она с того времени, как вошла в семью Нурбая, называла его ласкательно, табуированно «Жинды Жан», так как называть его по имени, «женге», жене брата, было не дозволено по этикету. Реакцией бабушки на эти слова был ее «тихий беззвучный короткий смех», после которого она села рядом с аксакалом, чуть прикрыв свои голубые глаза. Алжиган - ата продолжил свою шутливую речь: «Ты что, старушка, льнешь ко мне, места тебе не хватает... Поистине правду говорят: аллах хороших к себе забирает, плохих землю сорить оставляет... Нет, чтобы жил ага, вместо него живешь ты... Я б с удовольствием на твоей могиле прочитал молитву...» [10, С. 30-31]. Бабушка Мажита была непроста, умна и остра на язык. В народе ее называли «Боз кемпир - светлая старушка» за ее белую кожу и светлые глаза. Весело посмеявшись после этих слов, отдышавшись и успокоившись, она отпарировала: «Жинды - жан, ты, видно, тоже не очень-то нужен аллаху... Соришь землю не меньше меня,

да еще с насваем и непотребными словами... Как узнала, что ты муллой прозываться стал, почему, думаю, люди грех на душу берут, тебя муллой называя, ну какой ты правоверный, ну скажи честно... Ты меня давно на тот свет собираешься отправить, опять грех на душу берешь, обижаешь, бессовестный человек, внуков моих, видишь, как они меня чуть ли не на руках носят. Нужна им, значит. Недавно подумала было: не чужой Жинды - жан человек, раз он муллой стал, неудобно его бесноватым называть, собиралась было переименовать, но как тебя переименовать, если, кроме Жинды - жан - бесноватая душа, «бесноватый», ни одно слово не подходит, как ни назови, сползет с тебя это слово, как вода с крыльев утки».

Мажит Нурбаев объясняет суть этой перепалки так: «Ты, друг наш, может быть, даже не хуже меня знаешь некоторые особенности нашего быта в прошлом. Молодая женщина, приходя в дом мужа, роднясь с людьми всего аула, как правило, считала неудобным называть мужчин рода по именам, а давала им свои прозвища, так, чтобы эти имена-прозвища звучали ласково к младшим, почтительно к старшим. Этим она выражала свое уважение к роду, членом которого она стала. Присваивая личные прозвища младшим, молодая женщина в меру своего остроумия старалась высмеять какие-либо черты в характере, в поведении родного человека. Бабушка была на пять лет старше Алжигана - ата, и, когда она приехала в наш аул насовсем, он был еще малышом. Бабушка, видно, сразу разгадала особенности характерам мальчика, когда его назвала Жинды - жан - «бесноватая душа», включая в это прозвище и элемент ласки, потому что «Жинды - жан» звучало одновременно и ритмически нежно, как «бесноватый наш» или «бесноватый мой» [10, С. 30-31].

Как было сказано выше, изменение традиционного образа жизни сильно отразилось на старшем поколении, так как они видели, что новая жизнь вместе с некоторыми положительными сторонами в обустройстве быта, сильно влияет на основы и критерии этнических ценностей, на изменение внутренних установок личностей, связанных с главной задачей: как в меняющемся социуме молодому поколению сохранить национальные особенности и не стать по отношению друг к другу «жат» - «чужими». Отсюда понятна нервная реакция Алжиган – ата на просьбу благословения на учебу в университет Мажиту: «Что вы, две бабы из дома Нурбая, взялись за меня? Я говорю и буду говорить, что никто из нашего рода ни почета, ни уважения на стороне не добивался и не достигал... И если этот твой внук не окажется болтуном и безмозглым дураком, а станет через книги хорошим человеком, если при этом у него не окаменеет сердце и он не сделается чужим для нас,

пусть едет... Я не стану возражать и брать на старости лет грех на свою душу... Вот этого ты от меня, старая развалина, хотела добиться! Вам, женщинам, легко рассуждать! А знаете, сколько теперь, после войны, в ауле мужских дел будет? Кто будет приводить в приличие крыши домов этого рода? Вы, женщины, будете? Об этом ты думаешь, слепая старуха?» - пишет Е.А. Букетов.

Мать Мажита, соблюдая этикет, не стала вступать в разговор и тихо подала знак уходить, потому что главное был исполнен традиционный обычай ознакомления старших с планами Мажита на будущее. Автор пишет: «Мать была довольна, теперь у Алжигана - ата не будет причины обижаться, что ему ничего не говорили, с ним не советовались. Теперь он будет от души молиться за благополучие всех шагов раба аллаха Мажита, сына Мукана, из рода Алдакаш. Мать этому придавала особое значение. Мать знала, что старик и так молится за всех людей своего рода, но одно дело просто молиться, другое молиться за того, кто был неизменно почителен и внимателен к старику. Собственно, последнего, как мне казалось, тогда добивались бабушка и мать» [10, С. 33-34].

Национальные традиции воспитания мужчин в духе сдержанности, влияли на выражение истинных чувств, что нашло отражение в словах – напутствия и незаметной помощи Алжиган – ата, Мажиту: «Ну что, долговязый щенок, добился своего!.. Езжай, да не тяни за собой других. Умру я в твое отсутствие - скажи за меня божье слово... Да будет в пути конь рысист под тобой, да поведут тебя аруахи предков за собой... Аминь! Я поднялся и вышел. Я уже был за воротами, как слышу: «- Уай, щенок, вернись-ка! Во всех домах был? Никого не обходи, не положено». Старик засеменял ко мне, что-то доставая из внутреннего кармана жилета. Подойдя вплотную и не глядя на меня, сунул руку в наружный карман моего пиджака и закричал: «- Иди, щенок! Что уставился?» - Его маленькая, сгорбленная фигурка быстро скрылась под навесом двора. Я посмотрел вслед, пошарил в кармане и достал измятую, замусоленную сторублевку[10, С. 34].

Концептосфера этнокультуры в повести представлена многочисленными словами-реалиями казахской культуры, которые автор несмотря на то, что пишет на русском языке, включает в свое повествование. Сюда вошли как реалии, известные широкому кругу представителей других культур, такие как *кумыс*, *камзол*, *джигит*, так и слова, которые не встречаются обычно в русскоязычной литературе. Для пояснения смысла последних автор представляет их в составе сложных слов, где одна из основ выступает русским переводом лексемы: шапка - тымак, олады - куймак, мугалим - учитель, степные

ветры - анызак, выстойка - танасу, писпек - мешалка [мутовка для взбалтывания кумыса], скирды - чучаки, скачки - байга, мешочек - дорба, телега - арба, сапоги - саптама. Ряд казахских слов, часто обозначающих какое-либо явление в казахской культуре, приводится с переводом или пояснением на русском языке, которые автор дает в скобках:

«...казахское «*тауекель*» [будь что будет, упование на Аллаха]; это слово звучало даже более оптимистично, чем русское «авось»;

«...наш семейный ... день – «*сят*» (день удач)» [сәтті күн];

«...боясь ... прослыть перед ним безродным прощелыгой, не знающим «*намыс*», то есть способности беречь честь своего рода»;

«...считалось, что *аруахи*, духи предков всего нашего рода, сосредоточены в этом маленьком сгорбленном старичке»;

«...настолько молчаливо почтительна была *келин* (сноха)...»;

«...поперек поймы *Узун-карасу* (длинной старицы)» [карасу – участок реки, превратившийся в самостоятельный стоячий водоем].

Естественно, реалии казахской культуры в тексте отражают самобытность в образе мышления представителей народа, их языковые особенности, формирование смыслов речевых выражений и некоторые обычаи. Русские эквиваленты и дефиниции в данном случае не передают дополнительных оттенков значения и не несут ту смысловую нагрузку, которую автор вкладывает в повествование, но в то же время служат своеобразным ориентиром для русскоязычных читателей. В русском переводе обращение Алжиган - ата к Мажиту «долговязый щенок» не передает то шутовское, ласкательное, табуированное обращение «иттің баласы». В книге «Шесть писем другу» находим большое количество казахских пословиц, поговорок, переведенных автором на русский язык. Подобные отсылки в повествовании как правило предваряются словами: «как говорят у нас в народе», «есть казахская пословица» и другие: «Что ни говорите, человек не может изменить свою природу, он всегда остается человеком. Жизнь же сложна, и в ней повсюду острые углы, шипы и заусеницы, которые не всегда обойдешь... *Как говорят у нас в народе* «человеческая голова кругла» и обладатель ее желает выставить и собственные деяния в устраивающей самолюбие овальной, обтекаемой форме...»;

Сравнения как выразительные средства, используемые автором, также часто содержат элементы казахской культуры и богатого языка: «...Ты все время *болтаешься, как жеребчик, отбившийся от косяка*, вместо того, чтобы после занятий с детьми, помогать колхозу... Джигит должен быть *свободен, как сокол*».

Е.А. Букетов находит живой, красивый сравнительный образ для описания бурного, весеннего половодья реки, когда со страшным грохотом взрываются льдины, похожие на поведение разъяренного верблюда: «*Побурлив верблюдом* день или два, она внезапно опала и, как- будто извиняясь перед всеми за свои безумства, скромно возвращалась в свое узенькое русло...».

Глубину владения автором родным языком находим в красочном сравнении высокой травы с гривой коня: «...начинаю размахивать косою. Беру чисто, хорошо, под корень, и длинно-стеблистая трава ложится красивым, плотным, бугристым, *как грива у породистого коня*, валком...».

Мастерски владея литературным слогом, как истинный художник слова, Е.А. Букетов рисует яркие картины в жизни героев повести, передавая читателю картину мира героев. Концепты этнокультуры содержат кванты мыслительной, речевой, культурной деятельности казахского народа, содержащей в себе богатство его языка и традиций, воссоздают особенную атмосферу, колорит казахского аула, красоту природы.

Анализ повести Е.А. Букетова «Шесть писем другу» позволяет утверждать, что автору удалось глубоко и достоверно передать духовно-нравственные основания традиционной казахской культуры, основанной на уважении к старшим, поклонении предкам, гармонии с природой и твердых устоев и преемственности в родовой идентичности. Через образы старшего поколения – Алжиган - ата, бабушки, матери - и их речевые практики, автор раскрывает механизм культурной преемственности, в которой слово, обращенное к молодому поколению, является не только средством коммуникации, но и носителем моральных и этических кодов.

1.1.3 Образы героев уходящей конно-кочевой цивилизации

Мыслитель и философ М.М. Ауэзов считает, что в XX веке произошла самая страшная трагедия для казахов - голод 30 – х годов, трагедия, которая породила «безверие в будущее», которое стало, по его мнению, «трагическим финалом конно-кочевой цивилизации. Именно конно-кочевая цивилизация, точкой отсчета которой М.М. Ауэзов считает середину I тыс. до н.э. (2,5 тыс. лет назад), когда «конь становится средством покорения больших пространств», представляет основу, дух и красоту казахской культуры [36]. М.М. Ауэзов убежден в том, что «...мир кочевой архаики является одним из основных

факторов, придающих современной казахской культуре черты уникальности и неповторимости. В нем заключен конкретный исторический опыт народа, его традиционное мировидение, этика и эстетика, его искусство. И на всем этом лежит печать постоянного движения, перемещений и рожденного ими своеобразного отношения к пространству и времени [36; 32]. Е.А. Букетов, который чтит и уважал культурные традиции казахского народа, очень внимательно относился к представителям старшего поколения, которые, преодолев время социальных и культурных трансформаций, сохранили традиционную одежду, сметливый ум и красноречие. Он пишет о том, как на прием к нему пришел отец молодого научного сотрудника, аспиранта Акылтай Игенбаева: «Помню, сидел я у себя в кабинете, просматривал бумаги, как раскрылась дверь, и в ней показалась старомодная, большая зимняя шапка - тымак, заслонившая чуть ли не весь проем двери. Видя, что ко мне жалует старый человек, я вскочил и пошел навстречу. На мое приветствие он ответил не сразу. Сначала молча положил свой тымак на приставной столик, затем приспустил толстый кушак, на который ушло метров пять материи, сел и только потом сказал: Уагалейкомсалям, сын мой. Аллах тебя наградит за почтение к старшим». И пошли расспросы, без которых не обходится ни один аксакал. «Сын мой, - сказал он далее. - У тебя здесь работает мой сын Акылтай Так ты скажи мне, директор-сын: или Акылтай стал таким большим ученым, что ему не к чему дальше ломать голову, или он зажирел, ибо лишний жир набирают только бараны. Говорят, что ты сам приходишь в этот кабинет ни свет ни заря и сидишь за книгами, а твой брат Акылтай спит в это время так, что чуть не опаздывает на работу... Я понимаю, что теперь в жизни все умом делается, надо много думать... много читать... Если цель - лисица, надо стать гончей собакой...» [10, С. 145-147].

Аксакал в процессе беседы произвел на Мажита Нурбаева потрясающее впечатление своей логикой, аргументированностью личностных установок своего мировидения: «Я смотрел на него, все более удивляясь уму и зоркости этого живого осколка прошлого, ввалившегося в мой современный кабинет в громадных старинных сапогах- саптама с войлочным подкладом и широкими голенищами выше колен, в просторнейшей шубе, опоясанной толстым жгутом серого полотна, в тымаке с широченным задником, прикрывавшим чуть не всю спину, словом, во всем том, что теперь не носит ни один, родившийся хотя бы на десять лет позже этого аксакала. Не зря избородили глубокие морщины широкое лицо этого человека, оставив молодыми лишь глаза, если он увидел то, что не очень склонны были

замечать мы. думать, что, возможно, научная судьба Акылтая оказалась бы менее счастливой, если бы не пришел ко мне вовремя его старый, умный отец [10, С. 145-147].

Классические лингвистические теории, сводя язык только к функции высказывания (мыслей, чувств и т.д.), утверждают эту функцию в качестве основной, центральной. Но в любом языке существует еще и функция утверждения, тесно связанная с первой. И эта функция не менее важна, поскольку именно она делает высказывание истинным или ложным, т.е. превращает его в познавательный феномен. Символ, который просто выражает понятие хотя и является значимым, не истинен и не ложен, хотя он и является значимым. Таковы, например, имена или образы, которые мы называем «фактами реальности». Но факты сами по себе еще не являются гносеологическими единицами, пока они не связаны друг с другом невидимыми нитями в единую ткань; они должны быть чем-то соединены в единое целое, чтобы стать элементами познания. Этими нитями, создающими единую ткань познания, являются символы и знаки. Содержанием познания выступают символические смыслы (значения), порождаемые процессом символической деятельности. Дискурсивный или вербальный подход к исследованию символизации может быть расширен презентативным подходом, ранней формой которого выступает ритуал. В тексте повести Е.А. Букетова представлены некоторые примеры ритуалов из жизни казахов, которые сохранили свои смыслы благодаря народной памяти. Например, как кажется, Мажиту Нурбаеву, суеверие отца, начинать любое дело или принимать важные решения, совершать жизненные действия только в Среду, это уже ритуал свойственный не только ему, но и большинству казахов: «Родитель мой был очень суеверным человеком. Любое серьезное дело, особенно поездки на далекие расстояния, он начинал только в среду – это, по его убеждению, был наш семейный (я уже не помню, может родовой) день –«сят», день удач». И действительно это был уже глубоко укоренившийся ритуальный подход, ставший частью коллективного разума на уровне символа. Если в вербальной символической деятельности основной символической формой выступает слово, то в до вербальной ею является образ. Образ ни в коем случае не является простой непосредственной записью чувственного опыта, он с самого начала вписан в иное, символическое измерение. Если бы образ был простой фиксацией чувственных впечатлений, то он не обладал бы той устойчивостью формы, которая позволяет воскрешать его в памяти и обращаться к нему как чему-то непреходящему, постоянному и тождественному. В этом качестве он

является объектом не чувства, а ума. Мы можем назвать такие образы «картинами» это слово лучше передает стабильность и постоянство образа, например, часто встречающийся в казахской антропонимии ритуал вложения смыслов в имена с разными интенциями: сокрытия рождения человека от злых духов, тайного желания иметь сына, мечты о будущей красоте ребенка, о тайном пожелании ему счастья и богатства и других. Иногда детей с целью защиты называют просто предметами обихода, например, Балтабек от слова «балта - топор», Балгабек – от слова «балга - молоток» чтобы «злой дух» ошибся и подумал, что это не человек. В имени рода «Алдакаш» тоже скрыт смысл целой истории появления на свет родоначальника рода Мажита Нурбаева. Н.И. Букетова об этом пишет так в книге «Сны наяву»: «Бальтай - апа своих первых внучек назвала созвучно имени Нурсулу - Айсулу и Аксулу. Она хотела, чтобы девочки тоже в будущем учились хорошо. Сегодня я понимаю, что это были примеры высокой жизненной мотивации, к которым нужно было стремиться, не забывая о соответственной планке ответственности, как бы передавая эстафетную палочку успешного получения знаний от старшего брата Евнея, следовавшей за ним юной поросли. Умсун - Бальтай-апа умерла в 1962 году, летом. Ибрай – Жактай - ага сам лично поехал в Караганду, чтобы затем сопровождать тело своей уважаемой женге - жены брата, к последнему её пристанищу - родовому кладбищу Алыпкаш, где в 1942 году был похоронен отец Евнея - Мажита - Арыстан.

Родословная Алыпкаш-батыра, похороненного тоже здесь, восходит к роду Атыгай (XVI в.), одной из главных семи ветвей – Жети - Момун (имя матери-родоначальницы) племени Аргын. Алыпкаш был потомком Баимбета. Баимбет являлся наследным сыном Калкаш-батыра, сына Бегима, отцом которого был Даут. От Баимбета происходит Жоламан, потом Даулетей, а затем рождается Кайдауыл, известный в народе как Жеке - батыр, не знавший поражений в личных поединках. Затем идёт Сырымбет, у которого был сын Хангелди. У Хангелди было несколько сыновей, один из которых наш прапрапрадед Нак - батыр. Он был силен, удачлив в сражениях, но у него не было сына, наследника, родились одни девочки. И вот, когда ему было уже почти семьдесят лет, его младшая жена родила сына. Нак - батыр, человек крутого нрава, решил, что судьба насмехается над ним, подарив малое дитя на старости лет. Вынув саблю из ножен, он поскакал в аул, чтобы не позволить в будущем никому издеваться над его малолетним сыном, когда умрёт его отец - Нак. Он кричал: «Зарублю! Не хочу, чтобы сын бесстрашного Нака, остался сиротой!» Женщины, передавая ребёнка друг другу, говорили: «Алып каш! - Бери и убегай». Так за ним

и закрепилось это имя. Только восьмью лет от роду Алыпкаш предстал пред очи отца. Удивительно и смешно то, что судьба всё равно «отомстила» батыру. Старец Нак прожил до ста двадцати лет и сын его, Алыпкаш, сам уже будучи в годах, сделал нечто вроде волокуши, которую тащили два быка. Сын был очень заботлив. Чтобы не было больно костистому отцу, он сначала клал на волокушу кииз - войлочный ковер, затем мягкие берёзовые ветки, стелил ещё что-нибудь мягкое и только потом сажал туда, уже к тому времени не ходившего, отца. Внуки Нак-батыра понукали волов и так они таскали деда даже по гостям, под смех и шутки аульчан.

Прапрадед Алыпкаш был красноречивым и дипломатичным человеком, жившим в середине XVIII века. Как пишет Муса Галым, исследователь и учёный, старший брат Токсана би - Сексен, обидевшись на него, решил откочевать к родственникам своей матери, нагашы, к известному Найман Бабыру. И тогда от этого решения смог отговорить Сексена только Алыпкаш. Алыпкаш - батыр умер после сильного ранения в возрасте чуть более шестидесяти лет и был похоронен на родовом кладбище на берегу Есиля. В 1975 году группа студентов КарГУ во главе с профессором Здановичем провела раскопки на Алыпкаше. Батыр был захоронен в каменном углублении. Он был высокого роста и, конечно, его рана была смертельной - был повреждён позвоночник [14, С. 14-15].

Отец Мажита Нурбаева был высокий, с карими глазами, которые в момент его недовольства, чернели, красивым с горбинкой носом, легким румянцем на нешироких скулах. Автор пишет об отце: «Интересно было отношение отца к моей учебе. В нашем роду вообще не было грамотных, и мой отец, несмотря на то, что никогда не брал в руки книгу, знал массу пословиц, поговорок, притч, песен и стихов акынов и в любой мог высыпать и с охотой высыпал нужное количество изречений на предмет «учение - свет, а не учение – тьма». Арыстан, в книге в образе Мукана, очень волевой человек от природы, был трудолюбив, мастерски шил обувь и разную одежду. В воспитании детей был добр, но строг. Так он поступил при выборе школы для продолжения учебы сына Евнея - Мажита, когда вернулся в родные степи и влился в колхоз, организованный там из нескольких аулов. Об этом автор пишет: «Теперь в нашем отделении была своя казахская четырехлетка, и мне хотелось остаться с привычными сверстниками, и учитель уже обещал меня принять в казахский четвертый класс, но отец строго посмотрел на меня и молча отвез в районный центр к дяде, работавшему конюхом в одном из районных учреждений, чтобы я продолжал учебу в русской школе. Словом, отец делал все возможное, чтобы я учился, и именно по-русски» и старался выполнить свое

обещание «..., что будет учить своего старшего сына, сколько хватит сил, и повторяя при этом прослышанную где-то им истину: учеба – дело бездонное, учиться можно всю жизнь» [10, С. 22-24]. Образу отца, рано ушедшего из жизни, уделено не так много страниц в повествовании, как образу матери, Умсун и других героев повести. Образы-картины, будучи по своему происхождению связаны с чувствами, в дальнейшем функционируют в относительной или полной независимости от чувств. Е.А. Букетов представил удивительную картину жизни, обычаев, традиций, этики поведения, общения на примере представителей старшего поколения: бабушки, Алжиган ата, Жактай ага - все они отличались великолепным знанием казахского языка, тонкостями функционального смыслообразования, красноречием. Мама, Мажита Нурбаева, Умсун, достаточно закрытая как личность из - за этикетных ограничений для женщин, требовавших сдержанности и молчаливости, впервые открылась как волевой, талантливый человек лишь после смерти ее мужа - Мукана. По- казахскому обычаю, когда умирает близкий, особенно муж, женщина исполняет обряд «Жоктау – Оплакивание ушедшего». Об этом автор пишет так: «У моей матери, когда умер отец, казалось пропал голос, такой громкий в обращении с моими братьями. Она плакала и говорила слова печали, будто рассказывала ровным голосом, чуть нараспев какую-то трогательно жалобную историю. Впервые моя мать предстала передо мной не сварливой и шумной тетушкой Умсун а женщиной умеющей с достоинством и мужеством встретить любые трудности и несчастья... (С того момента, как Евней - Мажит стал говорить и был по казахскому обычаю на воспитании у бабушки, отец Арыстан - Мукан и дяди считали его братишкой, а он называл свою маму по имени – Н.И. Букетова) Но мне запомнилось, как однажды кто-то из пришедших слишком жалел нас, детей, гладил по голове, называя сиротами (во все м этом чувствовалось что – то фальшивое и ненастоящее), а мать утерла слезы и нараспев, спокойно сказала:

Ушел наш кормилец, муж и отец,
Аллаха любимец- земли нежилец.
Разве оставит Всевышний детей
Того, кто уже в благодати небес.
Жалость земных им совсем не нужна,
Без милости их не оставит творец.
Есть братья отца, есть у них я-
Сиротливой не будет Мукана семья.
Лишь жалко отца, ушел не выдав,
Как батырами стали его сыновья» [10, С. 30-31].

Мир образов, как и язык, это не статичная, а подвижная развивающаяся система, движущаяся от простых «одноактных» картин до сложных, развернутых во времени и переплетающихся друг с другом историй. Образы обладают гораздо большей, чем понятия, силой воздействия на человека, и прежде всего потому, что в понятии символизм подавлен, заглушен, в то время как в образе он проявляется непосредственно. Оперирование образами является не чувственной, а мыслительной формой деятельности, оно связано с такой интеллектуальной способностью как воображение. На примере образа Реки развертывается множество картин, которые открывают простор воображению и чувствам читателя: «Дорогой друг, знаешь ли ты степную реку, ту реку, которая, выжурчав ручейками где-то в плоскогорьях Сары – Арки, затейливо вьется затем по Караоткельским равнинам, прорезает все глубже и шире тучные черноземы с березовыми рощами, которые ныне превратились в целинные поля, и несет свои воды туда, на север, стремясь соединиться с могучим Иртышом?...» [10, С. 117-119].

И, автор, все больше развертывая картину Реки до географических величин, переходит к описанию картин жизни в родном ауле, где река - символ единения человека с Природой, образ которой неизменно возникает перед глазами. Он с грустью отмечает, что Друг - Читатель, не мог быть знаком с этой красотой, потому что не жил там: «Нет ты плохо знаешь ее, эту степную реку, потому что ты родился и жил в детстве вдали от нее, и не мог видеть в те времена, когда она каждой весной внезапно раздувалась, заполняя свою просторную пойму, раздвинувшуюся местами на добрый десяток и более километров в поперечнике. Ты не видел, да и не мог видеть, как у нашего аула, словно, по волшебству, образовывалась морская гладь, по которой стремительно неслись куда-то вдаль, в холодные края, льдины, бревна, вырванные с корнем громадные ветвистые деревья, плетни, бесчисленное множество каких-то обломков и всякой всячины, что и не разгадаешь, чем они были до того, как их взяла в свои студеные объятия разбушевавшаяся стихия»... [10, С. 117-120].

Река детства дает Е.А. Букетову такую широту воображения, что читатель вместе с ним пробежав от аула двести – триста метров, поднимается в гору, левее кладбища, для которого как и для всех других наши предки столетиями выбирали неизменно самые высокие точки и восхищается открывшейся перед ним картиной: «Удивительное это было зрелище: ...перед тобой открываются бескрайние водные просторы, и так как во время полноводья за туманом, парящим над водой, скрывался соседний, находящийся от нас в десяти – одиннадцати

километрах заречный аул, то создавалась чаровавшая мальчишеское воображение иллюзия океанской безбрежности: замечтаешься чуть, и кажется, что ты стоишь на берегу всамделишного моря и что во – вот покажутся мачты кораблей, а может дымящие трубы пароходов из заморских стран» [10, С. 117-120]. Впечатление, ставшее образом, становится и символом. Образ – это метафора бессловесного познания. Образ реки впечатляюще константен и одновременно динамичен и картины жизни людей, кажется, существуют вне времени и пространства, как кадры, запечатленные в ее течении. Время будто останавливается и, действительно, в воображаемой, но настолько реальной картине, нет Начала и нет Конца:

«Нет, мой дорогой друг, не знаешь ты мою реку, ибо ты не видел и не мог видеть ни ее грозных, бушующих разливов, ни ее смиренного журчания, когда летом ужималась она настолько, что всадник переезжал в иных местах ее броды, не задевая даже стремнем бегущую волну, ни ее тучных пойменных лугов, где в самые жаркие дни начинали, перекрывая птичье многоголосье, звенеть, литовки косарей, и вырастали стога, ни ее глубоких и тихих стариц, поверхность которых, оберегаемая от степных ветров - анызак свисающими с берегов густыми тальниками, не всколыхнется ни разу, ни купания в старичной воде, когда бросившись в мягкую, бодрящую глубь ее, выплываешь и в блаженной радости смотришь на круги, расходящиеся от тебя, мерно колыхая широкие лепестки кувшинок» [10, С. 117-120].

Образ Реки, реки детства и юности Мажита Нурбаева, олицетворяет не только живую картину природы, но и становится символической границей изменения традиционного уклада жизни казахов в современный, которую автор представляет лишь одним предложением: «И все же как-то грустно от того, что теперь нет реки, что никогда она отныне не повторится ни при живущих, ни при грядущих поколениях». На смену передвижению на лошадях приходят легковые машины, что изменяет и образ жизни людей: «Интересна эта грусть о безвозвратном так, расслабленно укачиваясь в комфортабельной легковой машине, мчащейся по современному шоссе, мечтаешь прокатиться на рысистом коне, хотя прекрасно знаешь, что конь – безнадежно отсталый вид транспорта, что твое рыхлое тело, изнеженное мягкими, удобными сиденьями, растрясется за несколько минут от упругого топа лошади, вовсе не упруго отдающегося на жестком седле» [10, С. 119].

Эта грусть воспоминаний в душе главного героя неизменно связана с родными просторами, родными людьми, среди которых ярко, с любовью представлен образ дяди, Жактай - ага, который, как и его

отец, соответственно обычаю, считался старшим братом - Ага. Жактай – ага посвящено значительное место в повести. Е.А. Букетов пишет, что дяди (еще был младше Жактая в книге Актай - Н.И. Букетова), в то время холостяки, несказанно любили и с малых лет носили его на руках, позже возили по соседним аулам, посадив на седло перед собой. Об этом он пишет: «Когда они обзавелись семьями, я остался у них баловнем. Будучи бабушкиным воспитанником, для всех трех ее сыновей был чем-то вроде не поделенного наследства. Особенно баловал меня старший (второй после отца - Н.И. Букетова), дядя Жактай, тот, что жил в райцентре... Словом, и бабушка, и братья отца в детстве рабски исполняли мои капризы, и я, видимо, так злоупотреблял этим, что отец иногда ворчал на них, высказывая свое недовольство. Теперь же я был не настолько неразумным, чтобы продолжать эти злоупотребления, но я хорошо знал, что, если им, бабушке и дядям, разъяснить значение учебы для моего будущего, они поймут и благословят. И на самом деле было так ...» [10, С. 51-52].

Тему «Жактай - ага» можно разделить на несколько микротем (МТ) с описанием конкретной дискурсивной ситуации (ДС) в тексте повести:

- традиционные казахские особенности в отношениях «Человек и пространство» в образе Жактай - ага;
- казахский менталитет и ценностные установки Жактай - ага как руководство действий в жизни Мажита Нурбаева;
- образы коня и Жактай - ага - как неразделимое единство - архетип исторического прошлого;
- современность и Жактай – ага.

Традиционные казахские особенности в отношениях «Человек и Пространство в образе Жактай – ага»

Е.А. Букетов в своем повествовании не ограничивает промежуток времени нахождения главного героя Мажита Нурбаева рядом с дядей каким-либо закрытым пространством. Он всегда, с детства привык вместе с ним на коне осваивать большие пространства, которые нашли в процессе взросления свое особое место в его картине мира. Особенно ярко представлено описание его последней поездки на сенокос с Жактай - ага: «Мы с Жактаем - ага едем в телеге, доверху нагруженной жердями для шалаша, косами, лопатой, утварью, одеждой, постельными принадлежностями, словом, всем тем, что необходимо для нашей жизни на сенокосе. Жактай - ага был человеком быстрым на решения, но в то же время и обстоятельным; хотя место, где мы ежегодно косили, отстояло в каких-то пяти-шести километрах, дядя собирался туда так,

будто выезжал чуть ли не за сто верст, ибо он считал, что на сенокосе не к чему мотаться в аул и отрываться от дела. Телега спокойно катит за большой серой кобылой, почти такой же, какая была у нас» [10, С. 120]. Дядя относился к последнему поколению казахского народа, которые детьми были участниками весенних и летних кочевий, когда существование человека в динамике с круговертью природы было естественным и требовало обстоятельности, уважения в отношениях с ней. С детства выработывалась необходимость принятия решений в короткий промежуток времени в трудных ситуациях, готовность к любым испытаниям в связи с изменчивостью, неизменными капризами природы. Отсюда такая практичность Жактая - ага в подготовке к выезду на сенокос. Выезд на сенокос это было важное событие в жизни людей, как выше было отмечено, живших в гармонии с природой, соответственно ее временным и сезонным изменениям. С одной стороны, это было время отдыха от зимних холодов, а, с другой, это была заготовка корма для животных

Особое внимание Мажит обращает на реакцию Жактай - ага, когда тот, увидев, как Серая, войдя в луга, где пойменная трава, касается ее брюха, невольно переходя на шаг, вместе с телегой, жеребенком безжалостно подминает траву, оставляя глубокие следы. В этот момент дядя с беспокойством смотрит на подмятую траву и старается быстрее вывести ее на место, где нет растительности. И вот косари на месте, Узун - карасу, длинная старица, имевшая песчаный бережок, где любила прохладиться в жаркие дни Серая, спустившись по некрутому откосу и войдя чуть не всем телом в воду. Это было любимое место косарей. Традиции сенокоса требуют определенного ритуального поведения, к которому Мажит был приучен с того времени, когда стал ездить с дядей на сенокос. Он соскакивает с телеги, хватает за уздечку жеребенка, который уже тянется к сосцам, не зная, что молоко более, чем ему, необходимо косарям на кумыс, привязывает жеребенка к заднему колесу телеги, распрягает Серую, аккуратно складывает сбрую у телеги, берет старенькую отцовскую косу, уже ставшую узенькой, но сохранившей теплоту мастеровых, отцовских рук и начинает косить. Прекрасный воздух, легкий ветерок, чисто под корень скошенная трава сначала дают мощную энергию: «...Чувствую прилив сил, передо мной встает образ знаменитого в нашем роду(и вовсе неизвестного за пределами его) косаря Нысанбая, о котором рассказывали, что он, выехав на сенокос, несколько дней подряд прохладился в шалаше, распивая кумыс, а потом косил сутками, не отдыхая, и выкашивая за десятерых. Тут же появляется Есенин:

«Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был,
Размахнись косою, покажи свой пыл...
И начинаю размахивать косою» ... [10, С. 121].

Для Жактая - ага обустройство на природе было естественным, органичным с его человеческой натурой и мышлением, где главным тезисом бытия было существование с ней в гармонии, в бережном отношении к тому, что ниспослано человеку. Автор пишет, что дядя, со свойственной ему обстоятельностью «закончил сооружение шалаша; зеленым красивым конусом возвышался наш шалаш на поляне, и я знал, что даже при ливневом дожде, который в наших местах не редкость, ни одна капля воды не просочится внутрь - так умел наслаивать на раздвинутые в конус веером жерди сырую, тяжелую траву Жактай - ага» [10, С. 122].

Казахский менталитет и ценностные установки Жактай - ага как руководство действий в жизни Мажита Нурбаева

Почитание мнения старших, как уже подчеркивалось выше, было обязательным в обычаях и традициях казахского народа, что вырабатывало определенные понятия, привычки, поведение, сформировавшие менталитет казахов. Сенокос – это тяжелая физическая работа, которая требует особой подготовки, и распределения энергии как на стайерской дистанции. Мажит, конечно, не выдерживает взятой скорости и вскоре сходит с «дистанции». Он старается не показывать дяде свою усталость, делая вид, что точит косу... Но дядя Жактай знает причину его отставания и делает вид, что не замечает его состояния и занимается своим делом, связывая концы жердей для шалаша. Пока Мажит выкосил поляну, достаточную для того, чтобы не топталась свежая трава, с него сошло семь потов и ему уже было ни до деда Нысанбая и ни до Есенина.

Дядя с жалостью смотрит на него и говорит: «Располнел ты, галчонок мой, в нашем роду таких никогда не было. Придется делать выстойку - танасу». Мажит хорошо осведомлен об этой не совсем приятной процедуре, но ему и в голову не приходит мысль – сопротивляться этому вердикту дяди. Об этом он пишет так: «Я знал, что такое выстойка – танасу. Лошадь, набравшая тело на выпасах, в первые дни разездов сильно потеет и быстро устает. Для того, чтобы такую лошадь ввести в форму, нужно несколько дней подряд, все увеличивая ежедневную нагрузку, выдерживать на приколе до утра, чтобы с нее сошел жир, освободился желудок и подтянулся живот. Нечто подобное решил применить Жактай - ага и по отношению ко мне, хотя я и не был лошадью, но раздобрел, как конь на воле. Солнце еще

было высоко над горизонтом, голодать до завтрашнего дня не очень улыбалось, но я привык выполнять сказанное Жактаем - ага беспрекословно...» [10, С. 122].

Солнце между тем склоняется к закату, дядя ритуально долго пьет чай, а Мажит разжигает небольшой костер и отгоняет с помощью дыма комаров от лошади и жеребенка. На следующий день утром он просыпается с легким желудком, хорошим настроением, выпивает полный деревянный тостаган деревянная среднего размера пиала для кумыса, загодя оставленного дядей, и начинает косить. У дяди даже ведро для доения кобылы было деревянным, потому что он считал, что звук струи в металлическую посуду будет пугать кобылу. Косить после «танасу» становится гораздо легче, о чем он вспоминает так: «Поводив, как положено, бруском по лезвию косы, становлюсь за дядей, подчиняясь его ритму и радуясь тому, что коса моя берет так же широко и чисто. Я знаю, что Жактай – ага мне не даст долго косить, час до обеда и, может быть, час – полтора после обеда, ибо, пока я приобретаю форму более или менее надежно выезженного коня, я должен подчиниться нормам работы и еды, которые он строго установил для меня со вчерашнего дня» [10, С. 125]. Любимый дядя, как великолепный наездник, знал необходимость поддержания физической формы и таких черт характера как бесстрашие, решительность, сила воли, которые хотел видеть и в Мажите. Но, не находя их в нем полностью, расстраивался, потому что переживал, как же он будет бороться за свое существование. Об этом автор повествует следующим образом: «Жактай-ага с грустью заметил задумчивость на моем лице и стал смотреть на меня с прежней знакомой мне жалостью. Я знал истоки этой жалости. Он очень любил меня. И поскольку я был старшим во втором колене от деда Нурбая, он считал, что вся остальная поросль будет и должна равняться по мне, и он очень хотел, чтобы из меня вышел достойный сын нашего рода, вышел джигит, по всем статьям соответствующий тому образу мужчины-батыра, который сложился в его представлении. Такой джигит-батыр из меня не получался. Он видел, как в детские и отроческие годы со мной легко справлялись мои сверстники, и сокрушался не тем, что племянник оказался слабым физически, а более всего тем, что в нем не было бойцовской злости и он легко мирился с положением побежденного. Ему было очень грустно оттого, что он во мне не видел ни одного из тех качеств, которые были у Алжигана - ата и его сподвижников, к которым Жактай - ага с гордостью относил и себя [10, С. 126-127].

Мажит отмечает, что Жактай - ага не признавал такие чувства, как боль и страх. Он страстно хотел, чтобы он вырос смелым и

бесстрашным. Но, по его понятиям, Мажит рос трусливым и боязливым. Но все-таки результаты дядино воспитания проявились в сложнейшие, можно сказать, судьбоносные моменты жизни Мажита Нурбаева, а вместе с ним и у прототипа главного героя, Евнея Букетова. В первый раз это стало явным, когда президент Академии наук КазССР академик Каныш Имантаевич Сатпаев сделал ему предложение возглавить научно-исследовательский институт в промышленном центре. Принимать такое решение было непросто: покинуть теплую и уютную Алма-Ату, прекрасные возможности в карьере и науке на холодный город и поднимать науку почти на пустом месте – была непростая задача. Мажит – Евней решительно соглашается, потому что он почувствовал, как в нем заговорили духи предков: «...Но во мне заговорили Алжиган - ата и Жактай - ага одновременно; я вдруг почувствовал себя джигитом, мужчиной из нашего аула и поэтому не мог менять своего решения, не мог отказаться от слова, данного Канышу Имантаевичу. И с тех пор нахожусь там, мой дорогой друг, где ты со мной имел честь познакомиться и откуда пишу тебе письма. Но то, как я освоился и осел, пожалуй, достойно следующего отдельного письма» [10, С. 203].

Во второй раз это проявилось, когда Мажит – Евней чуть не подвел президента, подав заявление об увольнении с поста директора, не выдержав интриг старого академика, который руководил до него институтом. Это, как потом оказалось, была последняя встреча Мажита Нурбаева с президентом академии наук Казахской ССР. Об этом эпизоде подробнее будет представлена дискурсивная ситуация ниже в анализе художественного образа К.И. Сатпаева [10, С. 235].

Образы коня и Жактай ага - неразделимое единство - архетип исторического прошлого

Для Мажита Нурбаева образ жизни Жактай - ага был неразрывно связан с конем. Он всю жизнь имел дело с лошадьми и знал их повадки, восхищался их интеллектом и учил Мажита проявлять в обращении с ними спокойную властность, потому что лошадь, умное животное, и она не любит несмелых и нерешительных. Согласно его теории, стоит своенравной и норовистой лошади почувствовать слабость человека, как она постарается лягнуть или укусить. Мажит пишет, что не раз был свидетелем того, как Жактай - ага хладнокровно успокаивал злых лошадей, обращаясь с ними без какой-либо опаски. У Мажита это не получалось, он боялся подходить к незнакомой лошади, особенно сзади, хотя дядя настойчиво учил его, что это менее опасно, чем подходить спереди, ибо при быстром приближении животное не успевает взять

размах для лягания, тогда как укусить оно может всегда. Жактай - ага несколько раз пытался научить его прыгать на коня и спрыгивать с него на скаку, но его усилия были безрезультатны: Мажит, так и не научился этому. О том, что лошади умны и имеют чувства была легенда о вороном коне Жактай – ага, которую слышали все от мала до велика, потому что свидетелем этой истории была бабушка Мажита. Вороной был очень злым, неуживчивым конем, не подпускавшим к себе никого, кроме хозяина. Однажды вечером, когда Вороной, спасаясь от комаров, подбежал к юрте и стал с подветренной стороны костра, Мажит, которому не было еще трех, спокойно подошел к коню, оказался между передними ногами и обнял одну из них. Бабушка застыла в испуге, а ребенок продолжал обнимать то одну, то другую ногу. Мажит пишет: «А дальше было еще хуже, я от передних ног перешел к задним и стал между ними. Но конь в это время спокойно, медленно и осторожно тронулся, а я хватался за заднюю ногу, за хвост коня, не желая отстать, и упал, подняв неистовый рев. Конь ушел, а бабушка еле пришла в себя. Эта история стала одной из любимых тем бабушки, а Вороной из постылого в нашей семье превратился в любимца несмотря на то, что он продолжал оставаться таким же злым животным, как и прежде» [10, С. 52].

Современность и Жактай - ага

На примере изменения взглядов старого Алжиган – ата, чьё имя само несет смысл как «человека не в себе», но с подтекстом и некоторой шуточной коннотацией симпатии - «немножко сумасшедший», наблюдаем как меняются взгляды даже у пожилых людей, что представлено в диалоге Алжиган – ата с печником Мекайлом (наверное, Михаил - Н.И. Букетова), который был добрым, весёлым, хорошо говорившим по – казахски, и поэтому его не считали «чужим»: «Мекайла! Почему ты не казах, Ты такой хороший человек, мне жалко, что ты русский! Я не хочу, чтобы ты был русским!» Мекайла ему ответил: «Аксакал, ты – умный человек, и ты не должен желать, чтобы все хорошие русские стали казахами. Тогда у русских останутся только злые люди, и будет нехорошо, русские и казахи не будут жить мирно, будет на земле плохо. Пусть лучше и у казахов, и у русских будет одинаково много хороших людей. И я тоже лучше останусь, как и был русским, раз я, как ты говоришь, добрый человек». По словам Алжиган – ата, мудрость этих слов так поразила нашего аксакала, что Мекайла остался на всю жизнь самым почитаемым им человеком» [10, С. 55]. Сближение, на гуманном, общечеловеческом уровне, которое автор передаёт в диалоге русского и казаха, устраняет барьер «свой» -

«чужой» и делает отношения равными, близкими и закладывает философские основы мирного сосуществования.

Жактаю - ага очень нравилось, что Мажит хорошо учится. Ему было по душе, что племянник много читает и он с гордостью показывал своим друзьям толстенный том Пушкина, изданный к столетию со дня рождения поэта, предмет почитания и удивления, так как ни он, ни его сверстники книгу такой толщины никогда не видели. Мажит вспоминает: «Я с детства был не лишен тщеславия и приносил эту книгу из библиотеки ради дядиного хвастовства, хотя читал из нее только сказки и «Руслана и Людмилу», остальной же Пушкин был в то время выше моего понимания. А когда однажды меня в школе премировали ситцем на рубашку, месяца два висела эта цветная материя на видном месте, и дядя каждому пришедшему рассказывал, что вот его «галчонок» получил это за отличную учебу» [10, С. 128]. Этот поступок Жактай – ага можно оценить как педагогический талант, как метод повышения мотивации к отличной учебе младших детей на примере Мажита, исходящий из народной мудрости. Жактай - ага понимал, что его племянник - человек нового времени, новой жизни, нового труда, и он, как пишет автор, если бы знал стихи, сказал бы о судьбе своего любимого «галчонка» словами поэта: «Миражи иные тебя ожидают, иные заботы». Он теперь не только мирился с этим, но и осознавал необходимость этого. Но все же ему было жаль, что родные люди, которым, казалось, испокон веков суждено вместе жить одними помыслами, будут находиться теперь вдалеке друг от друга и иметь в душе совершенно разные, но роднящие интересы. Это в голове Жактая - ага никак не укладывалось, и от этого ему было очень грустно.

Жактай - ага, как представителю старшего поколения, образ жизни которого был связан с простором, свободой передвижения на конях была совершенно непонятна прелесть жизни, когда занятия человека - это сидение за столом, когда человек в повседневной жизни не может радоваться своей сноровке, своей ловкости и смелости, используя для этого руки, ноги, мускулы, данные ему богом. Также ему была непонятна жизнь, когда люди, родные по крови, должны отдаляться друг от друга, черствея сердцем, душой и теряя при этом родственные чувства. Приезжал Жактай - ага к Мажиту и, проговорив с ним ночь, рассказав с занятыми подробностями об аульных новостях, радуясь тому, что его «галчонок» не потерял интереса к жизни в отчих степях, интереса к его стариковской, как он говорил, болтовне, на другой день после утреннего чая неизменно обращался к нему: «Галчонок мой! Покупай завтра билет. Приехал, увидел вас живыми и здоровыми. Этого мне достаточно». К сожалению, никакие уговоры

остаться на несколько дней не помогли, ибо он не мог жить в условиях, когда, встав утром, не находит под рукой привычные орудия труда наподобие лопаты, топора или вил. Не было для него ничего скучнее безделья, скучнее жизни без движений, без привычных физических усилий», - пишет Е.А. Букетов.

Мажит не устает делиться своими воспоминаниями о Жактай – ага, которого он любил и почитал: «Дорогой друг, всплывают в памяти такие подробности из жизни Жактая - ага, о которых так и хочется поведать. Чувствую, как меня снова и с большей, чем прежде, полнотой захватывают те, может быть, недостаточно оцененные радости времени, когда я находился рядом с родным человеком с неповторимой цельной натурой, с человеком, жившим удивительно деятельной и очень нескудной жизнью. Жактай - ага немало пережил духовных и физических болей, но не превратил эти боли в страдания, ибо ему не были ведомы аналитические тонкости, расчленяющие самим же содеянное на составляющие, из которых выуживается что-то мнимое и наводящее без особых оснований тень на совершенно ясные вещи, как это часто бывает с нами. Жактай - ага не рассуждал таким образом, он не рассуждал на эту тему вообще несмотря на то, что, как и многие аульные аксакалы, любил говорить и умел говорить цветисто, образно, убедительно. Он хорошо знал, что, борясь за минимально необходимое и возможное для ощущения бытия, он ни разу не обманул никого, ни разу не поступился совестью, честью и достоинством, и это было для него достаточным критерием, чтобы быть довольным своей жизнью. Он жил просто и уверенно, не испытывая никаких сомнений насчет целей своего существования, ибо в жизни он не совершил ничего такого, отчего не мог бы смотреть людям в глаза прямо и бесхитростно» [10, С. 65-69].

Автор показывает на примере Жактай – ага тип людей, личность которых была сформирована в чисто национальной среде и объективно представляет их образ жизни, внутреннюю структуру их духовной организации, из которой проистекает крепость их убеждений, нравственных устоев без излишнего философствования о бытие, целях жизни. Для них понятие «адамгершілік» - «человеколюбие» было приоритетным в ценностной шкале духовности человека.

Анализ фрагментов повести Е.А. Букетова, посвящённых образам представителей старшего поколения, позволяет утверждать, что автор глубоко и тонко отразил внутреннюю сущность казахской традиционной культуры, её философию, ментальность и морально-нравственные ориентиры. Через художественные образы Алжиган - ата, Жактая - ага, бабушки, отца и матери Мажиата Нурбаева

демонстрируется живая связь поколений, проявляющаяся в словах, поведении, обрядах, наставлениях и ритуалах повседневной жизни. Эти персонажи являются не просто носителями языка, но и выразителями этнокультурных концептов, символов и кодов национального сознания.

1.2 ТЕКСТ ПОВЕСТИ Е.А. БУКЕТОВА «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ» КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

1.2.1 Когнитивно-семиотический аспект производства смыслов в концептосфере

Проблема производства смысла как языковая деятельность выводит к проблеме происхождения языка, так как она по сути является самой ранней и наиболее адекватной формой образования смыслов, символической деятельности. Тем не менее, мы не должны полностью отождествлять эти два вида деятельности. Бодуэн де Куртенэ отмечает факт «психической, центрально-мозговой» основы языка: «Все, что касается человеческого языка, как языка, сосредоточивается в мозгу. Без мозга, без души может существовать говорящая машина, но не человек, мыслящий и общественный, а мышление и общественность суть необходимые условия реального языка» [37, С. 212]. По его мнению, психическое развитие человека возможно только в общении, так же, как и язык может реализоваться лишь в обществе, следовательно, языкознание – наука психологично-социологическая [37, С. 217]. Спустя почти столетие, в XX веке, как подтверждение правоты ученого, появляются такие науки как психолингвистика, социолингвистика, означающие непосредственную, неразрывную взаимосвязь данных областей знания с языкознанием, а следовательно, и знаменующие центральный объект своего изучения – человека, владеющего языком и пользующегося им как инструментом коммуникации и порождения смыслов. Исследование символизма как самостоятельной продуктивной методологической программы требует анализа внутренней логики процесса символизации, центрального понятия этой методологии – символа, сравнения и сопоставления его с такими концептами как «понятие», «идея», «образ», «знак», «смысл», «значение», «ценность» и др., связи символа с языком, процессом сигнификации и производства смысла. Процесс символизации – это наиболее глубокий феномен культуротворчества человека, он появляется на самых ранних этапах развития культуры и сопровождает всю ее историю. Наивно было бы полагать, что этот процесс характерен

только для ранних этапов развития культуры, а затем, как это часто утверждается, он сменяется рационально-логическим типом культурного творчества. Символизация пронизывает собой и рациональные и иррациональные процессы социально-культурной деятельности человека. Особенно наглядно это проявляется в кризисные периоды ломки старых символических систем и поисков новых символов и способов символизации. Это столь же характерно как, например, для раннесредневековой культуры или культуры эпохи Возрождения, так и для современной казахстанской и постсоветских культур, определивших новые социальные ориентиры и ценности и стремящихся найти новые символы для новой реальности.

Процесс символизации является феноменальным спутником человека, начиная с его рождения и в продолжении всей его жизни. Уже младенцем, ребенок, приложившись к мягкой, теплой материнской груди, в дальнейшем облекает это в символ «мамы», который может выражаться через разные языковые знаки «апа», «Mutti» и другие. В процессе роста маленький человек все больше познает мир и вместе с этим расширяется мир символов вокруг него, которые становятся как элементами познания, так и развитием его личностного, культурного и социального пространства. Важным моментом является период овладения ребенка языком, так как «lingua» является высшим проявлением символизма. Процесс символизации находит яркое выражение в дискурсивной, коммуникативной деятельности как «parole» в виде слов, речи. При этом особенно важна презентативная форма символической деятельности, так как она порождает образно – интеллектуальный план. То есть, «Слова и фразы становятся теми знаками, а лучше «резервуарами», в которых откладывается, закрепляется и передается общезначимый смысл, понятный другим людям и делающий возможным коммуникацию- общение с помощью речи» [38, С. 136]. Смена научной парадигмы гуманитарного знания на антропоцентрическое дала широкие возможности ученым поставить человека, познание им мира в центр исследований. При этом на первый план вышли вопросы соотношения языка и мышления, которые стали главными в современной лингвистике в статусе когнитивного концептологического направления.

Знания людей об окружающей действительности, о людях, о сложных коллизиях людских отношений организованы, как известно, в виде концептов, глобальных мыслительных единиц, содержащих в себе квант структурированного знания, который формируется как ментальная сущность на уровне сознания и в зависимости от этнокультуры. Совокупность концептов формирует концептосферу.

Данный термин был введен в научный оборот известным русским филологом Д.С. Лихачевым: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами» [37, С. 3-9]. Большинство исследователей полагают, что концептосфера напрямую связана с культурным наследием каждого народа, то есть богатые культурные, литературные, научные традиции определяют смысловую глубину его концептосферы.

Концепты как компоненты нашего сознания и знаний о мире позволяют хранить их и сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику [5, С. 17-18]. При этом, концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные из них, без которых трудно представить себе данную культуру («авось» русских, «порядок» немцев и т.д.). Концепты могут классифицироваться по различным принципам. С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную, образовательную, текстовую концептосферы. Если группировать концепты по их носителям, то они могут образовывать индивидуальные, национальные, общечеловеческие концептосферы.

В.И. Убийко включает в понятие «концептосфера» следующие аспекты: 1) эстетический аспект; 2) онтологический аспект; 3) гносеологический аспект; 4) лингвосоциопсихологический аспект; 5) социальный аспект [39, С. 37]. Здесь мы подходим к одному из сложных вопросов в современной лингвистике и философии, как и где рождаются и затем аккумулируются смыслы в языковых знаках, превращаясь в лингвокогнитивные, психолингвистические, дискурсивные единицы в виде концептуальных символов, образуя целый пласт в виде концептосферы. Исходя из названных определений областей, образование сложных смыслов в виде концептов связано с языком и речью, то есть процесс концептуализации динамичен и органичен, зависит от мозговой деятельности человека и сопровождается сложными психолингвистическими явлениями на уровне формирования понятий, отражённых в концептах. При этом немаловажную роль играет социально-исторический, национально-религиозный фактор, то есть относительная принадлежность к какому-либо человеческому сообществу: «Концепт – мыслительная категория, и поэтому в научных трудах различных ученых можно встретить разные вариации этого понятия. Отличающиеся друг от друга разные определения концепта встречаются в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов» [39].

Значение и сущность процесса символизации проявляется в языке, где формой такой операции выступает метафора как наиболее ясная форма символа. Метафора, по сути, это не язык, а форма, выраженная языком, форма, функционирующая как символ для выражения чего-либо. Но она не обязательно связана только с языком, она может функционировать и как форма чувственности. Иногда наше схватывание целостности опыта опосредовано метафорическим символом потому, что язык подходит только для выражения знакомого, привычного и затрудняется в выражении нового опыта. Этот художественный символ является первичным выражением новизны, и лишь вслед за ним язык находит подходящие выражения. В тексте повести метафоры используются также для формирования образов научных работников, которые на пути их становления как ученых, проходят процессы воспитания их как личностей: «эти легковверные юнцы ... превратились в солидных мужей науки, закаливших характер во многих научных боях и сражениях». «Мещанским благоразумием» называет Е.А. Букетов самоуспокоенность, довольствование человека достигнутыми однажды результатами. Размышления о необходимости оптимизации работы института, автор выражает через использование следующей метафоры: «...немедленно направить научный корабль, называемый институтом, по победоносному пути». Целесообразность работы, как деятельности приводят его к некоторым выводам, о которых Мажит Нурбаев пишет: «Нужно, потому что в этом твое будущее, потому что это – единственный путь, через который можешь ты утвердить полезность и необходимость своего бытия».

Для главного героя повести, М. Нурбаева, является характерным постоянное стремление к самоанализу, размышлениям о собственных поступках, даже некоторой самокритичности. Среди качеств Мажита, которые Е.А. Букетов называет в повести, это великодушие, благородство помыслов и поступков, искренняя заинтересованность в человеке, людях. Автор - академик объединяет эти качества под понятием «душевная щедрость», которое не раз встречается на страницах его книги. Простота и естественность в общении, отсутствие фальши и заискивания – те достоинства личности, которыми обладают друзья Мажита Нурбаева: «...по первому знакомству проникся к человеку уважением ... наверно оттого так было, что Сергей принадлежал к натурам, которые никогда не пытаются выглядеть лучше, чем они есть, и проявляют большую искренность к людям». О встрече с профессором – одним из наставников Нурбаева, Е. Букетов пишет: «...но все, с чего началась эта встреча, призывало и предрасполагало к волнующей простоте: я смотрел внимательно, и ни

малейшей неестественности не обнаружил ни на лице, ни в его взгляде»; «...профессор не отнесся к нему, как к малокомпетентному начинающему специалисту, а счел нужным с присущей ему душевной щедростью обо всех делах кафедры рассказывать и все показывать лично».

Лучшие человеческие качества, которые ценил Букетов, находим в составе авторских афоризмов, которые часто реализуются скрыто, через так называемые антиценности: «...торжествующая нетерпимость рождает и распространяет вокруг невнимательность и черствость, сковывает в людях самые лучшие чувства». Примеры антиценностей представлены в составе высказываний: «...непробиваем был на нем годами выработанный панцирь равнодушия и беззаботности»; «Я сидел и удивлялся тому, как может ошибиться человек. Куда делся тот угрюмый, недалекий, исполнительный, равнодушный ко всему, зачерствевший в узком кругу своих обязанностей работник лаборатории...».

Таким образом, текст повести Е.А. Букетова погружает читателя в картину мира языковой личности великого ученого, открывая свойственные ему ценности, идеалы и стремления через характеристики главного героя. Концепты, вошедшие в концептосферу гуманизма, отражают смысл всей жизни, научной и творческой деятельности академика, направленных на служение во благо людей, страны, мира.

Язык является высшим проявлением символизма. Различие между знаковой и символической деятельностью состоит прежде всего в том, что символизм теснейшим образом связан со словом, речевой деятельностью. Типичными символами являются слова человеческого языка, они требуют отношения к понятию вещи, а не реакции на сами вещи. Собственно, к этому и сводится процесс мышления. Конечно, слова могут быть использованы и как знаки, но это не основная их роль. Их сигнификативный характер должен быть выражен особым образом, не прямо и непосредственно как у знака, а опосредованно, через понимание, поэтому символ непосредственно связан не с вещью, а с пониманием вещи. Основное различие между символом и знаком заключается в различии логической связи с объектом, и следовательно, в их использовании третьим элементом «знакового треугольника» – субъектом. Знак оповещает субъекта о своем объекте, символ же требует понять объект [38, С. 11].

Существует два основных типа символической деятельности – словесный и образный, логический и эмоциональный, назовем их «дискурсивный» и «фигуративный» (или «презентативный»). Дискурсивный тип более склонен к порождению буквальных смыслов,

презентативный – художественных (переносных, метафорических), хотя типы означения гораздо более разнообразны и могут относиться как к одному, так и к другому типу. Например, в поэзии (дискурсивной форме) художественное, метафорическое значение может выступать на первый план, а в картографии, фотографии, телевидении (т.е. недискурсивных формах) буквальность является непереносимым условием. Часто метафорические смыслы переплетены с буквальными или превращаются в таковые в процессе развития символических форм. Современные языки буквально перегружены метафорическими значениями, ставшими буквальными: «звезды говорят», «солнце улыбнулось», «море поет», «пора завязывать». Такие выражения и слова имеют одновременно несколько смыслов, которые часто можно понять лишь в конкретном контексте высказывания. Иногда слова превращаются в чисто технические, служебные термины, полностью утрачивая свое первоначальное значение: например, «собственно говоря», «вообще-то» и т.д. И тем не менее, эти слова скрыто сохраняют в себе первоначальный буквальный смысл, выступая в роли символа с «двойным дном». На этом строится игра слов, обыгрывание значений не только в художественных, но и научных текстах, поэтическом творчестве и разнообразных формах художественного творчества [38, С. 25].

Знаки, собственно, и являются дискурсивными символами, превращающимися в процессе развития языка и культуры в индексы и сигналы смысла и значения, «сжимая» эти смыслы до такой степени, что нам кажется, что наша мысль работает без всякой помощи слов и метафор, «в чистом виде». Такие индексы и знаки служат часто единственным ориентиром в океане смыслов, но мы не только опираемся на них как на очевидную достоверность, но и выстраиваем сложные теории суждений о действительности. Все эти привычные знаки и символы поддерживаются обширным культурным и интеллектуальным контекстом, тканью, и работают настолько безупречно, что мы почти не осознаем их в процессе практической деятельности. Этот контекст и эта ткань плетется из вполне определенных форм символизма, их явных и неявных связей, скрыто, но актуально присутствующих в багаже нашего знания и опыта, и извлекаемых из этих кладовых совершенно бессознательно.

Анализ примеров характерных для концептосферы гуманизма показывает, что вся деятельность Е.А. Букетова была направлена на воспитание и выработку, в себе и соприкасавшихся с ним людях, лучших человеческих качеств. Символическое влияние его знаний и опыта на формирование понятий гуманизма и этнокультуры отражается

в тексте повести через такие концепты как наука / научная деятельность, труд, плодотворность, целеустремленность, самоанализ, познание, великодушие, благородство, душевная щедрость, искренность, скромность. В одном из писем в книге «Шесть писем другу» автор – главный герой описывает свое видение плодотворной работы ученого, научного работника: «... ни у одного ученого не может появиться конкретная, ясная и совершенно новая идея, если у него нет в голове большой суммы основательно утвердившихся знаний: чем шире, глубже, точнее, современнее он владеет наличными знаниями, тем плодотворнее, целеустремленнее он может мыслить». В повествовании часто встречаются авторские афоризмы о процессе научных поисков, о серьезности формирования научных парадигм: «... так заведено в науке, что созидание дельного и стоящего связано с разрушением случайного, временного и наносного». Авторская установка, а также вложенная в уста героев мысль о преданности и самоотверженности в отношениях с наукой, находим в повествовании - «о благородной роли тех, кто участвует в научном созидании». Красивая метафора в составе авторского афоризма также является подтверждением трепетного отношения Е.А. Букетова к науке: «наука – это храм, куда несмелый не должен входить».

Анализ философско-лингвистических и художественных размышлений Е.А. Букетова в повести «Шесть писем другу» позволяет утвердить, что автор рассматривает язык как высшую форму символической деятельности человека, в которой рождаются и оформляются смыслы. Сквозь призму метафоры, образа, символа и понятия раскрывается глубинная природа языка не только как средства коммуникации, но как основного инструмента мышления, познания и культурного самовыражения. В этом контексте язык выступает не просто системой знаков, а живой концептосферой, вобравшей в себя ценности, идеалы, нормы и историческую память народа.

1.2.2 Когнитивно-семиотический аспект интертекстуальности. Текст как интертекст

Особое место для исследований по всем гуманитарным направлениям имеют теоретические выводы Ф. де Соссюра о знаковой природе языка и существовании дихотомия языка и речи [40, С.13]. Исходя из этой установки Н.Ф. Алефиренко отмечает, как один из показателей интеграции лингво – философских наук конвергенцию идей феноменологии, деконструктивизма, герменевтики и когнитивной

лингвокультурологии, где как интегрирующая категория отмечается «дискурс». Лингвистический смысл данного понятия весьма лаконично сформулировал Э. Бенвенист: дискурс – это всё, что находится между языком и речью [12, С. 27]. А на его коммуникативно-когнитивную сущность обратил внимание ван Дейк: дискурс – это и само высказывание, и те когнитивные установки (фреймы), которые детерминируют содержание и форму высказывания [41]. Н.Ф. Алефиренко определяет дискурс как сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «несобытия», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т.п. Коммуникативный компонент связан с субъектами дискурсивной деятельности - языковыми личностями. Когнитивной составляющей служит знание-объект дискурсивной деятельности. Такое понимание коммуникативно-когнитивного единства дискурса способствует осмыслению двух проблем: а) соотношения понятий «дискурс» и «текст»: дискурс – «текст плюс ситуация», а текст, соответственно, – «дискурс минус ситуация» и б) жанрово-идеологической природы дискурса [42].

Также, по мнению Н.Ф. Алефиренко собственно лингвистическая компонента дискурса состоит в стремлении ввести в общепринятый бином «язык – речь» некоторый третий член. Для нашего анализа очень важна идея бельгийского учёного Е. Бюиссанса «Об абстрактном и конкретном в лингвистических фактах: речь, дискурс, язык» [42, С. 17–23]. Срединное место дискурса имеет в данной триаде категориальный смысл: дискурс, в понимании Е. Бюиссанса, является неким «медиумом», служит «проводником» между идеальной системой знаков и материализованным дискурсивным событием. В этой связи в центре внимания теории дискурса оказывается понятие «дискурсивное событие» – единица описания и анализа дискурса. Дискурс в такой интерпретации служит тем механизмом, с помощью которого язык передает в «распоряжение» речи потенциально существующие в нем средства накопления и хранения информации для использования их в реальных речевых актах [42].

Несмотря на ряд существенных различий, между этими отраслями и дисциплинами есть точки соприкосновения в вопросе исследования феномена текста в общем и художественного текста, в частности. Методы изучения носят интегративный характер, а сам

концептуальный анализ осуществляется в рамках парадигмы культура – мышление – язык. Эта тенденция способствует нахождению новых действенных подходов к изучению художественного текста, выявлению закономерностей его становления и функционирования.

Вопросы разграничения текста и дискурса стали предметом анализа многих учёных. Так О.Ю. Стародубова приходит к выводу: «Текст как архиватор историко-культурного кода становится дискурсом и содержит разные типы информативности – от фактической до концептуальной – как ментально – ориентированной, так и вненациональной. На фоне процессов глобализации текст как элемент художественного и публицистического дискурса становится амбивалентным средством аналитической (критической) интерпретации разных аспектов, внутри – и внешнеполитической сфер деятельности и одновременно механизмом национально – культурной идентификации [43].

М. Бахтин вкладывает глубинный смысл в творчество создания художественного текста, утверждая, что в этом процессе автор может находиться то в разных временных периодах, то иметь дело с предшествующей литературой и называет эти отношения «диалогом» [44]. Ю. Кристева [45] подошла к понятию «диалога» по М. Бахтину как к средству литературного анализа. В процессе дискуссий основополагающей становится формулировка Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. ... Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смещение определенных элементов дает новые комбинации. Для Р. Барта любой текст – это своеобразная «эхокамера» [46, С.78].

Текст повести Е.А. Букетова «Шесть писем другу» характеризуется как интертекст [15], содержащий в себе смыслы семантических и семиотических пространств нескольких языков. Под влиянием идей структурализма и постструктурализма, яркими представителями которого явились Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида и др., письменный текст стал рассматриваться как тождество мышления и сознания. В результате чего литература, культура, общество, история, сам человек стали рассматриваться как «текст», что привело к тому, что весь спектр окружения человека во вне и его личностные характеристики стали рассматриваться как «текст в тексте», то есть как единый «интертекст» [15].

Исходя из этого принципа, любой художественный текст, каким бы он не казался «бледным» получает в лице читателя дополнительные краски в зависимости от его культурного, образовательного, эмоционального уровня. Данный подход открывает перед исследователем широкие возможности использования понятия «интертекстуальность» как особой аналитической единицы, обладающей внутренними смыслами, исходящими от языковой личности человека, носителя культурного кода этноса, внешними, как представителя социума, в котором он существует. С этих позиций для ученого открывается широкий горизонт, если избрать в качестве объекта исследования человека, как языковую личность, его литературные тексты, человека-творца, его записки, рисунки, картины его мира в разных ипостасях. Так как в большей степени интертекстуальному анализу, по своей специфике, подлежат художественные произведения, то остановимся на информации о личности автора текста повести. Социально – культурный контекст авторского пространства Е.А. Букетова, жившего и писавшего в мультикультурной среде, имеет более широкий горизонт мировидения и более объемную картину мира. Вместе с тем, как человек, родившийся при Советской власти, воспитанный её идеологией он должен был соответствовать ее установкам, которые, естественно, оказали влияние на характер, мысли, взгляды, особенности в отношениях людей и их поведения.

Понятие языковой личности в лингвистике тесно связано с термином «когнитивизм». Когнитивизм – это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей. В рамках современной антропоцентрической парадигмы когнитивная лингвистика изучает язык с точки зрения процесса производства смыслов в семиотическом, концептуальном пространствах человека. С данной позиции немаловажную роль играет символизация как процесс производства смыслов, где происходит формирование понятий и образов как результат когнитивной деятельности человека в семиотическом пространстве и где господствует знак. Ю.Н. Караулов, будучи основоположником теории языковой личности [28], является активным приверженцем и одновременно одним из вдохновителей антропоцентрического подхода к изучению языка. Относительно этого, ученый перефразировал известное высказывание Ф. де Соссюра: «За каждым текстом стоит система языка». С позиций антропоцентризма в лингвистике ученый формулирует этот лозунг несколько иначе: «За каждым текстом стоит языковая личность» [47, С. 3-5]. Данное утверждение как нельзя лучше характеризует ситуацию в лингвистике

в целом: на протяжении уже нескольких десятков лет изучение человеческого фактора в языке не теряет своей актуальности. В этой связи довольно значительно взаимодействие языкознания с другими общественными науками: психологией, социологией, философией, политологией, педагогикой. Для выявления интертекстуальности в художественных произведениях книга Е.А. Букетова «Шесть писем другу» представляет научный интерес [48], так как имеет широкий спектр смыслов и понятий для рассмотрения данного явления в более широком контекст. Следует отметить, что с литературоведческих позиций, как было сказано выше, данная книга была объектом исследования Т.Т. Савченко: «...Е.А. Букетов, приступая к повествованию в письмах, вводит читателя в процесс поиска формы, её определения, в свою творческую лабораторию: «Ты давно предлагал мне написать о жизни... [48, С. 15]. Буду писать тебе о своей жизни, но в этом писании, пожалуйста, не жди какой-то системы, последовательности» [48, С. 17]. Само название книги как предмет интертекстуального анализа представляет интерес не только с семантической стороны, но и структурной формы, подразумевающей «диалог». Рассмотрим смыслы заложенные в названии книги. Жанр написания книги определяется уже по слову «писем» в форме эпистолярного наследия, где дополнение названия, словом «другу», предполагает доверительную, позитивную авторскую позицию в виде «диалога». В то же время использование числительного «шесть» конкретизирует смысловой объем, но не сужает его, а наоборот, расширяет и действует как некое воздействие извне и дает толчок к прочтению письма «номер один».

Философия под влиянием открытий науки и развития научной мысли со временем начинает терять свои классические устои, представлявшие собой застывшую модель. Постепенно с середины XIX века происходят динамические изменения в ее статусе, и она формируется больше, как развивающаяся система знаний. При этом объектом философской мысли становится не только человек как языковая личность, его мышление и сознание, но и его социальная, культурная и религиозная сфера отношений. То есть, происходит расширение области научного философского анализа с определением новых специальных дисциплин по теории познания, культуре, религии и т.д.

Начало XX века ознаменовалось основополагающими изменениями в лингвистике и философии под влиянием научной парадигмы Ф. де Соссюра. В своей лекции Ф. де Соссюр отмечает, что язык обладает знаковой природой и что существуют два типа

дихотомии: дихотомия языка и речи и дихотомия синхронии и диахронии. Вопрос о нелингвистическом характере фонологии приводит его к открытию знаковой природы языка: «Язык – это система знаков; язык как таковой образует отношения, которые наша мысль (e'sprit) устанавливает между этими знаками. Что же касается материальной стороны этих знаков, то она сама по себе может рассматриваться, как нечто безразличное для знака. Правда мы вынуждены использовать для знаков языка звуковой материал, и только его, но даже в том случае, если бы звуки изменились, это было бы безразлично для языка, поскольку отношения остались бы теми же самыми: ср., например, морские сигналы: ничто не изменится в системе, даже если они выцветут [40, С. 13]. В главе о лингвистике языка и речи Ф. де Соссюр отмечает необходимость различия языка и речи и, признав органическую связь между этими предметами, приходит к выводу, что эволюция языка обусловлена явлениями речи: «... наши языковые навыки изменяются от впечатлений, получаемых при слушании других. Таким образом, устанавливается взаимозависимость между языком и речью: язык одновременно и орудие, и продукт речи. Но все это не мешает языку и речи быть двумя совершенно различными вещами [40, С. 57]. Собственно, из этого различия появляется возможность анализа текста, то есть связанной речевой деятельности в письменной форме. Для лингвистики текста всегда были привлекательными произведения художественной литературы. Теоретик постструктурализма Ю. Кристева [45] в 1967 году вводит термин «интертекстуальность», переосмыслив работу М. Бахтина 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» [44].

М. Бахтин вкладывает глубинный смысл в творчество создания художественного текста, утверждая, что в этом процессе автор может находиться то в разных временных периодах, то иметь дело с предшествующей литературой и называет эти отношения «диалогом». Ю. Кристева подошла к понятию «диалога» по М. Бахтину как к средству литературного анализа. В более широком смысле интертекстуальность начинает пониматься под влиянием теории знака Ж. Деррида [49], который лишает знак его референциальной отличительной функции. В процессе дискуссий основополагающей становится формулировка Р. Барт [46, С. 78]: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры.

Интертекстуальный континуум позволяет генерировать смыслы как первичного текста автора, так и вторичного, где происходит интеграция семиотического, концептуального, ментального пространств в языке. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек. Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает новые комбинации. Для Р. Барта любой текст – это своеобразная «эхокамера» [46, С. 78]. С самой первой страницы повести все время идет диалог, в котором рождается и сохраняется интертекстуальность в виде динамики развертывания сюжета и смыслов, где пересекаются тексты автора и «друга»: «...И вот теперь, стремясь уложиться в начертанную тобой программу, начал думать о себе, своём деле, о людях, среди которых вращаюсь, пытаюсь на все это как-то смотреть со стороны: сверху, сбоку, с отдаления и т.д.» [10, С. 15].

Авторская позиция разнонаправленного характера, где пересекаются, казалось бы, совершенно логически несовместимые формы и смыслы, это соответственно структурному принципу в рамках постмодернистского дискурса - признак интертекстуальности. В момент, когда автор сам как его творец, может смотреть на события и действия отстранённо, со стороны, часто отрываясь от реальной жизненной ситуации и имеет нейтральную аналитическую «площадку» в своём сознании, это яркая демонстрация возможностей дискурса как идеального типа общения.

Тексты Е.А. Букетова это интертексты, содержащие в себе смыслы семантических и семиотических пространств нескольких языков, где его основные эпистолярные, художественные, публицистические, научные тексты относятся к трем разноразличным языкам – казахскому, русскому, английскому. Исходя из этого, концептуальное пространство, т.е. концептосфера мировидения и самовыражения Е.А. Букетова как языковой личности характеризуется особенной совокупностью концептов как объекта научного лингвистического исследования, жившего и писавшего в

мультикультурной сфере, то есть как имевшего более широкий горизонт мировидения и более объемную картину мира. Недостаточное количество научных исследований интертекстов Е.А. Букетова дает широкие возможности для их анализа с позиций интертекстуальных смыслов. В настоящее время исследования интертекста в сфере антропоцентрической парадигмы, направленные на изучение концептуальных пространств автора и героев художественного произведения носят актуальный характер. Рассмотрение текста повести Е.А. Букетова в совокупности с внешним миром и личностными характеристиками, ценностями дает возможность декодирования образа автора как языковой личности в более широком плане: как носителя мультикультуры, а также как гуманиста и гражданина мира.

Идеи структурализма и постструктурализма оказали влияние на изменение взглядов ярких их представителей, таких как Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида и др. Письменный текст стал рассматриваться как тождество мышления и сознания, в результате чего , литература, культура, общество, история, сам человек стали рассматриваться как «текст», что привело к тому, что весь спектр окружения человека во вне и его личностные характеристики стали рассматриваться как «текст в тексте», то есть как единый «интертекст». Интертекстуальный подход открывает новые возможности анализа глубинной семантики текста. Повесть Е.А. Букетова яркая демонстрация творческой эволюции автора, когда он в диалоге с «другом», а в большей степени с самим собой анализирует философию бытия, приходя к простому выводу: «Что ни говорите, человек не может изменить свою природу, он всегда остается человеком» [10, С. 17]. Светский образ жизни как бытие в совершенно другой реальности, чем его родная, этническая, заставляет главного героя Мажита Нурбаева по-другому вести себя, по-другому одеваться. Небольшая зарисовка явно автобиографического характера Е.А. Букетова яркое свидетельство тому:

«И вот я в мечтах, достигши возраста, становлюсь учителем, причем непременно учителем истории, и, слегка наклонившись вперед, как Иван Антонович, картинно размахивая руками, рассказываю ученикам об изумительных деяниях Александра Македонского и Спартака. Я хожу в темном костюме, сатиновой косоворотке и фабричных ботинках с выдавленными на резиновой подошве красивыми, затейливыми узорами. Словом, на уроки иду, одевшись как мой учитель. Но у меня нет того ежика, что у Ивана Антоновича, у меня бритая голова, потому что я – казах.» [10, С. 20]. Первичный знак этнического отличия «бритая голова» не отделяет его от школьного

коллектива и позволяет выработать синтетический образ, когда он как полноправный участник межкультурной коммуникации стремится занять свое соответствующее место в ином семантическом пространстве. Но, дома он органично вливается в национальный быт и языковое пространство в совершенно другом образе: «И вообще дома, во внеурочное время я - настоящий казах: летом ношу сшитые отцом щегольские, как мне кажется, сапоги на высоких каблуках (они шьются одинаковыми и для правой, и для левой ноги, и, чтобы не разношивать в один бок, я, обуваясь, не забываю каждый раз менять их) и чапан, сшитый матерью, а зимой надеваю лисью шапку – тымак, сапоги – саптама, тоже сшитые отцом» [10, С. 20].

Семантическое поле образа значительно расширяется, наряду с буквальным значением он приобретает массу коннотаций, метафорических значений в соответствии с богатством игры воображения. Поэтому, когда настоящее становится центром человеческой ориентации во времени и в мире, то- время и мир утрачивают свою завершенность как в целом, так и в каждой их части. В корне изменяется временная модель мира: он становится миром, где первого слова (идеального начала) нет, а последнее еще не сказано. Для художественно-идеологического сознания время и мир впервые становятся историческими: они раскрываются, пусть вначале еще неясно и спутано, как становление, как непрерывное движение в реальное будущее, как единый, всеохватывающий и незавершенный процесс [38, С. 90].

Будучи уже аспирантом, главный герой Мажит приезжает в родные места и, как привык с детства, едет на сенокос со своим дядей Жактай – ага. Имя дяди Жактай в книге, прототипом которого явился, родной дядя Е.А. Букетова Ибрай (Ибрагим), является производным от глагола «жактау», что означает «быть на стороне кого-либо, ограждать, защищать». Особенностью собственных имен вообще является то, что они имеют различные коннотации для одной денотации. Поскольку коннотации не фиксируются столь же жестко как денотации, они могут применяться достаточно произвольно. По сути, имена собственные не имеют коннотаций, поэтому процесс коннотации является совершенно произвольным. Кто сегодня считает, что каждый «Александр», это «мужественный человек», «Василий» - царского происхождения, или «Акылбек» – умный благородный человек? В современных цивилизованных обществах процесс коннотации имен собственных совершенно произволен: мы можем назвать девушку-казашку «Анджела», немца «Пьером», мусульманина «Александром» и т.д.; здесь имя собственное не является носителем определенного смысла,

поэтому имена являются чистыми коннотациями. Но в традиционных обществах, таких как казахское, с рождения закладывались глубокие смыслы, например, «Кудайберген» - «Богом данный» - «Корганбек» - «Защищаемый Богом или «Рожденный для защиты отца и др.». Имена собственные больше выполняли денотативную функцию, т.е. их обладатели должны были соответствовать их значению.

Интертекстуальный подход позволяет не только выявить переключки с предшествующими культурными пластами, но и проследить, как автор моделирует новое семантическое поле, в которое включены образы и значения, несущие национальную и универсальную значимость. Через концепты, метафоры, символы и собственные имена раскрываются когнитивные и духовные ориентиры казахского мировоззрения, пережившего трансформации XX века. Особое место занимают эпизоды, где отражены смена культурных кодов, формирование идентичности в мультикультурной среде, воспитание через труд, память рода и уважение к традиции.

1.2.3 Художественный образ К.И. Сатпаева

Интертекстуальный подход открывает новые возможности анализа глубинной семантики текста. Именно с этих позиций прочитывается образ первого академика, президента Академии наук Казахской ССР Каныша Имантаевича Сатпаева. Остановимся на социально-исторической характеристике его времени жизни.

К.И. Сатпаев родился 12 апреля 1899 года в Павлодарском уезде Семипалатинской области Российской империи в семье бия. С 1909 по 1911 годы Каныш Сатпаев учился в аульной школе. Затем поступил в русско-казахское училище в городе Павлодар, которое окончил с отличием в 1918 году закончил Учительскую семинарию в Семипалатинске. Там же начал работать учителем естествознания на педагогических курсах и готовился к поступлению в Томский технологический институт, который заканчивает в 1926 году. Затем начинается его трудовая деятельность как инженера в посёлке Карсакапай, как геолога и учёного, которому в трудных научных дискуссиях и тяжёлой полевой геологоразведке, удалось доказать на самом высоком уровне политического, исполнительного и научного уровней, большое будущее Джезказганского региона, строительство железнодорожной линии Джезказган – Караганда – Балхаш, строительство важной для Центрального Казахстана водной артерии Иртыш – Караганда и многого другого, что дало огромный импульс для

промышленного, научного, сельскохозяйственного и культурного развития республики Казахстан.

Перейдём непосредственно к тексту повести, а именно анализу контекста с выделением темы «Каныш Имантаевич Сагпаев». Тему разделена на несколько микротем (МТ) с описанием конкретной дискурсивной ситуации (ДС) в тексте:

- человеческая эмпатия и ситуация везения в научном плане как основа для встречи с президентом АН КазССР академиком К.И. Сагпаевым;

- информация об облике, этике, языке общения и манере поведения президента при первой личной встрече как характерные особенности национально-культурной идентификации;

- характер научных бесед, перспективного мышления в науке на концептуально равном уровне коммуникации;

- эмоционально-психологическое состояние молодого учёного после встречи с президентом.

- две встречи как поворотные моменты в жизни Мажита Нурбаева.

Рассмотрим дискурсивную ситуацию *Человеческая эмпатия и ситуация везения в научном плане*

Автор Е.А. Букетов, прототип главного героя Мажита Нурбаева с первой строки названной микротемы выражает внутреннее чувство благодарности на ментально – концептуальном уровне в словах «думаю» и «решительно везло»: «Пишу эти строки и думаю о том, как мне решительно везло в моей научной судьбе». У читателя, как участника этой информации, не появляется ни тени сомнения в её правдивости, которую он подкрепляет фактом, что «везение» связано именно с человеком, вызвавшим в нём глубокое чувство эмпатии, его научным руководителем в аспирантуре Дмитрием Викторовичем Дьячковым. В процессе коммуникации Мажита с «другом» факты «везения» выражаются в двух ипостасях: в умелом научном подходе научного руководителя к исследовательским задачам и интересам аспиранта, а также к выработке профессиональных навыков в преподавании в вузе «...помог мне встать на ноги не только как исследователю, но и как преподавателю высшей школы».

И далее, уже как «сторонний наблюдатель», делает жизненно важный вывод на личностном уровне в рамках оценочной семантики языка: «Теперь только могу оценить, как много мне дали и сам профессор Дьячков, и его научное окружение». Слово «теперь» указывает на некий временной континуум, когда сформировался концепт «благодарность» на пересечении формирования знаний и

оценки событий, явлений в жизни автора / героя как факторов «везения» и нового, какого – то важного предложения, которое спишет все трудности по проведению научных исследований. И, когда читатель уже заинтригован словами: «Если бы ты знал, от кого исходило это предложение...» «друг» уже ждёт признания от Мажита, в этот момент автор прерывает предложение многоточием, которое сигнализирует о высоком уровне эмоций и экспрессии главного героя появлением перед глазами читателя восклицательного знака. И дальше словами: «Но давай-ка лучше расскажу по порядку» продолжает коммуницировать с переходом к другой микротеме.

Высокий эмоциональный уровень был реакцией Мажита Нурбаева на слова президента Каныша Имантаевича Сатпаева при ситуации первой встречи и получения важного задания. Он пишет: «Президент затем рельефными, убедительными мазками обрисовал задачи, стоящие перед этим научно-исследовательским институтом, при этом он указал на то, как совершенно естественно, без какой-либо натяжки мои личные начинания и интересы вписываются в проблемы по освоению минеральных богатств края, в котором находится институт. Меня приятно подкупило то, что академик сделал особый упор на необходимость моего личного научного роста, без которого невозможен, как он сказал, настоящий, неподдельный авторитет руководителя академического научного учреждения. Словом, мне не оставалось места для каких-либо расспросов, для каких-либо суждений от себя, ибо все казалось жалким и ничтожным по сравнению с теми задачами, которые ставил передо мной этот большой человек. Улетучилось желание поскромничать, ибо перед этим человеком нельзя было фальшивить, он видел меня насквозь. Я только сказал, что поеду в этот институт, если президент считает, что гожусь для работы под его руководством, и буду стараться оправдать его доверие» [10, С. 204].

Микротема: Информация об облике, этике, языке общения и манере поведения президента при первой личной встрече как характерные особенности национально – культурной идентификации

Президент, хотя и был в два раза старше Мажита Нурбаева, своим светским поведением и вместе с тем уважительным «Мажеке», как обращаются казахи в коммуникации, как бы приблизил его к себе, показал, что он «равный», что все его регалии, звания не отлучили его от высокого ценностного понятия казахского народа как «адамгершілік» - человечность, что он, молодой учёный, представляет для него интерес как личность. Как представитель старшего поколения казахского народа Каныш Имантаевич Сатпаев, как пишет автор, посадил Мажита напротив себя и стал расспрашивать точь-в-точь, как

это делает в степном быту любой аульный аксакал. И это тепло, эти вопросы, простые по содержанию и знакомые с ему с детства, сняли с него волнение и растерянность, что позволило ему в какой-то момент почувствовать свободу и раскованность, и он спокойно стал рассказывать о своих научных интересах, о перспективах исследования.

В процессе беседы Мажит увидел «пожилого человека с крупными чертами лица и огромным лбом, скульптурно – привлекательные пропорции которого подчеркивались зачёсанными назад, сильно поседевшими, но ещё густыми, слегка кудрявившимися волосами. Мажит отметил, что его «лицо было не так красиво, как на известных портретах, но было доброе, выразительное. Выпуклые подборовья над узковато прорезанными, но большими глазами подчёркивали недюжинную волю, которой был наделён этот человек» [10, С. 202-203].

Микротема: Характер научной беседы о перспективах в науке на концептуально равном уровне коммуникации

К.И. Сатпаев, как настоящий учёный, увидел высокий когнитивный потенциал молодого человека, с которым можно было составить научную дискуссию на равном уровне. Это его очень обрадовало и он, улыбнувшись, стал говорить открыто, не скрывая своего позитивного отношения к Мажиту: «Мажеке, как это хорошо, что у Вас все продумано, чтобы работать в научном плане дальше, чтобы не останавливаться на чём-то достигнутом... что у Вас нет такой беды, когда человек имеющий диплом кандидата, а иногда и доктора наук, все ещё ищет... последнее, к сожалению, бывает чаще, чем первое. Опасные явления, предвещающие застой... Вот я и пригласил Вас; Академия желала бы предложить работать в её системе, в этом случае будет возможность в любом масштабе проводить научные исследования в соответствии с Вашими замыслами и делать многое другое для развития науки в республике. Речь, Мажеке, идёт о том, что мы хотим просить Вас стать директором только что открытого института химических наук в известном Вам большом промышленном центре республики» [10, С. 203-204]. Мажит Нурбаев внимательно слушал Сатпаева, который говорил и о том, что в процессе работы могут возникать трудности, ошибки, но их надо преодолевать.

Микротема/дискурсивная ситуация: Эмоционально – психологическое состояние молодого учёного после встречи с президентом

Мажит Нурбаев, конечно, принял предложение академика Сатпаева и вся лексика дальнейшего его повествования говорит о сильнейшем эмоциональном воздействии на него встречи с

президентом: «состояние внезапного соприкосновения с чем-то недостижимым, сказочно высоким», «высокая ответственность», требующая «истинного, глубинного понимания значения твоих будущих замыслов и действий». Размышляя о своём приподнятом настроении, вернее духе, после разговора с Сатпаевым, Нурбаев пишет «другу»: «Я не мог не думать возвышенно. Ведь человек, который беседуя со мной более часа, всё время старался подтянуть меня к своему уровню простотой и приветливостью, своим неизменным уважительным обращением «Мажеке» и на «Вы», что звучало для меня непривычно, ибо аксакал годился мне в отцы, являлся первым академиком народа, состоял в составе Президиума Большой Академии страны, числился среди тех немногих имён, которые символизируют самое выдающееся место, занимаемое наукой моей Родины в мире. Ведь в его мягких ладонях, с такой добротой и радушием касавшихся моих рук, хранится тепло от пожатия самых выдающихся людей нашего времени и нашей эпохи».

Эти мысли были потаёнными, но они были искренними и чистыми и давали Мажиту чувство окрылённости. Несмотря на предупреждения окружающих, что менять тёплую столицу на руководство «научной конторой», где, возможно, нет ни одного нормального научного работника в Мажите заговорили гены его родственников - Алжиган – ата и Жактай – ага, для которых девизом было национальное понятие «намыс», со значением «честь». Для книги прообразом первого героя стал аксакал аула, старший в роде Алыпкаш, «живой аруах, живой дух» Аяган – ата. Прототипом Жактай – ага стал брат отца, Ибрай (Ибрагим) – ага, для которого были характерны смелость, бесстрашие, решительность. И эти образы, как упоминалось выше, дали молодому учёному Мажиту Нурбаеву силы и уверенность успеха в будущей его научной и организаторской деятельности и выковали твёрдую, непоколебимую внутреннюю установку: работать, чтобы оправдать доверие президента Академии наук Казахской ССР, Каныша Имантаевича Сатпаева.

Микротема/дискурсивная ситуация: Две встречи как поворотные моменты в жизни Мажита Нурбаева

Дискурсивная ситуация «Встреча 1». Из аула приехал к Мажиту друг детства. Он проводил его на поезд и на работу в институт пришёл уже к вечеру, где и узнал от директора, что президент Академии наук хочет с ним познакомиться. Это сообщение привело его страшное волнение.

Мажит очень плохо спал перед встречей с Канышем Имантаевичем, думая о том, чем же могла заинтересовать его персона

такого важного человека. Он робко вошёл в приёмную президента Академии наук в только что отстроенное величественное здание. Мажит раньше видел президента лишь на собраниях и портретах, а теперь он встретился с ним. Мажит пишет об этом: «Когда, робко открыв дверь, вошел в просторный кабинет, высокий, величавый аксакал, которого до этого мог видеть лишь изредка и издали на собраниях за столом президиума и знал лишь по портретам, грузно поднялся с кресла, успел, пока я подошел, обойти навстречу мне невероятно большой президентский стол и, подавая руку, сказал: «А-а, вот Вы какой, Мажеке! Мне о Вас академики, работающие у вас в институте, много говорили... И я решил с Вами познакомиться...» [10, С. 202-203].

Дискурсивная ситуация «Встреча 2». Вторая встреча состоялась через значительный промежуток времени после назначения Нурбаева директором научно-исследовательского института в Центральном Казахстане. Это случилось, когда Мажит, в эмоциональном порыве, подал заявление об увольнении с поста директора, не выдержав интриг старого академика, который руководил до него институтом. К его великой печали, как оказалось потом, это была последняя встреча Нурбаева с президентом академии наук Казахской ССР [10, С. 235].

И теперь, по прошествии многих лет, перед ним всегда возникал образ Каныша Имантаевича Сатпаева, его глаза, взгляд которых говорил о многом: «- Ну что, Мажеке, получил ваше заявление, - сказал он, - спрятал в стол. Вот оно. Заявление ваше меня расстроило. И расстроило не потому, что предстоят хлопоты по поискам и назначению нового директора, не потому что Вы там разладили дела и предстоит большая работа по приведению их в порядок... Вовсе не поэтому. Это обычное дело, когда кадры у нас выбывают, а выбывают не только по заявлению, а по многим другим причинам, которых в жизни много... Можно заболеть, можно умереть... Расстроили же вы меня тем, что вы оказались не тем, кого представляли мне здесь мои друзья и ваши поклонники, вы оказались не тем, кого в вас видел я после наших бесед. Самое тяжелое то, когда мы ошибаемся в людях... - он сделал паузу; я раскрыл рот было, чтобы, ухватившись за последнее, сказать, что и мое решение связано с тем, что ошибся в людях, а также и в себе, но, увидев его нетерпеливый жест, замолчал. - И еще большее разочарование приносят молодые коллеги, показывающие во всем себя прекрасно только до первых трудностей... Расскажите, что с вами там случилось?» [10, С. 234-235].

Обычно, как и при первой встрече, Мажит представлял себе Сатпаева грозным аксакалом и не ждал от него в этой ситуации слов одобрения. Мажит, наконец, «заручившись» поддержкой духа Алжиган

– ата и Жактай – ага, овладев своим волнением, спокойно стал излагать суть своих не только проблем, но и перспектив. Об этом он пишет:

«Я посмотрел на него: куда девалась та обычная бодрость, с которой он встречал меня? Передо мной усталый, старый человек, которому страшно надоело возиться с несмышленишками, не приносящими ничего, кроме болей и разочарований. Признаться, я считал, что дело должно решаться походя и спокойно, среди многих других больших и малых дел, которые решает этот мудрый человек, облеченный доверием в масштабах, представлявшихся мне с трудом. Передо мной сидел не президент, спокойно и властно отдающий распоряжение, четко поправляя и координируя крупнейшие научные дела, не руководитель, чей холодный рассудок не колеблут эмоции, характерные для обычных смертных, а мой покойный отец в те моменты жизни, когда ему казалось, что его старший сын не тот, кем он представляется ему в мечтах ...» [10, С. 235]. Перед Мажитом всплыли воспоминания о том, как, однажды он, поехав в соседнее село за почтой, чуть было не загнал колхозного коня, увлекшись его резвостью, и бригадир, крича и ругаясь на чем свет стоит, притащил его за шиворот домой. Он шумел, грозился, что придется Мукану платить за измученного коня, пока как всегда находчивая мать, сказав что-то смешное и примирительное, не успокоила его. Бригадир, выпив чашку кумыса, попросил наказать Мажита по заслугам, ушел: «Отец продолжал так грустно смотреть на меня, будто хоронил он во мне все свои чаяния и мечты».

От этой мгновенной ассоциации, всплывшей перед его глазами, пропали, улетучились твердость и уверенность, которые нагнетал Мажит на себя, не шла на язык заранее приготовленная краткая речь. Перед тем как собраться с духом, он сидел и молчал, не в силах еще раз поднять глаза на человека, который берет на себя боли за все глупости подобных Мажиту, равнодушно и беззастенчиво носящих в себе его обманутые надежды. Молчал и президент. Не известно, сколь долго продолжалось это молчание, но Мажит прервал его, сказав:

- Вы могли бы вернуть мне эту жалкую бумагу?
- Пожалуйста.
- Вы разрешите мне ее порвать?
- Рвите... Все? А сказать есть что?
- Есть что. Много что. Но все совершенно противоположное тому, что вам и другим говорил до сих пор... И в этом главная беда!
- Говорите!

Я начал подробно рассказывать обо всем, о чем успел уже тебе, дорогой друг, написать. Говорил, наверное, долго, президент ни разу не перебил меня. Заканчивая речь, сказал:

Я теперь только понял, почему вы обращали внимание, напугав меня, именно на эти обстоятельства. Я теперь только понял, почему вы были сдержанны, когда докладывал о состоянии дел в прошлый раз.

Он сидел, с вдумчивой суровостью на лице слушая мое излияние, сидел, не изменившись в лице, когда последними двумя фразами отметил его мудрость и прозорливость. Он понимал, что это я сказал не для того, чтобы понравиться. Этого человека нельзя было подкупить мелкой лестью, на которую мы не скупимся, посещая многих других людей, от которых зависят наши дела. Я замолчал» [10, С. 236-237].

Далее Мажит вспоминает, что Сатпаев после минут молчания сказал: «Невеселые у вас дела, молодой человек. Но главное здесь то, что вы поняли, что они, дела, не веселые. Кроме того, мне импонирует, что вы свои ошибки ни на кого не сваливаете, вы суровы к себе... Но из этого у мужественных, принципиальных, дельных людей должно вытекать, что они сами же должны исправлять свои ошибки. Мужество заключается не только в том, чтобы признать ошибки, это полдела, это, скорее, четверть дела. Эти признания иногда оказываются просто честностью слабого человека, если не назвать это трусостью, когда мы признаем ошибки и тут же уходим в кусты. Нет, дорогой мой, мужество заключается в том, когда за признанием ошибок следует дело, может быть, требующее упорства, смелости, напряжения сил... В науке крупные дела делаются не в один день даже у подготовленных коллективов. Еще труднее научить, сплотить, направить еще неподготовленных людей на крупные дела. Надо работать исподволь, умно и неторопливо. Я вам говорю, кажется, самые известные вещи, но, к сожалению, многое из самого известного приходится повторять, ибо эти азы, как будто много раз слышанные и понятые, в деятельности многих, особенно молодых, преломляются неправильно. Элементы неправильного преломления известного наметились, Мажеке, и в вашей работе ...» [10, С. 237]. Каныш Имантаевич несмотря на просьбу Мажита об его увольнении с поста директора института, все-таки не потерял надежды и веры в его будущее как руководителя, в его будущие научные открытия и организационные способности и тем самым помог сохранить и развить целостность его личности и высокую мотивацию в науке. Личность академика К.И. Сатпаева так захватила автора повести Е.А. Букетова, что он поставил себе цель написать книгу о нем. В письме супруге К.И. Сатпаева Таисии Алексеевне, Евней

Арстанович Букетов пишет о том, насколько ответственно писать о людях такого масштаба, как первый казахский академик Каныш Имантаевич Сатпаев: «Самое опасное заключается в том, что, имея исключительно добрые намерения, можно отойти от истины. Лёгкое, недостаточно взвешенное отношение к памяти людей, деяния которых стали достоянием народов, часто, как мы знаем, приводит авторов к заблуждению: будто их примитивное мышление отражает мысли и соображения большого человека...Очень не хотелось бы, чтобы к подобным писаниям прибавились и мои» [14, С. 10].

И после той, знаменательной встречи, Евней Букетов – Мажит Нурбаев, выполняя наказ К.И. Сатпаева, никогда не отступал, какие бы трудности в его жизни не встречались. Здесь уместно сделать вывод о том, что обе встречи с президентом АН КазССР академиком К.И. Сатпаевым, были судьбоносны.

Евней Букетов до конца своей жизни был верен его стратегии в науке, отношению к человеку и природе, верности служения своему народу. Книга «Шесть писем другу» Е.А. Букетова была написана в непростые для страны и автора годы. Интегративный подход к структурному, стилистическому, семантическому и другим видам анализа текста/дискурса повести даёт удивительную возможность открыть синтез языка и речи, выраженный средствами письменной коммуникации без условных границ времени и социально – исторических фактов. Глубинное «прочтение» даже нескольких страниц книги, посвящённых академику К.И. Сатпаеву, дают концептуально ярко выраженный образ учёного с универсальными знаниями, патриота и провидца, Человека мира. Анализ эпизодов повести Е.А. Букетова, посвящённых встречам главного героя с академиком Канышем Имантаевичем Сатпаевым, позволяет выстроить целостный интертекстуальный образ Первого академика Казахстана – не только как учёного-естествоиспытателя и организатора науки, но и как личности, глубоко укоренённой в национальной культуре, обладающей высоким уровнем нравственной зрелости и гуманизма. В этих образах воплощается архетип «мудрого наставника» - фигуры, чьё влияние оказывает судьбоносное воздействие на развитие внутреннего мира и научного становления героя.

Интертекстуальный подход позволяет увидеть в Сатпаеве не просто историческую фигуру, но концепт особого культурного кода: человека, соединяющего рациональное знание, национальную этику (адамгершілік), светскую интеллигентность и менторскую силу духа. Его обращение к Мажиту Нурбаеву через уважительное «Мажеке», диалоговая форма общения, ориентированная на равноправие и рост,

формируют пространство доверия и внутренней мобилизации. Он не просто назначает, он *наставляет* - и делает это не авторитарно, а через личный пример, веру в потенциал другого и тонкое психологическое воздействие.

Обе встречи с Сатпаевым становятся ключевыми дискурсивными событиями в жизни героя. Первая - импульс к росту, осознание масштаба вызова. Вторая - момент сомнения, боли и переоценки, за которым следует нравственное перерождение и утверждение внутренней целостности. Через эти встречи повесть демонстрирует глубинную связь между индивидуальной биографией и историческим временем, между личностью и национальной идеей.

Таким образом, в образе К.И. Сатпаева, представленном в повести Е.А. Букетова, воплощается идея преемственности поколений, диалога традиций и будущего, где наука предстает не только как система знаний, но как путь служения народу. Этот образ интегрирован в концептосферу гуманизма и национального достоинства, а сам текст становится примером культурной памяти, сохраняющей духовные ориентиры и формирующей новую систему ценностей на стыке эпох.

2 Е.А. БУКЕТОВТЫҢ ҚАЛАМГЕРЛІК ШЕБЕРЛІГІ ЖӘНЕ ТІЛДІК ТАЛҒАМ

Халық даналығында «Жақсының аты, ғалымның хаты өлмейді» деген тәмсіл бар. Бұл көнеден келе жатқан есті сөз. Евней Артыстанұлы Букетовтың шығармашылық мұрасын зерделей отырып, бұл сөзге одан сайын илана түсесіз. Букетов дәуіріне жүз жыл толды. Кәсіби публицистермен салыстырғанда Е.А. Букетов публицистикасының өзіндік айырмашылығы мол. Ғылыми-техникалық прогресс тақырыбы тәлім-тәрбие, адамгершілік - ар-ұждан, ілім-білім сияқты ізгі қасиеттермен ұштасып, бірге өріліп, бірге сабақтасып жатады.

Ал, ұлтымыздың рухани-құндылықтары: өнер, әдебиет, мәдениет, дәстүр тұрғысында жазған мұраларының өміршеңдік қуаты күні бүгінге дейін оқырман жүрегін ізгілік әлеміне тартып келеді. Букетов шығармаларындағы бұл ерекшелік болашақ ғасырларда жалғасын таба берері ақиқат. Кез-келген қаламгердің адами қасиеттері, азаматтық ұстанымы жазған шығармаларында, сөйлеген сөздерінде бедереленіп тұрады. Жазушының мінезі мен таным-түйсігін, білімі мен біліктілігін танығыңыз келсе шығармасын оқыңыз. Құсыни қаламынан төгілген ой өрнектері ақ қағаздың бетінде айна-қатесіз сізбен емен-жарқын сырласады. Назарларыңызға ұсынылып отырған Евней Арыстанұлы Букетовтың шығармашылығы туралы ғылыми-танымдық баянның мақсаты да осындай ойлардан туындап отыр.

Е.А. Букетовтің қаламгерлік шеберлігі мен шешендік қасиеті жайлы сөз етпес бұрын ғұлама ойшылдардың осы тақырыпқа қатысты пікірлеріне жүгіне кеткенді жөн көріп отырмаз.

Ұлы Абай «көңілдегі көркем ой ауыздан шыға келе өнінен айрылады», «қайран тіл, қайран сөз наданға қадірсіз» дегені бар. Сондай-ақ, Бөтен сөзбен былғанса сөз арасы, Ол - ақынның білімсіз бейшарасы, [50, 89 б.] - деген ғақлиялары сөздің қаншалықты қадірлі, қасиетті екендігін айшықтап тұрғандай.

«Сөз – ойдың сәулесі. Ойың түсініксіз болса – сөзің де түсініксіз» - деп жазыпты В.Г. Белинский. Мұны А.Толстой да қолдаған. Ол: «Тіл – ойлау құралы. Оған қалай болса, солай қарау - қалай болса, солай ойлау деген сөз» - дейді [51, 7 б.]. «Бұл тілге салақтықтың ар жағында ойлаудың да олақтығы жататынын еске салады. Ендеше тіл – жазушы ойының мөлшерін танытатын, стилін анықтайтын маңызды нәрсе екені әрқашан көкейден шықпауға тиіс» [53, 7 б.]. Сондай-ақ зерттеуші З. Бейсембаева өзінің «Тіл байлығы – ой байлығы» мақаласында жоғарыда келтірілген пікірлерді былайша қуаттай түседі: «Шеберліктің негізгі сыры – тілдік амал-тәсілдерді орынды қолдана білуде, жазушының талғампаздығында, сөз қолдану мәдениетінде. Тек тілдің көркемдеу

тәсілдерін орынды қолдану арқылы автор көздеген нысанасына жетеді» [52, 91 б.].

Жалпы, Е.А. Букетовтің қаламгерлік шеберлігі мен шешенге тән қасиетінің бастау бұлақ, нәр алар көзін оның табиғи болмысынан, сонау - балалық дәуренінен іздеген дұрыс болар еді. Бала Евней жас кезінен Шығыстың қисса-дастандарын жаттап өскенін, ауыз әдебиетінің нәрімен сусындап өскендігін біз зерттеу барысында айтқан болатынбыз. Ананың сүтімен, бесіктің әлдімен тұл бойына дарыған тума талант, қаршадайынан сөзге жүйрік, ойға алғыр Евнейге тән қасиет болатын. Сондығынанда болар, алғашқы аяулы ұстазы Августа Иустиновнаның Евней шәкіртіне деген ұстаздық махаббаты ерекше еді. Парасатты Августа Иустиновнаның ұзақ жылдарғы өмір жолында әлдеқалай кезіккен панасыз қазақ баласы Евнейді аяуы, оған жаны ашып, айрықша көз қырын салуы, бір жағынан оның алғырлығы мен білімге құштарлығы зейіндігінен болатын. «Шығысым батыс боп кетті» - деп Абай айтқандайын, Шығыс шығармаларының інжу-маржандарымен көз ашып, көкірегі оянған Евнейді Европа әдебиетіне ынтасын оятқан осы аяулы ұстазы Августа Иустиновна еді. Араға жарты ғасыр салып, академик Е.А. Букетовтің өзі оқыған мектеп пен ұстазы Августа Иустиновнаның орнын іздеп баруы үлкен жүректі қаламгер-академиктің адамгершілік парасының бір қырын танытқандай.

Е.А. Букетовтің публицистикалық мұрасын оқыған, оны зерделеген кез келген адам, оның тіліне, жазу машығына сүйсінері сөзсіз. Шоқан туралы қолжазбасын оқып, оған пікір айтқан белгілі сөз зергері Ақселеу Сейдімбеков: «Тіліңізге сүйсіндім» - деуі тегін айтылмаған жай сөз болмаса керек.

«Тіл – құрамдық жағынан үнемі жаңарып, толысып отыратын құбылыс. Мұндай толығулар жаңа дәуір ерекшеліктері тудырған тың сөздер, жаңа мағынаға ие болған кейбір ескі сөздердің жаңаруы, шет және орыс тілдері арқылы кірген интернационалдық сөздер, жаңа терминдер түрінде іске асады. Алайда мұндай сөздерді пайдалану ерекше ұқыптылықты керек етеді» [51, 6 б.].

Бұл пікірді келтіріп отырған себебіміз, Е.А. Букетов өмір сүрген дәуір Кеңес үкіметінің өсіп-өркендеу уақытымен тұспа тұс келді. Ана тіліміздің өгейлікке ұшырап, орыс тілінің үстемдік алуы, ұлттық өнер мен әдебиетке барынша кері әсерін тигізіп бақты.

Егіз-қатар екі тілде ой мен өнер адамдары туралы толғаныстары, әдебиет пен театр туындыларын талдаған эстетикалық еңбектері, оқу-білім, ғылым тақырыбындағы ағартушылық көзқарастары, тәлім-тәрбие, парасат жөніндегі келелі ой-пікірлерін қамтитын Е.А. Букетовтің публицистикалық шығармаларындағы тіл мен ой тазалығының сақталуының өзіндік құпиясы бар. Ол құпия кілті

қаламгердің екі тілде еркін жазып, екі тілде ойлана алуында жатыр. Әсілі, екі тілде жазатын қаламгер басқаларға қарағанда шығармаларына өте сақтықпен, жауапкершілікпен қарайтындығы табиғи құбылыс.

Өйткені, мен бұл шығармамды мына тілде жазам деген қаламгер сол жолда ол тілдегі шығармасына барлық ой, сана-сезім, таным-түйсігімен, парасат-білімімен беріле, іздене жазады. Бұл шығармашылық өмірде кездесіп жүрген факт. Мысалы, Е.А. Букетовтің «Жас Қаныш» деректі хикаяты орыс тілінде жазылған. Орыс тілді оқырмандардың ойлау жүйесі мен қабылдау танымына лайықты тілмен жазылған бұл шығарма өте тартымды жазылған. Ол туралы кітапқа берген анықтамада: «Шығарма орыс тілді оқырманға арналып жазылғандықтан, автор қазақтың тұрмыс-салт, әдет-ғұрып, тәлім-тәрбие ерекшеліктеріне кеңірек тоқталып, қызғылықты баяндап отырады», [53, 2 б.] - делінген.

Е.А. Букетов қаламының су төгілмес жорғалығы мен тіл мен ойының шебер үндесуі, «Жас Қаныш» деректі хикаясында барынша ашылған.

«Дін мұсылманның киелі кітабы – құранның астар бетіне мұқияттап араб әріпімен түсірілген сол күннен бастап, Ғабдұл-ғани аталған сол нәресте де ата-анасы, күллі зәузаты кешкен аттың жалы, түйенің қомында дейтін салқар тіршіліктің кішкентай бір бөлшегіне айналды» [53, 4 б.]. Мұндағы зәузаты, аттың жалы, түйенің қомы, салқар тіршілік сөздері сөйлем мағынасына нәр беріп, қазақы ұғымның қасиетін жарқырай көрсетіп тұр. Сондай-ақ бұл күндері қолданыстан шығып ұмыта бола бастаған: «қам кесек», «қыртыс шым», «қайыс әбзел», «қаптың түбі қағылған қара өзек шақ», «Ексімдеп соққан жел» т.б. қазақтың тұрмыс-тіршілігіне қатысты көптеген сөздерді осы шығармадан кездестіруге болады. Орыс халқы көп қоныстанған солтүстік өңірде туып өскен, балалық шағынан орыс тәрбиесін, білімін алып өскен Евнейдің туған халқының салт-дәстүрін, тілі мен мәдениетін жетік білуі оның өз ұлтына деген шексіз сүйіспеншілігін аңғартады. Е.А. Букетовтің қай шығармасында болмасын ұлттық рух, ұлттық болмыс қашанда биік тұрады.

«Шынайы шешен – жарқын тұлға. Оның ойлау, сөйлеу мәнері, кескін келбеті, рухы, тәжірибесі, ішкі мәдениеті, білім өрісі, дүниетанымы, талант табиғаты, жан мен тән қуаты, мінбедегі тәртібі, ым-ишараттары, дауыс ырғағы қызықтырмай қоймайды» [54, 23 б.]. Евнейдің табиғат пен адам арасындағы кіршіксіз таза махаббатты көркем сөзбен кестелеуінің өзі ғажап: «Молдабек ауылынан Қаныш ерте аттанған. Оған көкжиектен жаңа көтерілген күн таңғы мұнарды селдірете түсіп, аспанға асқақтай шаншылған қарағайларды бірте-бірте айқындай келетін осы шақ қатты ұнап еді» [53, 148 б.].

«Дәл қазір күздің сары-жалқын бояуына малынған бұталар мен дәурені өтіп, өңі қаша бастаған қалың қау жаз бойы гранит жақпарларына жармасып, өлермендікпен жоғары өрлей берген: сонысына қарап, оларды тастың жон арқасын тесіп, тура өзегіне шеңгелін салған, енді оны жылма-жыл ырғап, берекесін алып, түптің түбінде құм-топыраққа айналдыруға серт етискен қарағайларға көмекке бара жатқандай сезінуінде мүмкін» [53, 148 б.].

Табиғаттың осынау тамылжыған сәтін дәл осылай бейнелеу, оны адамның ішкі түйсігімен астастыра өру талантты суреткердің қаламынан туса керекті. Табиғат болмысын суреттеу үшін оның тылсым сырын білу қажет. Е.А. Букетовтің табиғатты бұлайша суреттеуін, қоршаған ортаға, айналаға адамгершілік ізгі көзқараста қарағандығынан іздеген жөн сияқты.

Сөз орайына қарай Е.А. Букетовтің публицистік шеберлігін оның көлемді туындысы «Жас Қаныш» деректі хикаятынан бастап жатырмыз. Оның әр кездерде, әр-алуан көкейкесті мәселелерге арналған публицистикалық очерк-эсселерінен қаламгерлік шеберлігі мен ойлау парасатының жарқын үлгісін молынан ұшыратуға болады. Мәселен, жастардың оқу-білімі, ғылымға деген көзқарас құштарлығын қалыптастыратын тәрбиелік мәні зор мақалаларында Е.А. Букетов өзінің шешендік білімдарлық қасиетін барынша байқатып отырады. «Жастардың өмірде тоқсан үйлі тобырды асыраған Қамбар батырдай» болуын немесе «Ақыл жастан, асыл тастан» деген халық даналығын үнемі тілге тиек етіп отыруы өскелең ұрпақты бабалар салған сара жолға шақырғаны, солардан ғибрат ала отырып, өмірлік мақсат-мұратын айқындауға себін тигізер тағлым екендігін аңғаруға болады.

«Әрбір тілдің ішкі сырына бойлап қарасаңыз, жүйе-жүйесімен жіктеліп, жалғасып, ұласып жатқан бір үздіксіз құбылысты байқауға болады. Тілдің осы жүйелі болмысын меңгерген адам қашанда сауатты сөйлеуге, сауатты жазуға бейім. Ал жазу өнеріндегі кемшіліктің көбі осы жүйеге мән бермеуден туа ма деп ойлаймыз» [55, 43 б.].

Е.А. Букетовтің шығармашылық мұрасын оқып, оны зерделей білген кез келген оқырман ең бірінші қаламгердің тілдік қуатының құнарлылығына тәнті болар еді. Е.А. Букетов публицистикасының негізгі арқауы уақыт талабынан туындаған көкейкесті мәселелерді көтеруге арналған. Адамдар бойындағы асыл қасиеттер мен қоғамдағы түрлі ахуалға деген ғалым көзқарасы үнемі шығарма шындығына айналып, оқырман санасына ой саларлықтай салмақты пікірлерімен нұр пашып тұратын. «Көкейдегі көрікті ой, ауыздан шыға көркінен айрылады» демекші, ғалымның ғұлама ойларын барынша айшықтандырып тұратын оның құнарлы тілімен де тығыз байланысты.

Көптеген қаламгерлерге тән ортақ тақырып Табиғат, Адам, Қоғам бірлігі Е.А. Букетов шығармаларының да негізгі объектісі. Осы үш тағанның өз ара байланысын қамшының өріміндей қиюластырып, әдемі жеткізе білу қаламгер ойының тіл кестесімен шебер ұштасқанын аңғартады.

Е.А. Букетов шығармаларындағы ой тұтастығының беріктігі соншалық, дәл қазір мына бір жерін оқып көрелікші деп бөле жарып алып қараудың өзі сәлекеттік туғызар еді. Өйткені, белгілі бір тақырып аясында жазылған проблемалық мақала тілінің бір-бірімен жымдаса өрілгені соншалық, оның бірер сөйлемін оқшаулаудың өзі әдемі ғимараттың бір кірпішін сурып алғанмен бірдей. Бұл жағдай әсіресе, қаламгердің ішкі толғаныстарына құрылған «Адам болам десеніз», «Алғашқы сабақ», «Алтын босағаны аттағандарға», «Табиғат - тіршілік көзі» атты мақалаларында айқын байқалады.

Филология ғылымының докторы Мүсілім Базарбаев: «Тіл – ең алдымен құрылыс материалдары: жазу-сызу дәстүріміздің де, көркем әдебиетіміздің де құрылыс заты. Онан сәулетті сарай тұрғызуға да болады, жай қарапайым үй салуға да болады» - дейді [56, 57 б.].

Е.А. Букетов шығармасының тілі әсіре қызыл, алып ұшқан мінезден ада. Діттеген межесіне жету үшін өзін де, оқырманды да жалықтырмай, жүйелі ой мен кестелі тіл үйлесімі аясында жол табады.

Сөзіміз дәлелді болу үшін бірнеше мақаласынан мысал келтіре кетейік. Өнер, ғылым өрісі тақырыбындағы «Пушкин мен Маяковский» атты мақаласы: «Маяковский қалжың-күлкілі сөзге шебер еді ғой» деп басталады. «Жазғаны жазира, айтқаны аңыз еді ғой» атты мақаласы да: «Сәбит ағамызға байланысты қатты бір ұялғаным есіме түседі» деген оқыс сөзді оқығанда қызығушылық көңілмен елең ете қалатынымыз рас. Немесе: «1960 жылдың жазы еді. Алматы телефон көтертті» - деп, бірден оқырманын өзіне тарта жөнелетін тағылымы мол мақала-эсселерінің эстетикалық мәні өте зор. Бұларды келтіріп отырғандағы себебіміз, Е.А. Букетов шығармалары жоспар арқылы жазылған жоқ. Барлық мұрасы да табиғи төл туындылар қатарына жатады. Кез келген шығармасы қаламгердің зерде-зейінінде пайда болып, уақытысы келгенде дүниеге келген перзенттей жарқ етіп, ақ қағаз бетіне түседі. Сондықтан да болар, Букетов шығармаларындағы ой қуаты тіл құнарлылығымен шебер жымдасып, оқырман жүрегіне бірден жол табады. Зертеуші ғалым М. Базарбаев осы тұрғыда мынадай тамаша пікірлер айтады:

“Тіл көркем болса, шығарма да көркем болатыны талас тудырмаса керек. «Сөз жібек жіп, жыр кесте» деген екен Дулат ақын. Бейнелі, бедерлі сөз көркем туындының қаны мен сөлі. Талапкер жанның қай-қайсының болса да бұл жадынан шығармайтын альфа-

омегасы болуы шарт. Көркем сөз бен сұлу сөзді де айырған жөн. Әдебиет тілінің көркем болуы шарт болса, сұлу болуы міндет емес. Кейбір қаламгерлер сырттай сұлу, мәнерлі сөзге шимай тілге құмар. Бұл құптарлық жай емес. Өйткені, ондай жылтырауық сөздердің жылуы болмайды, ой мен жүрекке әсер етпейді. Бір Қытай сөзінде: «Жылтырауық сөзге үйір, көп мәнерлеп, мүләйім сөйлейтін адамның кісіге тигізер жақсылығы аз болады» - деген екен. Демек, әдебиетте де бұл ұнамсыз көрініс болмақ» [57, 161 б.].

Ғалым-зерттеуші келтірген бұл пікір маңыздылығы қолына қалам ұстаған кез келген жазушы-публицистердің қаперінде жүрер негізгі қағида болмақ. Біз Е.Букетовтің публицистикалық мұраларына зер сала отырып, ой жинақылығы мен тіл шеберлігінің табиғилығынан осы ерекшелікті айқын аңғардық.

Зерттеуші ғалым Серік Негимов шешендік өнердің тектері мен түрлерін үш топқа бөледі:

1. Әлеуметтік-саяси тақырыптағы шешендік.
2. Академиялық шешендік.

3. Әлеуметтік-тұрмыстық тақырыптағы майталмандық [57, 115 б.].

Е.А. Букетов бойына осының алғашқы екі түрі тән екендігін сенімді түрде айта аламыз. Әсіресе, С.Негимов жазуындағы "Академиялық шешендік" (лекция, ғылыми баяндама, ғылыми хабарлама бойынша) Е.А. Букетов өмірінде айқын дәлелденген құбылыс.

Сырбай Мәуленов естелігіне жүгінсек: «1974 жылы Вадим Кожевников бастаған жиырма шақты москвалық жазушылар Қарағандыға баратын болды. Солармен бірге маған да Қарағандыға жол түсті. Барып түскен күні түсте Қарағанды Университетінде үлкен кездесу өткізілді. Ол кезде Евней Қарағанды Университетінің ректоры болатын. Евней жазушылармен кездесуді өзі ашып, жазу-сызусыз, баяндамаға бергісіз қырық минуттай сөз сөйледі. Қатысып отырған орыс жазушыларының барлығының шығармаларына тоқталды. Сөз аяғын сонда қатысып отырған қарт ақын Яков Шведовтың «Орленок» деген өлеңін жатқа айтуден аяқтады. - Бұл қандай білімді адам! Өзі металлург, химик бола тұра, әдебиетті қандай тамаша біледі. Ректор, трибун, - деді Вадим Кожевников» [58, 16 б.]. Е.А. Букетовпен жиі араласқан замандастары, ақын-жазушы, ғалымдар оның тілге шешен, сөзге жүйрік екендігін ілтипатпен еске алады. Ауыздан шыққан көрікті ойы қағазға түскенде одан сайын салмақтанып, ажарланып отыратындығын оның шығармаларын оқыған, зерделеген жан бірден аңғарады.

Е.А. Букетов публицистикасына тән қасиеттің бірі - Абай дәстүрін жалғастырушылығы деп атар едік. Абайдың тәрбие-тағлымы, ғылымды білмекке құмарлық, адамдар арасындағы татулық, бірлік, ынтымақ жөніндегі ғибратты ойлары Е.Букетов шығармаларында жаңаша сипат алып, қоғамдық болмыс үрдісіне байланысты өрбиді.

Абай: «Жасымда ғылым бар деп ескермедім,
Пайдасын көре тұра тексермедім.
Ержеткен соң түспеді уысыма,
Қолымды мезгілінен кеш сермедім [59, 43 б.].

Е.А. Букетов: «Менің назарым көбінесе, ғылымдағы жастарға ауа береді. Жастардың болашаққа құлаш сермеп өсуіне бірден-бір кедергі - өз адалдығына нұқсанды заттарға кешіріммен қарау болып табылады, өсем деген жастар мұндай қасиеттерге қайырымсыз, кешірімсіз болуы қажет. Үйткені, ғылымда бірден болжаған мақсатына жету жолында шытырман бұлтарыстар, сәтсіз адымдар көп болады. Көрікті мақсатына осының бәріне шыдаған қайсар, қажырлы адам ғана жетпек» [60].

Абай: "Бес нәрседен қашық бол,
Бес нәрсеге асық бол.
Өсек, өтірік, мақтаншақ,
Еріншек бекер мал шашпақ -
Бес дұшпаның білсеңіз,
Талап еңбек терең ой,
Қанағат, рақым ойлап қой -
Бес асыл іс көрсеңіз" [65, 65 б.].

Е.А. Букетов: «Жақсы маман, парасатты адам беделді азамат болып өсу жолы оңай жол емес, қиын жол, бірақ өмірдің өзгешелігі сол: қиын жол, ізденіс жолы адамгершілікке апарарды, жеңіл жол, ізденіссіз жол жұпынылық пен мардымсыздыққа апарарды. Біздің жастар тек адамгершілік жолында болуға тиісті» [66].

Абай: "Біріңді қазақ, бірің дос,
Көрмесең істің бәрі бос" [59, 119 б.].

Букетов: «Ісіміздің, тұрмысымыздың, қарым-қатынасымыздың өлшемі – коллективтік, коммунистік принцип. Сыйласу, сырласу, көмектесу – өсер жастың жан серігі, ең мықты буыны. Сол буынға ақау түсірмеңдер, жас қауым!» [60].

Жалпы, Е.А. Букетов ұлы адамдардың ұлағатты сөздерін өз шығармасына үнемі, алтын өзек етіп отырады. Әсіресе, Абай тағылымы,

А.Н. Некрасов [63, 3 б.] - деген ұлы ойшылдардың бұл сөздері шығарма эпиграфына тегін қойылмаса керекті. Осы эпиграфтарды оқыған кез-келген оқырман шығарма арқауының нені меңзейтінін бірден тұспалдайды. Әрине, ондай сәтте оқырманның қызығушылығы бірден байқалып, кітапты қолға алары белгілі.

Е.А. Букетовтің эпиграф қолдану тәсілі мерзімді басылымдарда шығып тұратын әр-түрлі тақырыптағы мақала-пікірлеріне де тән.

Жастарды білім-ғылымға, тәлім-тәрбиеге шақыратын «Сыйлас, сырлас, көмектес» атты ғибратқа толы мақаласына Юлиан Тувимнің мына сөздерін келтіріпті: «Білім саласын куәландыратын диплом. Бұл қағаз ақылдыға өзінің тым аз білетінін ескертеді, ал ақылсызға біліп-жетілдім деген жалған ұғым туғызады» [60]. Білім іздеген жастарға немесе ата-анасының жетегімен жүрген студенттерге арнап айтылған бұл сөз бірден мақала мазмұнынан хабар беріп тұр.

Әрине, мұндай эпиграфты мақала-очерктер Е.А. Букетов публицистикасынан көптеп кездестіруге болады. Мұның өзі жоғарыда айтқанымыздай, шығарма шырайын ашудағы публицист шеберлігін байқатса, екіншіден, автордың білім-парасатын, ойлау қабілетінің қарымын, ізденгіш-тапқырлығын танытатын көрініс.

Әлем әдебиетіндегі озық ойлы классик ақын-жазушылардың, философ ойшылдардың, ғалымдардың ой пікірлері мен ғылыми тұжырымдар, көзқарас-пайымдаулары Е.А. Букетов публицистикасындағы қоғамдық проблемалармен мағына-мазмұнына қарай үнемі сабақтасып, бірге өріліп жатады. Ұлттық әдебиетімізде Абай, Шоқан, Ыбырай, Қаныш, Мұхтар, т.б. ойларынан нәр алса, орыс әдебиетінде Достоевский, Семенов, Чехов, Менделеев, Пушкин, Маяковский, Есенин, Тургенев, Некрасов, т.б. ғибраттары шығарма шырайын аша түседі. Сондықтан да, Е.А. Букетов публицистикасындағы цитата қолдану әдісі тек өзіне тән үрдіс пен шеберлік деңгейінде оқырман жүрегінен орын алады.

Қаламгер шеберлігіне тіл мен стиль тұрғысынан ғана қарау, сол тұрғыдан бағалау әрине, жеткіліксіз болар еді. Жалпы, шеберліктің шыңына көтерілген публицист-жазушының шығармасын қоғамда еншілеген орнымен, идея өміршендігімен ұрпақтан-ұрпаққа жалғасатын ғибратымен өлшеген дұрыс сияқты. Жазушының тілі мен стилі - оның ойының өмірге сол қалпында мағына-ажарынан айрылмай жетуінің кепілдік қызметін атқарады. Абайдың «Көңілдегі көркем ой ауыздан шыға келе өңінен айырылады» дегені де біздің осы пікірімізді қуаттап тұрған жоқ па?

Е.А. Букетов қай шығармасын жазбасын, үлкен әзірлік, тыңғылықты ізденіспен барған. Өмірдегі өзекті проблемаларды дөп

басып, көрген-білгендерін ой елегінен өткізіп, әр сөзіне, әр ойына үлкен жауапкершілікпен қараған. Қарағанды архивінде публицист Е.А. Букетовтің көптеген қолжазбалары сақталған. Қолжазбалардағы жекелеген сөздердің қайта түзетілуі, қалып қойған ойлардың сыналып кіргізілуі публицистің еңбекқорлығын, әр сөз бен сөйлемге ыждахатпен қарағандығын көрсетеді.

Мәселен, Ақселеу Сейдімбековтің «Көңіл күнделігі» естелігінде: «Мұнан әрі жазу азабы туралы сөз өрбіді. Евней көп сызып, көп өшіріп жазады екен. Сонсоң қолға түскен деректі жүйелеудің де үлкен маңызы бары айтылды. Қанаң (Қаныш Сәтпаев. Қ.А.) туралы жиналған материалдың бес-алты папканы толтырғанын көрсетті» [64, 124 б.].

Е.А. Букетов сондай-ақ қазақтың қанатты сөздері мен мақал-мәтелдерін жетік білетін. Е.А. Букетовтің аузынан шыққан ондай сөздер де баршылық. Ақын Мұзафар Әлімбаевтың "Кісілік пен Кішілік" атты мақаласы Е.А. Букетов өмірінің кейбір сәттерін бейнелейді. Ақын мен ғалымның үлкен достығын паш ететін бұл естеліктің эстетикалық тәлім тәрбиесі мол, әрі Е.А. Букетов талантының шешендік, шеберлік қырын танытатын құнды дүние.

«Қаншама шәкірт тәрбиелеп, қаншама ғалымды қанаттандырды? Ол адал достығымен, қамқор жүрегімен, ағыл-тегіл пейілімен біздерге, дос-жаранына, сыйластарына-қимастарына қаншама қуаныш сыйлап еді? Шынайы жас ғалымды көрсем де Евнейді еске аламын. Шалағай оқымыстыларды көрсем де, «Қайран Евней сияқтылар неге аз болды? Қалай аз жасайды?» - деп өкінемін» [64, 39 б.].

Ақын ағамыздың бұл толғанысы бекерден-бекер айтылмаса керек. Қазақ мақал-мәтелдерін, қанатты сөздерін жинап, зерттеп жүрген ақын Е.Букетов сөзінен де біраз асыл ойлар алып үлгеріпті.

«Қазақ халқының мерейін шырқау биікке көтеріскен кемеңгер ұлдарының бірі Ілияс Омаров қайтыс болған күндерін шығарып салғаннан кейін Алматыда кездескенінде:

- Басқаның иті өледі, біздің китіміз өлетіні не пәле осы? - дегені есімде қалыпты» [64, 42 б.].

«Ал айтшы «Куй железо пока горячо» дегенді «Темірді қызған кезінде соқ» деп аудару дұрыс па, әдемі ме?

Мен:

- Бұл өзі қазақтардың талай ұрпағының құлағына сіңген тәржіма ғой. - деп сырғатпалау-сырғақтау жауап қаттым. Ал мынау сенің өз вариантың болды ғой тегі.

- Меніңше, - деді Евней нықтап, - «Темірді суымай тұрып соқ», өйткені орысшасындағы «пока горячо» қызып тұрған емес пе?» [64, 48 б.].

«1979 жылғы бір жолығыста:

- Украина тілінде дрофа – «дурак» делінеді екен. Біздің қазақтың «дуадағы» ғой. Тек бір дыбыс түсіп қалып қана ықшамдалған. Енді бір қызығы украиндықтар тырнаны «лелека» дейді. Бұл - қазақша «ләйлек». Күншығыс жұрттарымен қашаннан бері араласқан халық «құтан» мен «тырна» атауын алмастырып алуы мүмкін ғой, - деді досым. «Бірде мен Е.А. Букетовтің аузынан жапонның танкасын (бесаяғын) және хайкуін (үшаяғын) жазып алыппын. Соның біреуінің орысша тәржімасы: «Опыт старика надежнее панциря черепахи». Соны Е.А. Букетов өзінше қазақшалайды: «Тасбақаның қабығынан қарт адамның танымы сенімді» [64, 50 б.].

«Жастау жігіттерден ректор:

«Сеп» деген не? - деп сұрады. Әдебиетшілердің өздері де іркіліп қалды. Сонда Евней:

- Сеп, меніңше, дүние-мүлік, мұкамал, - деп бір-екі сөзбен түптеп беріп еді.

«Блокнотымда Евнейдің аузынан шыққан әдемі бір нақыл тағы да таңбаланған екен: «Отызында есірмеген, елуінде есінен айрылмас» [64, 52 б.].

Сондай-ақ М. Әлімбаев замандас, құрдас-құрбылар ортасында Евнейдей орыс поэзиясын, оның ішінде әсіресе Владимир Маяковский мен Сергей Есениннің өлең поэмаларын осыншама мол жатқа білетін ешкімді білмейтіндігін, Евнейдің ұзақ дастандардың өзін атап берген кез-келген тұсынан бастап жатқа оқи жөнелетіндігін, сол сияқты өткендегі ел ақындарының, жыраулардың жүйрік жырларын да көп білетіндігін жазады.

Е.А. Букетов бойындағы осы тапқырлық, шешендік қасиеттер оның публицистикасында үнемі көрініс тауып отырады.

«Адамның мәдениеттілігінің, ой-өрісінің кеңдігінің, жан дүниесінің, ләззатшыл нәзіктігінің бірден-бір белгісі көркем әдебиетті қол үзбей оқи білу» [64, 3 б.].

«Шын мәдениетті адам болудың бірден-бір жолы өзіңнен бұрынғы буыннан дұрыс тәрбие алу, дұрыс үлгі көру» [61, 3 б.].

«Дегенмен, киім кию, сырт сымбаттылық мәселелерін көп қозғаудың өзі керек те ме екен, өйткені бұл мәселеге артық көңіл бөлудің өзі жасанды сымбаттылық пен жасанды әдемілікке апарып соққаны қызық емес қой» [61, 4 б.].

«Өз мамандығына бейімділігі ерте, уақытылы білінген адам, әрине, бақытты адам» [61, 4 б.].

«Ғылыми ізденіс дегеніміз творчестволық процестің барып тұрған биік шыңы» [61, 5 б.].

«Творчество адамдарының өзгелерден айырмашылығы сол - оның ойында, миында қарама-қарсы фактілер мен құбылыстар қашан да қақтығыста жүреді, содан барып осындай драмалық шым-шытырық айқастың негізінде жаңа ой, жаңа тұжырымдар туып жатады» [61, 5 б.].

Е.А. Букетовтің мәдениет, өнер, білім, ғылым туралы айтқан мұндай қағидаларын оның публицистикалық мұраларынан молынан ұшыратуға болады.

Мұндайды зерттеуші ғалымдарымыз: «Тіл байлығы - ой байлығы. Ойы бұлдырдың сөзі де бұлдыр. Сөзі тәтті мағынасы түзу келсе, Оған кімнің ұнасар таласуы, - деп ұлы Абай айтқандай, шығарманың тілі, стилі, ойы, образы бір-бірімен жымдасып, қабысып теп-тегіс жұмыр келсе, нұр үстіне нұр», - деп бағалайды [52, 97 б.].

Шығарманың тілін ажарландыратын, көркемділігін арттыратын тілдік тәсілдердің бірі - бейнелеу, сөзді образдарды қолдану.

«Ал мына бетте шашып тастаған құмалақтай болып ертемен өрген қой отары жатыр. Күн шекені қыздыра бастапты, енді құйрықтары теңкііп қойлар да суатқа құлайды» [53, 115 б.].

«Қазақтың аяқты малы - жүрмелі, байлығы ұшпалы бақыт есепті болатын». «Жүректі суырардай мұнмен айтылғанда тындаушыныңда көкірегі қарс айрылар еді». «Күллі дала күңіренумен жатты». «Дала буырқанып жатты» [53, 116-118 б.].

Адамның көңіл күйін, тұрмыс тіршілігін, табиғат болмысын қабыстыра өріп, ерекше реңк беретін мұндай сөздер шығарма тілін ажарландырып, көркемдігін арттыра түседі. Мұндай, образдарды, бейнелі теңеулерді, Е.А. Букетовтің «Жас Қаныш» деректі хикаятынан көптеп кездестіреміз. Е.А. Букетов сондай-ақ өнеркәсіп, өндіріс тақырыбына жазған проблемалық мақалаларында кәнігі публицистер ше диалог қолдану әдісінде шебер пайдалана біледі. Кейбір публицистер екі адамның диалогы арқылы мақаланың проблемалық сипатын ашатыны бар. Е.А. Букетовтің өнеркәсіп тақырыбын сөз ететін «Алып адым» проблемалық очеркінде:

«Енді бір күні Юз Павловқа:

- Сіз осы домна цехна несіне келе бересіз? Осы домна сізге ұнағаны ма сонда? - деп сұрапты.

- Әрине, ұнағаны, - деп жауап беріпті Павлов.

- Несі ұнайды, неге ұнайды?

- Жобасы, басқалар әлі түсінбегендігінен, әрі ұнатпағандығанан шығар.

- Бұл не дегеніңіз?

- Бірде бір шебер, бірде бір ғалым домна пешін түсінбейді деп өзіңіз айтқан едіңіз ғой. Дегенмен, бұл домнаны түсінуіміз керек қой.

Ол ол ма. Түсініп қана қоймай, өз ырқымызға көндіріп, айтқанымызды істеуіміз керек қой» [65, 149 б.].

«Өйткені домна жүргізу біздің Англияда әкеден балаға ауысып отыратын құпиялылығы көп өнер. Жабайы адам бұл өнердің құпиясына жете алмайды», - деген жас Юздың сөзіне Совет қара металлургия өндірісіне домнаның дұрыс жұмыс істеуіне ғылыми негіз қалаушылардың бірі академик М.А. Павловтың жауабы екен бұл. Бұл диалогтың да күні ертең тарихи мәнге ие болатындығы шүбәсіз. Қара металлургия өндірісінде домнаның іске қалай, қандай жағдайда жүзеге асырылғанын хабар беретін диалог мақала арқауында өзіне тән мазмұн көтеріп тұрғандығы сондықтан.

Қара металлургия тақырыбы Е.А. Букетовке етене таныс, ежелден қанығып, біліп өскен тақырып. Сондықтанда оны бүге-шігесіне дейін білуі, оның өсіп-өркендеуі, дамуы жайында айтқан ғылыми негіздері мен тұжырым, болжамдары өз уақытысында аса маңызды болды. Публицистикалық шығармаға тән негізгі қасиеттің бірі факты болатын болса, оны Е.А. Букетовтің өндіріс-өнеркәсіп турасында жазған очерктерінен мольнан ұшыратуға болады. Кейде очеркте ресми деректер келтіру, цифрларды сөйлету қажет болады. Хронологиялық фактілер мен мақала мазмұнын ашатын цифрларды қолдану Е.А. Букетов публицистикасына да тән.

Әсіресе, «Өндіріс пен ғылым егіз», «Алып адым», «Қара металлургия алыбы» сияқты күрделі проблемалық мақалаларынан осы құбылысты анық байқауға болады. Бірақ, кілең факті мен цифрға құрылған деп айту ағаттық. «Жай фактінің өзін журналистің ой-қиялынсыз жазу мүмкін емес. Фактіні суреттемес бұрын журналист өмірлік фактіден қажеттілік тауып алады, оны жан-жақты зерттейді, қоғамдық-әлеуметтік мәнін ойластырады» [66] деген зерттеушілердің уәжді пікірін Е.А. Букетовтің проблемалық очерктері толығымен қуаттайды.

«Алып адым» очеркінде қара металлургия өндірісінің өсіп-өркендеуін көрсететін хронологиялық дерек-көрсеткіштің берілуі шығарма шырайын арттырып тұрған публицист шеберлігі деп айтуға негіз бар. 1938-1960 жылдар аралығындағы қара металлургияның өсіп-өркендеу болмысы цифр тілдерімен-ақ публицистикаға қажетті информацияны оқырман санасына еш қиындықсыз-ақ жеткізіп тұр. Осынау ауыр өнеркәсіп өмірнамасының хронологиялық жүйесі осы тақырыпта көлемді шығарма жазушыларға салынған сонарлы сәтті соқпақ сияқты.

«Очеркте творчестволық ой қосу, фантазия қанаты фактіні күшейту үшін, очерктің сюжеттік-композициялық желісін ширату үшін керек» [67, 177 б.].

«Творчестволық ой қосу» мен «Фантазиялық қиял» кез-келген публицист қаламгерге тән қасиет. Поэзия жолынан проблемалық мақала тудырып, оны үлкен ғылыми танымдық дәрежеге ұштастырып жүрген Е.А. Букетовке бұл қасиет ерекше жақын. Оны қай тақырыптағы жазған мақалаларынан болмасын дөп басып тануға болады. Гибратты, қанатты ойлары ретінде ондай сөздерінің біразына зерттеу барысында тоқталып та өткенбіз. Ауыр өнеркәсіп тақырыптарына жазған мақалаларына да мұндай ой, қиялдар қосу Е.А. Букетовке тән. Бірақ бір ғажабы біз айтқан ой-қиял Е.А. Букетов публицистикасында құрғақ қиял, құр сөз ретінде емес ғылыми негізде айтылған, келелі пікір ретінде кездеседі.

«Лисаков рудасының жақсы қасиеті де мол. Лисаков рудасында темір тотығына қоса глинозем (бұдан алюминий металы алынады), фосфор және ванадий (ол болатын шындайтын қоспа ретінде қолданылатын қымбат металл) бар. Біз Лисаков рудасынан шойын, болат алу үшін қорытқан шақта осындай асыл металлдарды іске жаратарлықтай етіп, қорытып алу әдістерін ұсынып отырмыз. Демек, Лисаков кеніне тек темір қоры ретінде қарамай, оны комплексті пайдалану әдістерін ойластырған жөн» [68, 50 б.].

«Ұқыптылықтың ең бір ұтымды жолы – коксті үнемдеу» [68, 51 б.].

«Алдағы мақсат – химия технологиясы мен металлургия саласында жаңалық іздеуді тоқтатпай, табылғандарын жан-жақты зерттеп, өндіріске жедел енгізу» [68, 52 б.]. Міне, осы сияқты ғылыми негіздегі ұсыныс, болжам, тілектерді мақала барысында жиі кездестіріп отырмыз. Бұл айтылғандар жоғарыда келтіргенімізден цифрлар мен фактілер негізінде құрылып, тұтас болмысы, мақала мазмұнын аша түседі.

Қаламгердің ойы жер астындағы кен болса, соны жарыққа шығарып бұқара халық игілігіне жарататын құрал оның тілі екендігі белгілі. Көңілдегі көрікті ойдың өз қасиетін жоғалтпай жарқырай көрінуі тіл шеберлігіне көп байланысты. Е.А. Букетов публицистикасындағы шешендік тіл мен шебер ойлаудың өзара үндестік табуы қаламгердің болмыс қасиетін айшықтай түсетін критерий.

Бұл салада публицист ғалымның шеберлігінің кейбір қырларын жоғарыда айтып өттік. Әрине, шеберлік пен қаламгердің еңбекқорлығын шендестіре айтқан әбден орынды сияқты. Болмашы нәрсеге бей-жай қарамай үлкен мән беру, сол жолда ерінбей еңбек ете

білу, кез келген қаламгердің маңдайына жазыла бермейтін қасиет. Біз Е.А. Букетов шығармашылық мұрасын талдап саралай отырып, осыған көз жеткіздік.

«Адамның жан әлемі, сезім толғанысы сыртқы жалаң әрекет қимылдан әлдеқайда күрделі де қызықты. Көркем өнердің ұлағатты мақсаты да оқырманға шұбырған оқиғалармен емес, терең ой, әсерлі толқындары арқылы тағдыр суреттерін, үлкен өмір құбылыстарын шешетін де шебер бейнелеу ғой. Көркемдік эстетикалық принцип ретінде психологизм суреткер назарын кейіпкер дүниетанымы, сезім сарайындағы кейбір процестер ғана көгендемеуін, объективті құбылыстар, сыртқы орта, материалдық тіректердің органикалық тұтастығы бұзылмауын талап етеді» [67, 189-190 б.].

«Шығармадан ең алдымен әлеуметтік-психологиялық талдау өрнектерін көруіміз керек», - [69, 190 б.] дейтін әдебиет зерттеушісі Б. Майтановтың бұл тұжырымдарына Е.А. Букетовтің ғылыми публицистикасын тереңдеп оқыған сайын көз жеткізе түскендей боламыз.

Е.А. Букетовтің ғылыми-техникалық прогресс, кен-металлургия ғылымы, өнеркәсіп, өндіріс ошақтары туралы жазған күрделі-проблемалық мақалаларының өміршеңдігі мен өзектілігін, көпшілік ықыласына бөленуінің сыры неде деген орынды сұрақтың тууы әбден мүмкін. Мысалы, кез-келген кәсіби публицист осы аталған тақырыпта проблемалық мақала жаза алады. Өте сәтті шыққан дүниелерде баршылық. Дегенменде «атымның сыры өзіме мәлім» дегендей, Е.А. Букетов қаламынан туған шығармалармен салыстырғанда бәрі-бір бірдеңе жетіспей тұрғандай боламыз. Менімше оның сырын былайша түсіндірген жөн сияқты:

Біріншіден, Е.А. Букетов кен-металлургия саласын жетік білетін маман. Осы салада ғылым докторы, Академик дәрежелеріне көтерілген ғұлама.

Екіншіден, Е.А. Букетов публицист-жазушы. СССР Жазушылар одағының мүшесі, бірнеше публицистикалық ғылыми мақалалардың авторы.

Үшіншіден, педагог, психолог адам. Ұзақ жылдар бойы ағарту салаларында қызмет істеп, жетекшілік еткен тәлімгер ұстаз.

Олай дейтініміз, ол кісі ғылыми публицистикалық мақалаларын тек сол саланың адамдары үшін ғана жазбай-ды. әрбір шығармашылық туындысын адамзат игілігінің бір қажетіне жараса екен, солардың жүрегіне жол тауып, санасына, рухани жан дүниесіне әсер етсе екен деген тілекпен жазады. Е.А. Букетов ғылым адамдарына түсінікті ғылыми терминдерді немесе атауларды үнемі жақшаның ішінде оның

жай оқырманға түсінікті болуын қадағалап, баламасын, мағынасын ерінбей жазып отырады. Осының өзінен публицистің өз творчествосына деген көзқарасының қандай дәрежеде болғанын аңғару қиын емес.

Мысалы: «Біз болаттың беріктік, қуаттылық, уақыт пен ортаға төзімді, ыстық-суыққа шыдамдылық қасиеттерін арттыру үшін оған керекті мөлшерде (болаттың арнаулы сорттарына қарай) марганец, молибден, хром қосылады» [65, 143 б.].

«Мұндай заводты передельный (қайтадан іске жарату) деп атайды» [65, 144 б.].

«Домна деген тік қойған шұңғыма пеш. Бұл пештің 50-60 метр биіктіктегі (Ахмед Яссауи мешітінің биіктігі 49 метр) төбесінен есепті мөлшерде темір кені (ізбес таспен, кейде басқа қоспалармен қосылып, кесектелген агломерат күйінде), кокс дамылсыз төгіліп жатады» [65, 148 б.].

«Мұның өзі отынды (мазутты, газды, ұнтақ көмірді) көптеп шығындауға апарып соғады. Ал конверторға (осыған оқырманның сенуі қажет, бұл шындық) ешбір отын қажет емес» [65, 150 б.].

«Лисаков рудасының жақсы қасиеті де мол. Лисаков рудасында темір тотығына қоса глинозем (бұдан алюминий металы алынады), фосфор және ванадий (ол болатты шындайтын қоспа ретінде қолданылатын қымбат металл) бар» [65, 152 б.] - сияқты сөйлемдерде авторлық түсіндірме оқырманға беймәлім ғылыми термин сөздердің баламасын берумен ерекшеленіп тұр. «Осыған оқырманның сенуі қажет, бұл шындық» деуі автордың бұл мақаланы тек сол саланың ғана емес, көпшілік бұқараға арнап жазғандығын көрсетеді.

«Театр киім ілгіштен басталады» демекші, шығарманың шырайлы болуы, оның ішкі психологиялық иірімдері автордың қойған тақырыбынан бастап, ондағы эпиграф, цитата, тіпті емле белгілерінің де орынды-орынсыз қойылуына дейін әсер етіп тұратындығынан екендігін ескере бермейміз.

«Тақырыптың таңдаулы оның журналист ақыл-ойында қалыптасуы автордың өмір тәжірибесі молдығына байланысты. Тақырыпты дұрыс таңдап алу дегеніміз - дер кезінде қалың бұқараның назарын аударатын өмір фактісі туралы әңгімелеу, белгілі бір мәселені я проблеманы көтере білу деген сөз. Өмірдің елене бермейтін, бірден байқала қоймайтын құбылыстары мен фактыларына мұқият назар аудара зерттей жүрген журналисттің алғыр ойы таңдар тақырыбына тап болмай қалмайтыны даусыз» [67, 139 б.].

Тақырып қоя білудің өзі кез-келген қаламгердің ойлау мен қиялдау шеберлігін танытатын мүмкіндік. «Театр - киім ілгіштен басталады» дегендей, шығарма мазмұны мен проблема жүгін кейде

тақырыпқа қарап-ақ бағамдауға болады. Бұл туралы зерттеуші-ғалымдарымыз: «Тақырып табу журналистің қабілетіне, тәжірибесінің молдығына, творчестволық лабораториясына, іздену әдісіне байланысты. Бірақ осылардың бәрі тамаша өміріміз шындығына бағындырылуы керек» [67, 140 б.] - дейді.

Тақырып қою немесе таңдау жағынан Е.А. Букетов керемет тапқыр еді деп айта алмаймыз. Бірақ, басқаларға ұқсамайтын өзіне ғана тән ерекшелігі барын дәлелдеп көрмекпіз. Е.А. Букетов публицистикалық шығармалар тақырыбының басты ерекшелігі оның жай ғана қарапайымдылығында жатса керек. Е.А. Букетов тақырыптары алаулаған қиял мен шамырқанған шабыттан ада. Шығарма мазмұны мен көтерер проблемадан туындаған немесе соны меңзейтін қарапайым сөздерден құралған. Мысалы: «Өндіріс пен ғылым егіз», «Жас замандас келбеті», «Пушкин мен Маяковский», «Арманшыл болғанға не жетсін», «Көркем аударма, хал қалай?», «Қара металлургия алыбы», «Тұңғыш қазақ академигі», «Два спектакля наших гостей», «Второй в республике» т.б. тақырыптарды алып қарар болсақ, біз сөз еткен қарапайымдылықтың болмысын байқағандай боламыз. Дегенменде, бұл тақырыптар мақалаға мен мұндалаған әсемдік бермегенмен, шығарманың ішкі мазмұнын еш қиындықсыз-ақ табуға мүмкіндік береді. «Табиғат ананы аялай білейік», «Сыйлас, сырлас, көмектес», «Ағадан ақыл, ініден ілтипат», «Табиғат тіршілік көзі» атты тақырыптар ешқандай бүкпесіз, күнделікті өмірде жиі айтылып жүретін таныс сөздерден тұрады. Әңгіме ауанының не жайында екенін оқырман мақаланы оқымай-ақ бірден жобалайды. Осы қарапайымдылықтың өзі кейде публицист шеберлігінің бір қырын танытады.

Белгілі әдебиет зерттеушісі Бақытжан Майтанов ғалым-жазушының өзіндік ерекшелігі туралы: «Көлем толтыруды көздейтін көп сөзділіктен алыс қонып, айтар ой, көтерер мәселенің төңірегінде нақты сөйлеуі, бұлтасыз айқын тұжырымдар жасалуы, ғылыми дәлелі берік, орынды жинақтаулар түйіндеуі деп айта аламыз» - деп жазады [70, 242 б.].

Публицистикалық шығармалардың шымыр да шырайлы болуы көбіне нақты фактілер мен авторлық ой-тұжырымдардың негізді болуынан туындайды. Е.А. Букетов публицистикалық мұраларының ең ұтымды, ұрымтал тұсында осы тұрғыдан қарастырған жөн. Адамзат цивилизациясындағы ұлы ойшылдар мен талантты тұлғалардың сөздері мен өмірін үнемі тілге тиек етіп шығарма мазмұнын қоюландырып, байытып отыру, Е.А. Букетовтің қаламгерлік қырының өзіндік бейнесін ашады. Нақты деректер келтіре отырып, цитата сөйлетуді Е.А. Букетов шебер қолдана біледі. Ол қолданыс мақала барысында үнемі

қажеттіліктен туындап отырғандай әсер береді. Тіл мен ойдың үндестік тауып, стиль мәнерінің ашылуына бұл әдіс кең мүмкіндік тудырып отырады. Мысалы, жастар жөнінде жазған очерк-эсселерінің өн-бойы осындай ғибратты, дәйекті цитаталарға құрылып, тақырып мазмұнын әрлендіріп, қаламгер ойының еркін ашылуына мұрындық болады.

«Орыстың атақты ғалымы В.Е. Грум-Гржимайло әрбір жас ғалымға шексіз шыншыл болуын тілей келе, ғылым түбіне-тек өзіне-өзі қатал сыншы, өз қарабасының камын қорғаштамайтын адам ғана, жетеді деген екен» [60].

«Сондықтан кезінде А.В. Луначарский осы «білімді адам» деген ұғымға мынадай анықтама берген екен: «Білімді адам. бәрін білуге ұмтылмақ. Бірақ, бәрін үстірт білуге емес, білімді адамның өз мамандығы болуға тиіс, ол өз ісін білуі қажет, сонымен қатар ол білімнің басқа салаларына да көңіл аударып, оның да қызғылықты қағидаларын түсіне алуға тиісті» [62, 128 б.].

«Егер Алексей Пешков шіркеу сынынан өткенін арқау етіп, консерваторияға түссе, ал Шалаяпин, мысалы, университеттің филология факультетіне түссе не болар еді? Пешков, жобасы, консерваторияны да бітіріп, жан-жақты музыка маманы болар еді де, Шалаяпин жан-жақты лингвист тіл маманы болар еді» [62, 139 б.].

«Бұдан 200 жыл бұрын болған Ломоносов жөнінде Пушкин ... ол бізде бірінші университет ашты, шынын айтса ол өз қара басы біздің бірінші университетіміз болды» - деп орыстың ұлы ғалымның жан-жақтылығының, әрі ғалым, әрі ақын болғанын айтып өтеді [62, 152 б.].

Міне, Е.А. Букетовтің жастар тақырыбындағы мақала-эссе, интервьюлерінен осындай ғибратты, өнегелі сөздер мен ұлы адамдар өмірінен алынған үзік-үзік цитата жолдарын көптеп кездестіреміз. Бұлар ілкі сөз арасында жай келтеріле салмаған, керсінше, тақырып ажарын ашып, мақала мазмұнына әр беріп, мәнділігін арттыра түседі.

Мұндай көріністі Е.А. Букетовтің әдебиет-өнер тақырыбындағы публицистік мақалаларынан да байқаймыз. Мысалы: «Өткен ғасырдың сексенінші жылдардың орта шенінде Нижний Новгород - қазіргі Горький қаласында бойы сырықтай екі жасөспірім бала жігіт күн көрерлік табыс іздеп, шіркеу хорына жалданбақ үшін сыннан өтуге жазылады. Екі баланың бірі, даусы мен мақамы ән шырқау тілегіне сай болғандықтан, өтеді де, екіншісі өтпей қалады. Өткені болашақ жазушы Максим Горький екен де, өтпегені болашақ ұлы әнші Федор Шалаяпин болып шықты» [62, 137 б.].

«Үлкен композиторлардың бірі қартайған шағында айтқан екен: Әуелі өзім ғанамын деп жүрдім. Сонсоң өзім және Моцарт қана дедім,

одан кейін Моцарт және мен ғана деп едім, енді тек Моцарт деймін» [71].

«Орыстың шебер аудармашыларының бірі, үлкен ақын Жуковский: «Өлеңді аударған адам – автордың бәсекелесі, прозаны аударған адам - автордың құлы» - дейді екен [62, 25 б.].

«Ғылым кейбір адам үшін асқақ періште ханым болса, екінші біреу үшін маймен қамтамасыз ететін сауын сиыр орнында. Бұл сөздер бұдан екі жүз жыл бұрын өмір сүрген ұлы ақын Шиллердің айтқаны» [72, 15 б.].

Мұндай қызықты да тағылымдық мәні мол цитаталар Е.А. Букетов шығармасында ғылым, өнер, тәрбие салаларында жиі кездеседі. Бір аңғарғанымыз осындай өнегелі-ғибратты немесе тосын ұғым, тың-ой салатын сөздер тек авторлық баяндау тұрғысында ғана айтыла салмай ол сараланып, талданып, сол уақыт үрдісімен үндесіп жатады. Цитата қолданып, сол арқылы авторлық ой-өрбіту әдісі Е.А. Букетов публицистикасының барлық тақырыбына тән қасиет.

Біз жоғарыда цитата қолданудың әдебиет өнер, тәрбие-тағлым тақырыптарындағы маңыздылығын сөз етсек Е.А. Букетовтің өнеркәсіп-өндіріс, қоршаған орта, табиғат, экология мәселелеріндегі дерек пен дәйекті орынды қолдануына ерекше тоқталуды жөн санаймыз.

«Табиғат ананы аялай білейік» мақаласында: «Империализмнің табиғатқа қастандығын мынадай фактілерден көруге болады. Америка Құрама Штаттары тек Оңтүстік Вьетнамда 9 жыл ішінде химиялық қарулармен жердің 43 процентін, орманның 44 процентін зақымдады. Бұл бұл ма, осында қолданылған «Күлгін қызыл» деп аталатын қоспа жан-жануарлар нәсілдеріне ем қонбайтын дерт әкелді» [73] - деп оқырман назарын үрейлі деректерге аудартады.

Белгілі бір өнеркәсіп немесе өндіріс ошағынан басталған экологиялық ахуал төңірегінде ой қозғаған автор жеке ұлт пен ұлыс ұғымындағы проблемалардан шығып, адамзаттың, әлемдік деңгейіндегі экологиялық ахуалға алаңдаушылық білдіреді. «Планета тұрғындары сан жөнінен жедел көбейіп келе жатқанын айттық. Бірақ жер көлемінің еспей сол қалпында қалатынын ескерген жөн» [73].

«Алпысыншы жылдар ауқымында дүние жүзілік шаруашылық аграрлық кәсіптен өнеркәсібі басым дамыған планетаға айналды. Бұған қоса тікелей өндірістің өз ішінде де айтулы өзгерістер болды. Әсіресе, химия өнімдері синтетикалық өнімдер ерекше қарқынмен артты. Міне, соның бәрі табиғатқа әсер етуде» [90]. Осындай әлемдік деңгейдегі экологиялық ахуалдың шығу төркінін Е.А. Букетов адамдардың өздерінен қарастырады. «Сөйтіп, табиғат тазалығын қорғаудың

мәселелері де, проблемалары да әлі көп. Ал соның бәрі өз қолымызда. Демек бұл өз денсаулығымыз өз қолымызда деген сөз» [73].

Жалпы, Е.А. Букетов публицистикасын үнемі бір-бірін толықтырып, проблемалық сипаты мағыналас-мәндес болып келетін күрделі екі топқа жатқызуға болады. Оны ғылыми түрге бөлсек, гуманитарлық және жаратылыс тану саласы дер едік. Жоғарыда сөз еткен ұлы адамдардың өнегелі істері мен ұлағатты сөздерін, даналық ойларын публицистің әдебиет, өнер, ғылым-білім, жастар тәрбиесі жөніндегі ағартушы-педагогтық көзқарастарындағы шығармаларынан байқаймыз. Ал, жалпы баспасөзде күрделі тақырып саласына жататын өндіріс пен өнеркәсіп, ғылыми-техникалық прогресс, кен-металлургия, химия сияқты жаратылыс тану ғылыммен байланысты жазылған мақала-очерктерінің өзегі көбіне дерек пен дәйекке құрылып, сол арқылы мазмұн-мағынасы ашылып жатады.

Мысалы, «Қарағанды химиясы және оның болашағы» мақаласында: «Біріншіден, ацетилин затын ацетальдегид сұйығына айналдыру үшін реакцияны жеделдету мақсатымен сынап қолданылады. Сынап әрі қымбат, әрі адам денсаулығына өте зиянды зат» [74].

«Тас көмірді баяу тотықтыру үшін оны сұйықпен араластырып, сол сұйықтан тұрақты электр тоғын өткізу әдісін (ғылымда бұл әдіс электролиз деп аталады), әйтпесе сол көмір аралас сұйықты белгілі бір қысымда оттегін беріп тотықтыруға болады» [74].

«Мысалы, қазіргі синтетикалық каучук сырттан әкелінетін екі затты стирол мен гидролир спиртін тоғыстыру арқылы өндіріледі» [75, 116.].

Е.А. Букетов өзінің ғылыми публицистикасында осы аталған ғылыми-дәйекпен деректерді орынды қолдана біледі. Әрі бұл дәйек пен деректер жалаң ғылыми тілде емес, публицист шеберлігінің нәтижесінде оқырманға түсінікті ғылыми публицистикалық тілде жазылады.

«Кез келген мұнай дегеніміздің өзі аты да аңғартып тұрғандай түрлі көмірсутек пен химиялық қосылыстардың, яғни көміртек пен сутек атомдарының байланысынан пайда болған табиғи қоспа» [75, 11 б.].

Ғылыми техникалық прогресстің өсіп-өркендеуі мен қарқын ала дамуы Е.А. Букетов публицистикасында уақыт үрдісіне сай жан-жақты сөз болып жазылып отырған. Кен-металлургия химия ғылымдарының қоғам игілігі үшін қаншалықты маңыздылығын ғана айтып қоймай, өзі айтқандай, «Бұны оқырман дұрыс түсінуі тиіс» [74] - деген мақсатпен сол ғылым әлемінің көптеген беймәлім құпияларын бұқараға қара сөз,

қазақы ұғыммен жеткізуі, сөз жоқ, ғалым-публицистің қаламгерлік шеберлігі мен үлкен білім иесі екендігін танытады.

«Әрбір тілдің ішкі сырына бойлап қарасаңыз, жүйе-жүйесімен жіктеліп, жалғасып, ұласып жатқан бір үздіксіз құбылысты байқауға болады. Тілдің осы жүйелі болмысын меңгерген адам қашанда сауатты сөйлеуге, сауатты жазуға бейім. Ал жазу өнеріндегі кемшіліктің көбі осы жүйеге мән бермеуден туа ма деп ойлаймыз» [55, 43 б.].

Зерттеуші-ғалымның бұл теориялық тұжырымның негізі халқымыздың «Жүйелі сөз жүйесін, жүйесіз сөз иесін табады» деген даналығына саяды. Біздіңше тілдің осы жүйелі болмысын меңгерудің өзі адамның жүйелі ойлай білуінен туындайтын тәрізді. Әсілі, тіл байлығы - ой байлығы деген сөзді керсінше оқысақ та мағынасына келтірер сөкеттігі жоқ. Жүйелі ой көп оқып, көп ізденуден туындайды. Көп оқып, көп ізденген адамның тіл байлығы артары өзінен-өзі белгілі.

Е.А. Букетов публицистикасындағы ой тасқыны, көркем тілмен келісті өріліп оқырманын тұңғыққа тартқан иірімдей бірден үйіріп ала жөнелетінін біз қаламгердің сөзден қамшы өрген шеберлігі деп танымыз. Е.А. Букетов тілінің шешендігі, көсіліп жазып кеткендегі терең білімі мен тағылымы мол ғибраты оқыған жанды бей-жай қалдырмайды. Әсіресе, студент-жастарға арналған баяндама-лекцияларының (бұлардың көбі баспасөзде жарияланып, жеке кітаптарға енген) тілдік тартымдылығы өте ерекше. «Мен бұл әңгімеді "Ашық лекция" деп атамақпын», - деп басталатын "Алғашқы сабақ" атты лекция-мақаласының тілдік жүйесі оймен өріліп, сөзбен төгіліп тұрған ақ өлең үлгісін еске түсіреді.

Тұманбай ақынның «Жиырма жаста жетпеген арманыма» деп басталатын өлеңі Е.А. Букетов «лекциясының» негізгі өзегіне айналған.

Жиырма жаста жетпеген арманыма,
Жиырма жаста бармаған тауларыма,
Жиырма жаста жүрмеген жолдарыма,
Бүгін жете алам ба, жүре алам ба,
Барша бақыт тілеймін бар адамға.

Бес шумақ өлеңді түгел келтіре отырып: «Мен осы бір тебіреністі, нәзік сезімге толы өлеңнің шумақтарын әдейі келтіріп отырмын. Бұл өлеңнің мағынасына қарағанда, адам бар ісін жиырма жастан бастап, жиырма жаста қамтып қалуы керек сияқты, олай болмаса адамның қалған өмірі өкініше толы болмақ сияқты. Ақынның осы сөздерінде терең сыр, мол шындық жатыр [76, 8 б.]» - дей келіп, 18-20 жасында студенттік жолға түскен жастарға оқуға түскендегі бірде-бір мақсат-

өмірге, елге керекті жақсы маман болып шығу керектігін айтады. Әрине, жай ғана айту емес, жастарға Чкалов пен Гризодубова, Гагарин мен Терешкова арманын, Қаныш пен Мұхтар парасатын, Шаляпин мен Горький тағдырын, Менделеев өмірін тілге тиек ете отырып, мамандықтың жаманы жоқтығын тек соны дұрыс таңдай білу керектігін, таңдаған мамандықты игеру жолында қандай істер атқару керектігін, кестелі ой, шебер тілмен барынша жеткізген.

Кез келген жазушы-публицистің қаламгерлік қабілеті мен парасат пайымын, қоғамдық көзқарасы мен таным-түйсігін танытатын шығарма түрі бұл - эсселер, жол сапар очерктер болып табылады. Олай дейтініміз белгілі бір кеңістіктен шыққан сана-сезім үшін өзіне бейтаныс, жат әлемнің тұрмыс-салты, әдет ғұрпы, қоғамдық болмысы, саяси-экономикалық ахуалы бәрі-бәрі де таңсық болып көрінуі табиғи жағдай. Дәл осы кезде жазушы яки публицистің бойындағы жоғарыда біз айтқан қасиеттердің барынша ашылуына табиғи мүмкіндік туады. Кейде рухани дүниедегі сілкіністерде осындай саяхат-сапарлардан кейін бой көрсетіп жатады. Жалпы осындай жол сапар очеркінің тарихы, шығу төркініне көз жіберсек орыс әдебиеті мен баспасөзінде Радищевтің «Петербургтен Москваға саяхаты», Карамзиннің «Орыс саяхатшысының хаттары», Пушкиннің «Арзрумға саяхатын» айтуға болады. қазақ жол-сапар, саяхат очерктерінің төл басы ретінде Ш. Уәлихановтың «Жоңғария очерктерін» сондай-ақ М. Әуезовтің «Индия очерктері», С. Мұқановтың «Алыптың адымдары», Қ. Шәріповтің «Америка алыс емес» еңбектерін айтуға болады.

«Жол сапар очерктерінің бір ерекшелігі - автор өз атынан сөйлейді, оқиғаға өзін араластыра отырады. Шығарманың басты кейіпкері де - автордың өзі. Бұрын болмаған, көрмеген, танымаған елдің жер-суы, тұрмысы, салт-санасы, мәдени ескерткіштері, халықтардың өміріндегі тарихи өзгерістер автордың өзіндік толғам, әсері, саяси көзқарасы арқылы баяндалады» [77, 78 б.].

Осындай жол-сапар очерктердің қатарына Е.А. Букетовтің «Канада көріністері» атты очеркін жатқызамыз. Бұл очерк «Орталық Қазақстан» газетінің 1967 жылғы қыркүйек айындағы N218, 219, 220, 221 сандарында жарияланып, кейіннен публицистің «Көкейкесті» кітабына енгізілді.

«Мен еліміз социалистік өмір құра бастағанда туып, капиталистік өмірді көрмей өскен адаммын. Тірі капиталистердің еліне барып, оларды көру деген маған бір миллион жыл бұрын өлген ихтиозавр мен мамонтты тірідей көрген сияқты таңсық» [62, 196 б.] - деп басталады очерк әлқиссасы.

«Кең жерде (біздің елден кейінгі жері мол ел осы Канада) жиырма-ақ миллион халық тұрады. Халқының аздығына қарамастан құрама Штаттардан кейін мысты, алюминийді көп қорытатын осы Канада, уран кенін көптеп шығаратын осы Канада, бидайды көп сататын осы Канада» [62, 197 б.].

Е.А. Букетовтің осы сөздерінен-ақ бұл ел туралы, бұдан бұрындары да хабардар мағлұматты болғанын байқаймыз. Өзінің кен металлургия саласының білгірі екендігін Канаданың осы саласындағы жетістіктерін баяндағаннан-ақ аңғартады.

Жалпы елден шығып Канада топырағына табаны тиген сәтке дейін көрген, білгенін тілге тиек ете бермей, өз көзқарасы мен ойын үнемі сабырлы салиқалы жеткізіп отырған автордың бұл жол-сапар очеркіне сол уақыттың өлшемімен қарар болсақ, мүлдем болмысы бөлек дүние. Көрген әсерлері мен түйген ойларын саралай келіп автор: «Әрине, Канада елі бай ел. Өнеркәсібінен, ауыл шаруашылығынан, тұрмысты бастауынан көптеген ғибрат алуға болады» [62, 214 б.] - деп қорытындылайды. Дәл сол уақытта капиталистік елге мұндай баға беруге екінің бірінің жүрегі дауаламаса керек. Бірақ шындық бәрінен де қымбат дейтін Е.А. Букетовтің былай деуі оның азаматтық позициясы.

Әрине, өзінің шығармашылық кредосына айналған адамгершілік асыл қасиеттер, байлық пен мансапқа деген көзқарасы бұл очерктерінде де айтылады.

«Адамның бақыты тек дүниелікте болса, үйі бар, машинасы бар Канаданың адамы бақытты-ақ. Бірақ Монреальда бес процент жұмыссыз, бүкіл елде 2,5 процент жұмыссыз бар көрінеді. Мұнда бай адамның бір-ақ күнде кедей болып қалуы ғажап емес. Әрине, болашаққа мұндай сенімсіздік, осы тұрмысынан бір күні айырылып қалам ба деген қорқыныш адамның рухани өміріне жақсы әсер етпейді. Қуаныштың өзі шала қуаныш, жабырқаудың өзі саңылаусыздау жабырқау болып отырады» [62, 214 б.] - деп Канада елінің күнгейлі мен көлеңкелеу тұстарын салыстыра салмақтайды.

«Сөздік өнер ретінде публицистиканың көркем әдебиеттен принципті айырмашылықтары бар. Біріншісі - нақты ойға, фактіге, дерекке құрылуында.

Оның негізгі күші, - деп жазды В.Г.Белинский, - шығармашылығы мен көркемдігінде емес, терең де салмақты ойында. Екіншісі - шынайы өмір құбылыстарын сол күйі жеткізуінде. Әдебиеттегі суреткер типті образды нақты характер арқылы сомдайтын болса, публицист жалпы құбылыстың мәнін ашуға тырысады» [78, 178 б.].

Зерттеуші-ғалымның осы теориялық тұжырымнан негізге алсақ, Е.А. Букетовтің «Канада көріністері» жол-сапар очеркі өз дәуірінің шынайы шындығын көрсеткен, қоғамдық мәні зор, публицистикалық туынды ретінде қарастырылады.

Жалпы Е.А. Букетов публицистикалық шығармаларында кез-келген факті немесе оқиға жалаң бір жақты ойға құралмайды. Автор әдетте мәселенің түп-төркінін салыстырмалы түрде пайдалысы мен қажетсізі, ғибраттысы мен келеңсіздігін, жақсылығы мен жамандығын, әдеби тілмен айтсақ, күнгейі мен көлеңкесін қатар алып отырады. Бір сөзбен айтқанда жақсысынан үйренуге, жамандығынан жиренуге үндейді. «Канада көріністері» жол-сапар очеркінде де автор осы әдіс-амалын қолданған. Автордың бұл позициясына сол кездегі коммунистік идеялогия да ықпал ете алмады. Өйткені, Е.Букетовтің адамгершілік принциптері барды бар, жоқты жоқ деп айтуға бастайды. Ол Канада елінің, жалпы дамыған капиталистік елдердің жетістіктерін, ғылыми потенциалын, бай тұрмысын, әлдекімдерше бүркемелеген жоқ. Сондай-ақ, өз ұғымындағы кейбір келеңсіздіктерді де жасырмады. Барды. Көрді. Көңілге түйген әсерлерін, өзіндік көзқарас пайыммен қағазға түсірді. Мұнда әсіре қызыл ой, басы артық сөз жоқ. «Публицистиканың негізгі күші, терең де салмақты ойында» [79] деген қағиданың шынайылығын да біз Е.А. Букетов публицистикалық мұраларынан көретіндігіміз сондықтан.

«Публицистикада психологизмнің болуы – ол шығарманың көркемдігін білдіретін критерийі. Публицистік шығармаларындағы құралдарды пайдалану журналист шеберлігіне, талантына байланысты. Қазіргі журналистиканың даму жағдайына, ілгерлеу тенденциясына сәйкес уақыт қойып отырған міндеттердің бірі – "адам жанының диалектикасын" (Н.Г. Чернышевский) ашу, бүгінгі қаһарманның рухани әлеміне үңілу, жан-сарайына психологиялық талдау жасау - публицистен көп ізденімпаздықты қажет етеді» [80].

Психологизм жөнінде тұжырымды пікір айтқан ғалым Д.С. Лихачевтің анықтауынша, әрбір туындының «психологиялық әлемі» болады. Ал, психологиялық әлемнің қыр-сырына қанығу үшін психологиялық талдау қажет. Бұл жөнінде зерттеуші Т.Карлова мынадай дәйекті ой айтады: «Характердің өзін-өзі ашуы - монолог-толғаныста, хаттарда, күнделікте көрініс береді» [81].

Публицистикада психологизмді сөз етуімізге Е.А. Букетовтің «Алты хат» көлемді хикаясы негіз болып отыр. «Алты хат» жеке кітап болып басылып (Алматы. «Жалын», 1996) шыққанға дейін мерзімді баспасөздерде журналдық-газеттік нұсқалары жарияланып жүрді. 1989 жылы «Жалын» баспасынан орыс тілінде «Шесть писем другу» болып

жарыққа шықты. Е.А. Букетовтің әдеби-публицистикалық шығармаларының ішінде көлемдісі осы «Алты хат» хикаяты. Архив деректеріне көз жүгіртсек бұл хикаяттың қолжазбалық нұсқауындағы аты «Ғалымның жазушыға алты хаты» деп аталады екен.

Қарағанды облыстық мемлекеттік архивінде осы «Алты хатқа» байланысты жазушы-ғалым Ақселеу Сейдімбековтің 1978 жылдың 20 наурызында жазған пікір хаты сақтаулы. Зерттеу барысына байланысты осы хаттағы кейбір пікірлерді келтіре кетуді жөн санадық.

«Мен "Ғалымның жазушыға алты хатын" оқып шықтым. Басы қайтқан еңбек екен. Інілік қуанышпен қолыңызды қысамын. Менің тарапымнан шын тілеулесіңіз ретінде қосар пікірлерім төмендегідей. Ең алдымен кітаптың атын ойланған жөн секілді. "Ғалымның жазушыға алты хаты" деген атау - тақырыпшаға (подзаголовок) лайық. Екіншіден неге алты хат? Неге жеті, немесе тоғыз, тіптен он үш хат болмасқа? Мұны еңбектің ішкі болмысы, тараулардың көлемі жағынан тең бөлінбеуі тіленіп тұрған секілді. Қазақ ұғымында жеті, тоғыз сандары - киелі сандар, халық болмысы мен үндескіш сандар.

Егер соңғы екі тараудың бірін екіге, екіншісін үшке бөлсеңіз тоғыз хат шығады. Соңғы пікірім, осы естелік еңбекте неге өз аты-жөніңізді атап жазбағансыз. Меніңше бұл қатты ойлануды қажет етеді. Өйткені шығарманың бүткіл болмысында көркем шығармадан гөрі деректілік басым ғой. Асылы, шығарманың бүгінгі оқырмандар тарапынан болатын күйініш-сүйінішінен, дау-дамайынан гөрі, ұзақ өмірлі алыс болашағын ойласаңыз жұмбақ-тұспалдаудан да нақты өмір тынысы болғаны пайдаға шешіледі. Демек, өз аты-жөніңізбен кейіпкерлер аты-жөнін бүркемелемеген жөн. Тіптен мұның өзі халқымыздың ғылыми ой-санасының қаз тұрар тұсындағы нақтылы атмосферасын тілге тиек еткендіктен де қажет. Егер бұл пікірмен санасар болсаңыз хат формасына тиіспеу керек. Өйткені, сіздің хат жазып отырған жазушының - ой айтудың, уақиғаны жүрдек жеткізудің тәсілі болуымен бірге, ол - қалың оқырманның жиынтық бейнесі. Демек сіз хат жазып ашық әңгіме өрбітіп отырсыз. Бұл өте-мөте орынды ұрымтал форма» [82].

Әрине, А. Сейдімбековтің архивте жатқан бұл хатын зерттеу өзегіне айналдырсақ, Е.А. Букетов марқұмның ішкі жан-дүниесін немесе қаламгерлік құпиясын көпшілікке жариялау емес: «Алты хатты» оқыған кез келген зерделі оқырман оқымысты-химик Мәжит Нұрбаевтың өмірдегі Евней Букетов екендігін жазбай таниды. Пікір білдіруші А. Сейдімбековтің: «Шығарманың бүкіл - болмысында көркем шығармадан гөрі деректілік басым ғой» - деуі де сондықтан. «Алты хат» сөз жоқ, Е.А. Букетовтің қаламгерлік шеберлігін танытатын

бірегей дүние. Автордың ішкі толғаныстары мен тебіреністері терең психологиялық мәнерде шынайы суреттелген. Барлық публицистикалық шығармаларына тән: адамгершілік, этика, мораль мәселелері бұл хикаятта барынша ашылып, публицистің рухани әлеміндегі бар асыл қасиеттері жарқырай көрінген.

Шығарма белгілі бір уақыт кезеңіндегі шындықты шынайы сипаттауымен құнды. Қаламгердің бұл шығармада хат формасын таңдауы, оқырманмен етене-жақын сырласуға, бар шындықты боямасыз айтуға қолайлы да қарапайым жол ашқан.

А. Сейдімбековтің хатындағы орынды пікір, ескерулерді оқи отырып, «Алты хатты» өзі ұстанған формада қалдыруы Е.А. Букетовтің азаматтық адамгершілік этиканы аттап кеткісі келмегені-ау деп ұққан жөн. Өйткені «Алты хатта» кейіпкердің ішкі толғанысы, өмірге деген өзіндік көзқарасы барынша кең, терең жазылған. Егер автор сол толғаныс, көзқарастарын өз атынан баяндаса, бәлкім «Алты хат» көтерген замана толғанысы сәл де болса, кемшіндеу шығарма еді. Олай дейтініміз, публицистикалық шығармаларында үнемі, сабырлы, салмақты, өз пікірін айтпас бұрын ұлылардың ұлағатты уәжіне жүгініп сөйлейтін Е.А. Букетовке көлемді шығармадағы ішкі толғаныстың «еркіндігі» сәл артықтау көрінуі мүмкін.

«Алты хат» хикаятының бір ерекшелігі ой желісінің жинақылығы, тілінің мәдениеттілігі дер едік. «Әрине, сөз өнері оның ішінде жазушылық өнер - өнер атаулының ең қиыны мен күрделісі. Ол көсіліп жазуды, көтеріңкі сөйлеуді, еркіндікті қажет етеді. Әр жазушының өзіндік үні, ойы, образ жасау ерекшелігі, тілдік амал-тәсілдерді қолдану шеберлігі бар» [52, 93 б.]. Е.А. Букетовтің «Алты хатындағы», «Ардақты жазушы інім» сөзі автордың тізгін тартар, тоқтам сөзіне айналған. Ой желісінен қара үзбеу үшін қолданған авторлық әдіс-амал.

Қазақ ғалымы Мәжит Нұрбаевтың өмірі мен ғылым жолындағы ізденістері, жетістіктері, бастан кешкен қиыншылықтарын тартымды тілмен баяндай отырып, автор ғалымның ішкі толғанысы арқылы замана болмысына деген азаматтық көзқарасын баяндайды. Бір сөзбен айтқанда Нұрбаев бейнесі арқылы уақыт шындығын көреміз. Бұл хикаят Кеңестік Одақ деп аталатын алып елдің, бодандығындағы Қазақстан ғылымының өсіп-өркендеуі мен белгілі бір кезеңдік ғұмырын сипаттайтын шығарма. Е.А. Букетов публицистикасын зерттеуші ретінде бір аңғарғанымыз, «Алты хат» автордың қаламынан туған барлық публицистикалық туындыларының типтік (жиынтық) болмысын танытатын еңбек.

Әрине, мұны тек Е.А. Букетов публицистикасын толық зерделеген оқырман ғана пайымдары анық. Хикаят соңындағы профессор Нұрбаев-Букетовтің сөзі де бұл ойымызды қуаттайды: «Осыдан бірнеше жыл бұрын ағаңыздың Данте жасына келгендігі аталып өтті. Менің ғылыми жетістіктерімді тым-ақ артық бағалаған жиналыс болды. Сол жиналыстан қартай бастаған оқымыстыны, әсіресе талай атақтарға ие болған ғалымды тек мақтау, мадақтау арқылы қозғап, жұмыс істетуге болатын шығар деп отырдым. Осы ойымды сол жерде айттым да. Сондықтан да профессор Нұрбаевтың ғылыми жетістіктері көтеріңкілеу әңгіме болатын болса, нені жете істей алмадым екен, нені жіті ойлай алмадым екен, нені жетілте алмадым екен деп қобалжи бастаймын. Осылай ойланып қобалжудың өзі, ардақты жазушы інім, тіршілік өмір деп аталатын шығар» [83, 172 б.].

Автор хикаят нүктесін осындай философиялық оймен аяқтайды. Ойланып, қобалжи білген адамның текке өмір сүрмейтінін меңзейді. «Публицистиканың негізгі күші - көркемдігінде емес терең де салмақты ойында» [78, 37 б.] - деген В.Г. Белинский сөзі осындайда еріксіз ойға оралады.

Әрине, «Жарқырай берген сайын жауың көбейеді» - демекші, бұл «Алты хаттың» жолы ауыр болды. Бұл туралы Ғ. Құлқыбаев өз естелігінде былай деп жазған: Евекеңнің «Алты хат» романының «Простор» журналына «Жарқын тағдырдың сырлы сәті» деген атпен жарияланған кезі бір естен кетпес, өкінішті кезі еді. Академиктің жарқырай ашылып, жалындай лапылдап келе жатқан әдеби таланты іші тар көрсоқырлардың қызғанышын өрттей лаулата бастаған болатын. «Хлестаковпен бірігіп жазған» деген атпен «Ленинская смена» газетінде жарияланған Роцин деген бір міскінің пасквиль мақаласы көпшіліктің әлі есінде болса керек. Сталиндік заманның ең қарау кездерін еске салатын бұл мақаласымақ, әрине, академик Е.А. Букетовтің жарты өмірін жерге жастандырғаны анық. Осы мақала шыққан соң Евекеңнің қандай күйзеліс толғаныстарға душар болғанын айтып жату артық та шығар. Дегенмен де, жаралы жаны ауырып, жүрегі сыздаған кездерде өзінің жақын көрер достары мен іні шәкірттері алдында Абай өлеңдерін жатқа дауыстай оқығанды әдет етер еді.

« ... Жаны жақсы адамды қаптырам деп,

Әркім бір ит ұстап жүр ырылдатып» [58, 164-165 б.].

Ғ. Құлқыбаевтың бұл естелігін зерттеу барысында келтіре кетуді жөн көргеніміз, публицист-ғалым Е.А. Букетов өмірінің азапты сәттерінің де бет-пердесін көрсете кетуді жөн санадық. Өйткені, адам тағдыры оның қоғамдағы көзқарасының қалыптасуына ықпал етеді. Әсіресе творчество адамы үшін рухани күйзелістің орны ерекше. Бірақ

Е.А. Букетов өзінің қайсарлығы мен төзімділігін таныта білді. Шығармашылық жолында бағыт берер жарық жұлдызы болған Абай рухы Е.А. Букетовті жігерлендіре білді. Сол жігер, сол қуат публицистикалық шығармаларына нәр беріп, өзінің өміршендік қасиетін сақтап қалды. Е.А. Букетов өзінің саналы ғұмырында баспасөз органдармен үнемі творчестволық байланысын үзген жоқ. 1971 жылы қаламгерлік қызметі үшін КСРО Жазушылар Одағына мүше болып қабылданады. Қазақ КСР Ғылым академиясының Хабаршысы (Химия сериясы бойынша) (1969-1971 жылдар), «Минералды шикізатты жинақы пайдалану» (1978-1983 жылдар) атты ғылыми журналдың, «Совет жазушысы» баспасының «Белгісіздікке жолдар» жинағының (1978-1983 жылдар) редакциялық алқаларының мүшесі болды. Сондай-ақ, республикамызда шығатын газет-журналдардың барлығына мақала-очерктерін жариялап, белсенді автор, әрі тұрақты оқырман ретінде өзін танытып жүрді. «Білім және еңбек» (қазіргі «Зерде») журналының ең алғашқы редакциялық алқасының мүшесі, әрі белсенді автор және жанашыры болған. Жазушы Медеу Сәрсекеев өз естелігінде: «1957-1958 оқу жылында Кен-металлургия институтында "За инженерные кадры" деген атпен көп тиражды газет шыға бастады. Оның тұңғыш редакторы болып партбюроның шешімі бойынша Е.А. Букетов тағайындалғанды» - деп жазады [58, 62 б.].

Бұл деректерді келтіріп отырғандағы мақсатымыз, ғалым-публицист Е.А. Букетовтің журналистика мамандығына деген бейімділігі мен ынтысын көрсету. Медеу Сәрсекеевтің естелігінде Е.А. Букетовтің көп тиражды газет шығарудағы редакторлық шеберлігі мен істі ұйымдастырудағы қабілеті жан-жақты жазылған. «Қысқасы газеттің төртінші беті де институттың қазақ жастары іздеп жүріп оқитын жағдайға келді. Бір ғажабы, Евней Арыстанұлы бұл мәселеде менің қолымды қаққан жоқ. Беттің макетін жасап, бар материалды тазалап көшіріп алдына қойғанда мұқият қарап, қайсы бірін түзетіп шығады да, «Бопты», немесе «Енді бүлдіреміз» дейді де, бетті баспаханаға жөнелтеді. Осы күні ойласам - ол кісі жастарға көп шаруада еркіндік берген, демек сенген» [58, 64 б.].

Әрине, Е.А. Букетов өмірнамасындағы бұл - дерек, естеліктер оның публицистикалық шығармаларының жанрлық, формалық нұсқаларына белгілі бір дәрежеде әсер еткендігін көрсетеді. Евней В. Маяковскийдің «Хорошо» поэмасын аударып «Жақсы» деген атпен «Лениншіл жас» газетіне жібереді. Кейін газет поэмаға үлкен алғы сөз жазып тақырыбын клишелеп, үш номерге береді. Тек Евнейдің «Жақсы» деп аударған тақырыбын «Керемет» деп өзгертіпті. Бұл жөнінде Евней: - «Керемет» деп айқайлатып тақырып қоюды мен де

білдім. Бірақ, поэманың рухы, бар болмысы, Маяковскийдің үлкен өзгерістерді қарапайым мысалдармен келтіруі «Хорошоны» «Жақсы» деп аударуды қажет етеді. «Лениншіл жас» Аян Нысаналин жас жігіт болу керек. Оның үстіне ақын көрінеді, сондықтан ондай-ондай бола береді, - деп риясыз кеңкілдеп күлген екен [58, 127 б.].

Осының өзі баспасөзге, ондағы редакциялық ахуалға деген Е.А. Букетов түсінігінің тазалығын танытып тұрғандай. Қарағанды облыстық мемлекеттік архивінде Е.А. Букетовтің ауыл-село тілшілерінің облыстық кеңесінде жасаған баяндамасы сақталған (ГАКО. Ф.1484. Оп.1. Д.41. Лл.68-73).

Онда жұмысшы тілшілердің тарихта алар орнының есте қалар ерен екендігі жөнінде тамаша мысалдар келтіре отырып сөйлейді. - әсіресе, от-жалынға оранған сонау сұрапыл соғыс жылдарындағы, ауыл-село тілшілерінің патриотизмге толы мақала-эсселерінің ел еңсесін көтерудегі рухани ықпалының орасан зор болғанын, бүгінгі ұрпақ ұмытпайтындығын, сондықтан да сол аға буын толқынның шығармашылық жолын жалғастырушы жұмысшы тілшілердің бүгінгі таңдағы міндеттерінің қомақты екендігіне тоқталады. «Разно образятся наши интересы, и наши газеты, наше телевидение, наше радио должны в какой-то степени обгонять нас, опережать наши интересы, предугадывать наши желания, словом, говоря словами поэта, наши журналисты должны постоянно:

...стремиться в завтра, вперед,
Чтоб брюки трещали в тягу» [84].

Тағы бір ойланарлық сөзі: «Маған жергілікті журналистер жиі келеді. Очеркке лайықты адамыңыз бар ма деп сұрайды. Мені таң қалдырғаны сол, жақсы адамды журналистер мен сияқты басшы адамдардан сұрамай, өздері неге таппайды. Әрине, қазіргі журналистер лауазымды, мансапты адамдарды жағалайды деген ойда екен деменіздер, мені алаңдататыны, журналистердің қарапайым еңбек адамдарынан қара үзіп кетпеуі» [84].

Талап қоя білудің өзіндік тәсілі бар. Е.А. Букетовтің ауыл-село тілшілеріне жасаған бұл баяндамасының да көтеріп тұрған проблемалық маңызы сол уақыттың ғана емес, қазіргі кезеңнің де көкейкестілігін көрсетіп тұр деп айтуға негіз бар.

Қоғамдық проблема қайталанған сайын, сол кездегі айтылған уәжді пікірдің де қуат алып өміршең болып отыратындығы заңды құбылыс.

Жазушы інісіне жазған үшінші хатында («Алты хат» Қ.А.) Е.А. Букетов өзінің қаламгерлік қасиетінің кейбір қырларын былайша ашады: «Мені бұл арада, жазушы інім, дұрыс түсініңіз. Өзімнің

өткендегі өмірімді еске түсіргенде, соларға сіздерше бір ерекше көркемдік беріп, еске түсіргім келіп отырған жоқ. Мен ондай ойдан аулақпын. Тек өз өмірімдегі кейбір болмашы оқиғалар үлкен орын алып, оның орнына ықпалы мол болған оқиғалар мен адамдар мүлдем аталмай, не аз орын алып қалмасын деген ойым ғой» [83, 147 б.]. Е.А. Букетовтің осы бір ішкі толғанысы ғалымның, жазушының мақсаты мен өмірлік көзқарасын көрсетіп тұрғандай. Біз Е.А. Букетовті публицист ретінде танып, осы саланың бірегей талантты қаламгері деп бағалауымызға да ғалымның осы бір сөздері алғышарт болып табылған еді.

Е.А. Букетов кәсіби публицист болғанымен, кез келген журналист-жазушыдан жазу шеберлігі кемшін емес. Өзінің жан дүние толғанысын, өткен өмір жолын, қоғамдық көзқарасын, пайым-парасатын танытатын «Алты хат» деректі хикаяты қазақ әдебиетіндегі болмысы бөлек дүниелер қатарына жатады. Бұл хикаяттағы ой-өрімдер бірін-бірі қуалаған теңіз толқынындай баяу тербеліп, әсем тілмен келісті өрнек тауып, оқырманды өз иіріміне шым-шымдап тартып отырады. Әдебиет тарихында мемуарлық роман, хикаят, естелік жазу бұрыннан қалыптасқан дәстүр. Әсіресе, еліміз тәуелсіздік алғаннан бергі тұста көптеген аға буын ақын-жазушыларымыз әдебиеттің осы жанрына ден қойғыш болып алды. Әрине, олардың атын атап, түсін түстеп жату мақсат емес. Бұл жердегі біздің айтпағымыз - әдебиет дейтін киелі ұғым аясындағы эстетика мәселесінің ұмыт болып бара жатқандығы. Шындықты айту ұлы мұрат екені рас. Бірақ сол «шындықтың» кейінгі ұрпаққа берер тәлімі қарабайырлау болса, ұтпағымыз қайсы?! «Өз өмірімдегі кейбір болмашы оқиғалар үлкен орын алып, оның орнына ықпалы мол болған оқиғалар мен адамдар мүлдем аталмай, не аз орын алып қалмасын деген ойым ғой» деген Е.А. Букетов парасаты осындайда еске түседі.

Еңбекшілер қауымын туған Отанына шынайы берілгендік рухында тәрбиелеудегі көркем әдебиеттің рөлі мен маңызына баса назар аударып, зерттеген филология ғылымының докторы Әбділхамит Нарымбетов: «Көркем әдебиеттің басты объектісі адам екені ежелден мәлім. Қай жанрадағы, қандай шығарма болмасын, оның жырлайтыны, бейнелейтіні адам өмірі, адамдардың қарым-қатынасы, сол жекелеген адам өмірін суреттеу арқылы ақын-жазушының бүкіл қоғам өмірінің шындығын ашуға тырысатынын білеміз» [85, 123 б.] - дейді.

Ә. Нарымбетовтің бұл ғылыми тұжырымы Е.А. Букетов шығармаларында былайша өрнек табады: «Өмірде, тіршілікте өз орныңды табу үшін әрбір адамның өз мамандығы болуға тиісті, яки ол өмір оркестрінде бір өзіне лайықты аспапқа ие болуы қажет. Қазіргі

ғылыми-техникалық революция дәуірінде ғылым мен білімнің, өнер мен техниканың өзі сансыз салаларға бөліне тұңғық тереңдікке ұмтылған кезеңде әрбір адам тиісті мамандық алса ғана, сол мамандықта жемісті қызмет істей алса ғана, қоғамға пайда келтіре алатыны ақиқат жай» [85, 127 б.].

«Сен де бір кірпіш дүниеге, кетігін тап та, бар, қалан» - деген Абай қағидасын Е.А. Букетов осылай жаңғыртады. «Әрбір азаматтың өз мамандығы болуы қоғам, үшін азаматтың өз қара басы үшін қажет нәрсе. Адамның қоғамдағы рөлін тек еңбекпен және өзінің табиғи болмыс, зерде-қабілетіне лайық маман иесі болуымен бағалайтынын Е.А. Букетов өз шығармаларында жиі келтіреді. Және жай келтіріп қоймай оны үнемі адамгершілік, ар-ұждан, мәдениет биігімен астастыра қарайды. «А.В. Луначарскийдің айтқанын аңғарсақ, білімді, мәдениетті адам жалпы адам баласының мәдениет байлығына өз үлесін қосуымен қатар, тіршілік оркестрінің гармониясын түгелдей түсініп, ұғынуға тырысуы қажет. Қысқасы, жақсы инженер, жақсы техник, жақсы дәрігер өз мамандығына қанша машық болғанымен, Пушкин мен Абайды оқымаған болса, Моцарт пен Чайковскийдің, Құрманғазы мен Мұқан Төлеубаевтың әуендеріне құлағы жабық болса, білімнің басқа тарауларындағы көпшілік ұғатын қағидалардан алшақ болса, ондай адам мәдениетті, білімді адамның қатарына жатпайтын сияқты» [61, 3 б.].

Е.А. Букетов публицистикасының қайнар көзі ізгілік пен адамгершілік, парасат пен білім, ар-ұждан тазалығы болып табылады. Біз осы аталған ұлы қасиеттер нышанын қаламгердің барлық шығармашылық мұрасынан молынан ұшыраттық. Әрине, жалаң ой, құрғақ қағида түрінде емес, ғибратқа толы даналық ойлар мен ұлы адамдардың ұлағатты сөздерін қайта-қайта еске түсіре отырып, шебер тілмен жазылған, шешен тұжырымдарға куә болдық. Бұл жағдай Е.А. Букетов қаламынан туған әдебиет пен өнер, табиғат-экология, жастар тәрбиесі, ғылым мен техника, жекелеген тұлғалар туралы ой-толғам, эссе-очерктерінің бәрінде де айқын байқалады.

Е.А. Букетов публицистикасының өзіне тән бірегей ерекшелігінің өзі біз келтірген осы мәселеден бастау алады. Кез келген шығармасында ғылым мен әдебиеттің, өнердің туыстығы жайлы жиі сөз қозғайтын Е.А. Букетов өзінің саналы ғұмырында осыны ісімен дәлелдеп кеткен қаламгер.

Кезінде жазушы О. Бөкеевпен арада болған «Ғылым мен әдебиеттің творчестволық туыстығы» туралы Сұхбат-диалог та біздің ойымызды қуаттап тұрғандай: «Қазір психологиялық күрес майданы, яғни ғылым да, ғылымның иесі адам да анағұрлым күрделеніп, қиындап

бара жатқан уақытта өмір сүрудеміз. Ендеше бастағы-мидағы екі ұдай талас-тартыс, ғылым адамының ішкі сарайындағы шым-шытырық ойлар көркем туындыда сәулеленсе ғана бүгінгі ғылыми-техникалық революция заманына лайық образдарды жасай аламыз. Әрине, ол үшін ең әуелі қабілет, содан соң талмайтын ізденіс және творчестволық климат керек» [62, 126 б.].

Орыстың белгілі сыншы-публицисі Михаил Пенкин «Искусство и наука» (Москва, 1982) зерттеу кітабында: «Михаил Пришвин пришел в литературу из науки. Всю жизнь он искал сочетания методов художественного и научного - поэзии образов и поэзии понятий. Агроном, этнограф, географ, став художником слова, говорил: “Нужно посмотреть на вещь своими глазами и как будто встретиться с нею первый раз; пробил свою скорлупу интеллекта и просунул свой носик в мир. Это знает художник, и первого глаза” писал Пришвин лежит в природе человека, и оно соединяет природу человека и природу мира воедино» [86, 4 б.].

Осылай дей тұрса да М. Пенкин өнер мен ғылым айырмашылығы туралы бірнеше кереғар пікірлерді келтіреді. Ең соңында данышпан Гетенің төмендегі сөзіне тоқтам жасайды: «Говорят, что между двумя противоположными мнениями находится Истина. Ни в коем случае! Между ними лежит проблема» [86, 35 б.].

Гетенің бұл тұжырымы Е.А. Букетов пайымдауында бірнеше рет айтылады. Және нақты, батыл, сенімді түрде айтылады.

«Біздің қоғам шын мәнінде көп оқып, көп ізденіп, кеңінен толғап, қай жағдайда болса да кездескен адаммен қызғылықты пікір алысуға дайын тұратын адамдарды тәрбиелеп өсіруге жағдай жасап отыр. Бір қуанатын нәрсе – халқымыз арасында академиктерден бастап мал бағатын шопандарға дейін, мұндай адамдар көбеюде. Мұндай адамдар өз мамандығында жемісті қызмет істеумен қатар, космосқа ұшу, Маяковский мен Сейфуллин поэзиясын ұғыну, қазақ музыкасындағы симфониялық бағыттардың даму жағдайларын әңгіме ете алады. Мұндай адамдар не тым-тырыс үндемей, не өзі әбден жетік өз мамандығының ғана мүдделерін қайта-қайта әңгіме етіп, жанындағы адамды ығыр қылмайды. Мұндай адам әрі сүйсіне, әрі сүйсіндіре әңгімелеседі, жанындағы адамға рухани сабақтас, дидарлас бола кетеді. Осы себепті Шоқан Уәлихановтың дидарлас достарының ішінде халқымыздың байырғы адамдарынан бастап, бір жағынан ұлы жазушы Ф. Достоевский болса, екінші жағынан ұлы химик Д. Менделеев болған, осы себепті асқан геолог-ғалым Қаныш Сәтбаев әрі домбырашы, әнші, әрі тарихшы, әрі әдебиетші, өнер-білімнің қай саласынан болса да сезімі жүйрік болған» [62, 3 б.].

Ғылым мен өнер туралы осылай толғанған Е.А. Букетов енді бір сөзінде мынадай мысал келтіреді: «Белгілі жаратылыстанушы ұлы ғалым Чарльз Дарвин жетпістен аса бастаған шағында өзінің бір жолдасына: Көркем кітап оқуға әуестігім азайып бара жатыр, сондықтан осының өзі менің жан дүниеме келген жамандықтың белгісі ме деп қорқам» - деп жазған екен дейді [61, 3 б.].

Ғылым мен өнерді бөле-жара қарамаған, бірінсіз бірі жартыкеш дүние деп сезінген Е.А. Букетов бұл тұрғысында өзіндік пікірден еш ауытқымаған. Публицистикалық мұраларының өн бойында осы пікірі үнемі көрініс беріп, айшықты орын алып отырған. Әсіресе, жастар мәселесіне арналған мақалаларында осы мәселе проблемалық деңгейде, жиі қолданылады. «Арманшыл болғанға не жетсін» атты мақаласында студент жастарға былай дейді: «Шын дарынның өзі тек бір қырлы болмайды, өнер мен білімнің бір саласын мықты игерген адам, керек болса, екінші саласын да кем игермейді. Осыған орай сіздердің ескеретін бір жайларыңыз бар, өз мамандықтарыңызды, өнер мен білімнің басқа салаларынан бейхабар бола тұра жетіле игереміз десеніздер, қателесесіздер. Өз мамандықтарыңызды шамасынша терең, мұқият, тиянақты игерулеріңіз, әрине қажет. Бірақ өнер мен білімнің басқа салаларынан да оқып ізденіп, білгендерді тындап, шама келгенше эммасынан хабардар болу керек. Тек білім шеңбері шынайы кең адам ғана мәдениетті адам қатарына жатпақ та, парасаттылық пен шарапаттылық сондай адамнан шықпақ» [76].

«Қазақстан күрделі индустрия ордасына айналғалы қашан. Өндірістің, ғылыми-техникалық революцияның әлемдік алып проблемалары - туған еліміздің де тынысын, бүгінгі даму деңгейін танытарлық ортақ мәселелер. Кемелденген социализм әдебиеті, социалистік тұрмыс салтымыз, ғылыми-техникалық революция. Бұлар дәуірлік проблемалар. Таза техникалық қырларын былай қойғанда, мұның бәрі жеке адам мен қоғамның ара қатынасы арқылы ғана көркемдік биік деңгейде шешілмек» [87, 5 б.].

Өткен ғасырдың 80-ші жылдары әдебиет сыншылары қоғамдық ахуал болмысын осылай зерделеп, әдебиетке жоғарыдағыдай талаппен қарағаны белгілі. Өндіріс, өнеркәсіп, ғылыми-техникалық прогресс. Е.А. Букетов публицистикасының негізгі арқаулары еді. Өндіріске жана, тиімді технология енгізу Е.А. Букетовтің ғылым жолындағы ізденістерінің жемісі болатын. Яғни, өндіріс пен ғылыми-техникалық прогресс арасындағы қарым-қатынас, оның былайғы жұрт біле бермейтін қыр-сыры ғалым Е.А. Букетовке етене таныс еді. Сондықтанда публицист Е.А. Букетовке бұл тақырып әрі таныс, әрі қызықты болатын. Бұл салада ол көптеген проблемалық зерттеу

мақалалар жазғанын зерттеу барысында айттық. Біздің ендігі айтпағымыз - осы аталмыш мәселелердің қай-қайсында болмасын шығарма түйінінің тоқетер шешімі үнемі қоғам, уақыт бірлігімен үндесіп жатқандығы.

Публицистің «Алып адым», «Қара металлургия алыбы», т.б. сияқты көптеген проблемалық мақалаларының негізгі факторы - адам. Бұл жөнінде: «Шын мәніндегі цивилизацияның өзі тек адамзаттың темірді игеріп, өз пайдасына жаратуына байланысты» [65, 139 б.]. Немесе, «Өйткені, Алексей Максимович Горкий айтқандай: «Химия ғажайыптар қоймасы, адамзаттың бақыты осы химияда, адам өз ұшқыр ойының асқақ жетістіктерін дәл осы химия саласынан таппақ» [74]. Осы сияқты сөздерді Е.А. Букетовтің өндіріс, өнеркәсіп салаларына арналған мақалаларынан көптеп кездестіруге болады. «Табиғат – тіршілік көзі» атты мақаласында « ... Өмірге адам келді. Ол өндірістік күшті іске қосты. Сөйтіп, кәдуілгі садақ пайда болды. Оның жібесі желмен жарысып, аңды да, құсты да іліп түсті. Бірақ күн сайын өрбіп, өсіп жатқан алғашқы қоғам үшін аңшылық кәсіп тым тарын еді. Олар жер мен көктегі аң мен құсты қолға үйретті. Сөйтіп, тұңғыш рет мал шаруашылығы пайда болды» [88] - дей келіп, қоғам дамуындағы адамзат рөлінің шарықтау шегін ғылыми тұрғыда өрбітеді: «Ғылыми-техникалық революцияға байланысты, әсіресе, соңғы 25-30 жылдың ішінде дүние жүзі елдерінің барлығында да өндірістік күштер жедел дамып, ірі өнеркәсіп қаулап өсуде. Ғылыми-техникалық прогресс адамның планета байлығын игеруін бұған дейін болмаған көлемге жеткізді. Адамның жер экосферасына, биосферасына, литосферасына, атмосферасына әсерін жедел арттырып, жердің космосферасын игеруіне жеткізді» [88] - дейді. Бір сөзбен айтқанда, жер бетінде гомасапиенс (саналы адам) пайда бола бастағаннан бергі қоғамдық дамудың барлық тетіктері сол адам ақыл-ойы арқылы іске асты, демек оны экологиялық апаттан сақтап қалу да сол адамдардың өз қолында: «Қорыта айтқанда, табиғат-ананы қорғау – әр адамның және барша қоғамның төл ісі» [88] - деп ой түйіндейді. Е.А. Букетов публицистикалық шығармаларының негізгі арқауы Адам, Қоғам, Уақыт төңірегінде болатыны да сондықтан.

Қазақ әдебиетінің ардагер сыншысы М. Қаратаев: «Адам – өнердің объектісі, зерттейтін заты, мақсаты. Ал шығарманың күші адамның бейнесі, оның ішкі-сыртқы дүниесі қаншалықты айқын да нанымды көрсетілетіндігімен, оның мінезі, оның қоғамдағы орны мен рөлі, басқа адамдармен қарым-қатынасы қаншалықты шынайы да терең бейнеленгендігімен өлшенеді» [89, 37 б.] - дейді.

Е.А. Букетов шығармаларындағы көлемі жағынан екшеп алар қомақтысы қазақ халқының ұлы перзенттері Ш. Уәлиханов пен Қ. Сәтбаев өміріне арналған деректі көркем хикаяттары. Бұл екі тұлға да Е.А. Букетовке дейін біршама зерттеліп, қоғамда лайықты орнын алып, суреттелген болатын. Бұл кісілер туралы ғылыми зерттеулерден бастап, көркем туындыларда жазылған. Е.А. Букетов осы мәселені қозғағанда жанашыр жазушы әріптестері: «Қалай болар екен?» - деген күдікті ойларын жасырмағаны да рас. Бірақ Е.А. Букетов пайымындағы Шоқан мен Қаныш образы өзіне тән сонылығымен оқырман ілтипатына бөленді. Қаныш Сәтбаев туралы еңбек жазу Букетовке де оңай болған жоқ. Көп толғанды. Бұл туралы автордың өзі «Ардақты шешеміз Таисия Алексеевна!» атты мақаласында былай дейді:

«Оқушыны жеңіл қызықтыру жолын қуып, беллетеристикалық әдістерді артық қолданудың қауіптерін мен жоғарыда айтып өттім. Бірақ та үлкен адамның өмірінің кейбір құбылыстарын көркемдік тұрғыдан толғап өтпесе де болмайтын шығар, өйткені, оқырманның көз алдына адамның тірі тұлғасын беруге тырысу керек қой, бұл үшін, әрине, ең алдымен адамның ісі мен әрекетін өз ортасынан, өз байланысынан, қарым-қатынасынан үзбей, сол іс-әрекеттерге тән диалектиканы сақтай отырып жаза білу қажет. Өмірбаянды (әсіресе, өмірді ерекше сезіне білген Қанекен сияқты адамның өмірбаянын жазғанда) мейлінше тартымды етіп жазған тәуір болар еді ғой» [62, 63 б.].

Е.А. Букетовтің «Шоқанның әулие ісі» атты эссесінің жазылуы жайлы да деректі материалдармен таныстық. «Святое дело Чокана» деген атпен орыс тілінде жазылған бұл эссе туралы жазушы Медеу Сәрсекеев өз естелігінде былай деп жазады: «Көлемі 146 бет, машинкаға тазалап басылған орысша қолжазбаны мен сол түнде-ақ бастап, келесі күні түске дейін отырып, бір сөзбен айтқанда, бас алмай оқып шықтым. Тегінде, бұл ұлы ғалымның өлмес шығармаларынан сусындап, рухани ләззат алуға көңілім қалағанда, иә әлденеден қатты шаршағанда тыныстау үшін қолданатын амалым. Оның үстіне ол туралы жазылған Сергей Марковтың, өзіміздің Сәбит Мұқановтың, Әлкей Марғұланның еңбектерімен де таныстым. Рас, бұл И. Стрелкованың ЖЗЛ сериясында шыққан тамаша кітабы әлі жариялана қоймаған уақ. Демек мен Ебіней Арыстанұлының эссесін оқуға алғанда, Шоқан жайында азды-көпті мағлұматы бар, әмбе оның негізгі еңбектерімен де біршама таныс оқырман болатынмын. Жасыратыны жоқ, қолжазбаны қолыма ала тұрып, “Апырау, зерттеушілермен жарысқа түскенде нендей абырой-бедел алады?” дегендей күпір ойдан да құралақан емес едім» [62, 63 б.] - деп жазады.

Кейіннен Евней Арыстанұлына жолыққан М. Сәрсекеев:

- Әуелі бір сұраққа жауап беріңізші, Ебеке. Бұл эссеге материалды қайдан алдыңыз? Шоқанның бес томдығы менің де сүйіп оқитын кітаптарым.

- О, бауырым, өзің сұрап, жауапты да өзің қайтарып тұрсын. Шоқанды қайта тану үшін мен ескі архивтен ештеңе қазған жоқпын. Бәрін де сол өзің айтқан бес томдықтан сүзіп алдым.

- Апырау, не дейсіз? Әлденеше мәрте қайыра оқығанда мен неғып бұларды көрмегенмін.

- Оныңды білмеймін, бауырым. Бірақ, сен бір мәселеге илан. Әркімнің өз Шоқаны бар емес пе?.. [58, 98-99 б.].

Бұл деректі диалогты келтіре кеткенді жөн көріп отырғанымыздың өзіндік себебі бар. Белгілі сыншы М. Қаратаев бір сөзінде: «Әдемілікке қызықпайтын, сүйсінбейтін адам жоқ. Бірақ осы қызығу мен сүйсінудің мөлшері бірдей емес. Әдемілікті түсініп, танып бағалаудың да дәрежесі әртүрлі. Мұның себебі тәрбиеде. Әдемілікті ұнататын табиғи сезім туа пайда болғанымен, жүре дамиды. Оның дамуы біреуде жоғары, біреуде төмен болуы адамның көркемдік мәдениетіне, көркем өнер туындыларын біліп, ұғынып, ләззат алып дағдылану тәжірибесіне байланысты» [89, 33 б.] - дейді.

Асылы, Шоқан мен Қаныш өмірі Е.А. Букетовтің үлгі-өнеге алар, ойы мен бойын соларға қарап түзейтін, соларша өмір сүруді қалайтын асыл арманы болып қалыптасқан. Шоқан мен Қаныш әлемі тазалықтың, биік адамгершіліктің, талант пен парасаттың әдемі асқар шыңы іспеттес. Қос алыптың бойындағы осынау ізгі қасиеттер нышаны Е.А. Букетовтің өзінде де болды. Сондықтанда көптеген жазушы зерттеушілер көре бермейтін, қос алыптың жұмбақ қасиеттерін Е.А. Букетовтің байқауы, оны жан-жүрегімен сезіне білуі ол жазған шығармалардың шырайын келтірді. Е.А. Букетовтің Шоқан туралы эссесінің қолжазбасын оқыған жазушы-ғалым Ақселеу Сейдімбеков: «Ал Сіз айтқан жаңалықтар, тың аңғарымдар, соны түсіндірулер баршылық. Дуровтың Шоқан туралы айтатын ойларын қандай нанымды шешкенсіз, аңғарғансыз! Князь Андрей мен Шоқанды салыстырған тұстарыңызға сүйсіндім. Гасфорттың аруағы бүткіл Deutsche тұқымынан гөрі Сізге разы болуы тиіс. Өйткені, осы бір аңғал да ақымақ сабаздың образын естен кетпейтіндей етіп сомдаған екенсіз. Бұған біраз күліп те алдым. Тіптен белгілі деректердің өзінен соны пайымдаулар жасап отырсыз. Сіздің бұл еңбегіңіздің қажеттілігі де, қасиеті де алдымен осында» [90] - деген пікір білдірген.

Ал Қаныш туралы Евней Арыстанұлы: «Менің бақытыма орай танысқан, жүрепкен табысқан адамдардың арасында мұндай жандар аз

болған жоқ. Солардың ішінде тамаша ғалым, үлкен парасат иесі, әдебиетшілердің шынайы досы, жаны ақын адам марқұм Қаныш Имантайұлы Сәтбаевтың орны мен үшін бөлек. «Атан қомында туған адам» очерктер жинағының жазылуына осы өмірі ізгі жанның алдындағы шәкірттік парызымды орындау, абзал ағаға деген ыстық ілтипатымды білдіру, көрнекті ғалымның өнегесін көпке үлгі етіп ұсыну ниеті себеп болды» [91] - деп жазады.

Е.А. Букетов пайымдауында сомдалған Шоқан мен Қаныш образы, сөз жоқ, қазақ әдебиеті тарихы беттерінде тың тараулар қосатын сүбелі дүние. «Ақынды ақын түсінбесе сол қайғы» - демекші бірегей таланттардың бір-бірін алыстан тани білуі, сондай-ақ жай ғана тану емес бір-бірінің көпшілік біле бермейтін жұмбақтау тұстарын дөп басып аша білуі, әдебиет үшін, жалпы қоғам үшін аса мәнді тарихи құндылық екендігін әр кезде де уақыт төреші көрсетіп келеді.

Белгілі сыншы, филология ғылымдарының докторы Рымғали Нұрғалиев «Әдеби дәстүр мен даму» атты монографиясында: «Үздік үлгілерден үйренуге құмарлық, адамзат дәстүрлеріне ден қою, туған топырақ байлығынан қол үзбеу - әлемдегі барша талантты қаламгерлерге ортақ қасиет. Ұлттық дария, әлемдік телегей теңіз - осы талағыстың тоғысуынан қазақтың арналы қазынасы - көркем әдебиеті жасалады» [92, 8 б.] - деп жазған еді.

Зерттеушінің бұл пікірін таза көркем әдебиетке арналып айтылған десек, қателескен болар едік. Шығармашылық дәстүрдің қай саласында қалам тербемесін бұл қағида барлық қаламгерлерге ортақ деп түсінген жөн. Е.А. Букетовтің публицистикалық мұраларын зерттей отырып, біз осыған көз жеткіздік. Түрлі газет-журналдардағы мақала-очерктерінен бастап, беделді ғылыми журналдар мен түрлі баспалардан жарық көрген зерттеу, эсселеріне шолу жасап қарасақ, Е.А. Букетов эрудициясының жан-жақтылығына еріксіз қайран қаламыз. Ұлттық деңгейде немесе ежелден етене араласқан орыс әдебиеті мен өнері, тарихы мен дәстүрі төңірегінде ғана қалмай, Е.А. Букетовтің әлем классиктерінің шаһар (шедевр) дүниелерінен мол сусындағаны оның шығармашылық мұрасынан анық байқалып тұрады. Мысалы, өнер, ғылым хақында қалам тербесе Абайды аузына ала отырып, Пушкин мен Маяковский, Лермонтов, Байрон, Блок, Шекспир, Мольер, Гольдони, Бальзак әлеміне саяхат жасай келіп, Шоқан, Қаныш, Мұхтар, Ғабит, Сәбит ауылдарына ат басын тірейді. «Кейінгі жылдары Д.С. Даниннің Резерфорд жөнінде жазған кітабы көптің көңілін аударуда. Жуықта «Наука и жизнь» журналында осы жазушы Бордың өмірбаянын жариялады. Одан бұрын Рут Мурдың «Нильс Бор – ғалым және адам» деген кітабын оқып шықсам да, Д.С. Даниннің жазғанын тағы қызыға

оқыдым. Д.С. Даниннің жазуында адамды тартатын мына бір жағдайлар бар. Оның жазуында фактілер көп, оның әрбір фактіні психологиялық мінеземелік тұрғыдан талқылап, толғауы нақтылы, шынайы, көңілге, ойға қонымды» [62, 62 б.]. Е.А. Букетов шығармаларынан мұндай көзқарас, авторлық пайымдауларды жиі ұшыратуға болады. Әлем классиктерінің шығармаларын сүйсіне оқып, оны көзі қарақты оқырман ретінде таразылап отыратын Е.А. Букетов қаперінен өзінің туған халқы, олардың игі дәстүрі, жақсылығы мен дарындылығы әсте шықпайды.

Туған халқына деген ықыласы, оның шығармасына ерекше әр беріп, шабыттандыра түседі: «Халқымның бақытына қарай ата-бабамның бетіне қарап танып, оның ашық, жарқын жүзінен адамгершілік парасатты, табиғи дарындылықты айырып, бағалай білген достары да көп болды. Р. Карутц саяхатынан шамасы алпыс-жетпіс жыл бұрын қазақ даласын патшаның тұтқыны А. Янушкевич аралаған-ды. Бұл кісі менің ата-бабам туралы былай деп жазды» - деп ұлы мақтаныш сезіммен А. Янушкевичтің қазақтар туралы жазған сөздерін келтіреді [62, 78 б.].

Е.А. Букетов шығармаларында қазақтың кемеңгер ақыны Абай туралы былайша пікір білдіреді: «Абай кемеңгер ақын еді. Ол басқа орта мен басқа бір жағдайларда туғанда Шекспир мен Гетеден кем белгілі болмас та еді, кем оқылмас та еді. Бірақ ол қараңғы, артта қалған көшпелі халықтың ұлы еді. Осы ортада бұл қуатты рух ақындық даналықтың асқақ шыңына көтеріле алды. Ол өз өлеңдерін оқыған сайын жаңа, соны ой туғызарлықтай етіп, жалпы адамзатқа тән, ішкі сыры тұңғыық ғажия пікірлерін зергердің қолынан шыққандай мінсіз ұсына білді. Ол өз өлеңдеріне бұрын болмаған, естілмеген биік талап қойды, сондықтан да оның ақындық туындыларының әрбір жолында, шын мәнісінде, А.Н. Некрасов айтқандай: - Ой-пікірге орын көп, сөзге ғана орын аз болды» [62, 102 б.].

Әлем классиктерінің шығармаларын зерделеп, авторлары туралы өзіндік пікір айта білген Е.А. Букетов ұлт мақтанышы Абай, Шоқан, Қаныш, Мұхтарларды сол биіктен көрсете біледі. Болашақ ұрпақты қандай жолмен болса да, ұлылар ғибратынан өнеге, тәрбие алуға шақырады. Бұл публицист-ғалымның өмірдегі ізгі-мақсат, ой-арманы еді.

Сыншы Сағат Әшімбаев «Баянды бағыт басы» атты сын мақаласында рухани мәдениеттің өрісі туралы: «Рухани мәдениет қазынасына жататын асыл мұраның бірі әдебиет екені мәлім. Өйткені, әдебиеттің атқаратын эстетикалық, этикалық орасан зор қызметімен ештеңе де теңесе алмайды. Тәрбиелік, тәлімдік һәм өмір танушылық мәнін былай қойғанда, халық мерейін қаншама көтеріп тастайды

десеңізі! Сондықтанда әдебиетті өркендету бағытында жасалған игілікті шаралар халық мүддесін, оның нұрлы болашағын терең ойлаудан туғандығына күмәндануға болар ма екен?!» [93, 34 б.].

Кез келген шығармаларында адам бойындағы рухани қасиеттер туралы толғана баяндайтын Е.А. Букетовтің де қаламгерлік қуаты ұрпақты тәлім-тәрбиеге баулу тұрғысына жұмсалды. Бұл тұрғыда талантты қаламгерге ешқандай қоғам кедергі келтіре алмайды. Қоғамдық дамудың қай түрі болсын адамзат баласын прогрессивті бағытқа бастайды. Е.А. Букетов өмір сүрген кемелденген социализмнің де ұраны адам баласының бақытты болашағы еді. Сондықтанда ол уақыт өлшемі де адамдар бойындағы ізгі қасиеттер адалдық, адамгершілік, оқу-білімге құштарлық, Отанды, отбасын сүйге, сыйлауға кедергі келтірген жоқ. Қазақ қаламгерлері шоғырында парасатты публицист ретінде танылған Е.Букетов те өз заманының шынайы суреткері саналатыны да сондықтан.

Е.А. Букетов шығармалары және аударма жөнінде жазған сын-зерттеу мақалалары туралы кезінде баспасөз беттері мен ғылыми зерттеулерде біраз айтылғаны белгілі. Е.А. Букетовтің «Көркем аударма, хал қалай?» атты мақаласы, автордың бұл салада жан-жақты хабардарлығын көрсетеді. «Көркем аударма – творчестволық қызметтің ең қиын салаларының бірі. Бұл қалыптасқан қағиданы дәлелдеп жатудың еш қажеті жоқ сияқты. Бүгіндері басқа бауырлас әдебиеттермен терезесі тең тұрған төл әдебиетіміз өзінің балаң кезінен бастап оған үлкен ықылас-ілттипат қойып отыр» [93, 24 б.] - дейді автор аталмыш мақаласында.

Жалпы Е.А. Букетов аударған С. Есенин, В. Маяковский, А.С. Пушкин, У. Шекспир шығармаларының шедевр туындылары қазақ тілінде қалың оқырман жүрегіне жол тапқан дүниелер болып саналады. Есениннің «Анна Снегина», «Письмо женщине», «Собака Качалова», Маяковскийдің «Хорошо», Пушкиннің «Полководец», Шекспирдің «Макбет», «Юлий Цезарь», Надсонның «Только утро любви хорошо» атты туындылардың Е.А. Букетов тәржімасындағы нұсқаларына қазақ әдебиетінің белгілі сыншылары жоғары баға береді. Сыншы Рәбиға Сыздықова: «Е.А. Букетовтің тамаша аудармаларына берілген құнды пікірлерді оқып, жазушы-аудармашының әдебиет пен өнерге деген көзқарасы, әңгімелерінің деңгейіндегі парасаттылығын байқап, марқайып қаласың. Оның аударған шығармалары халқымыздың рухани қазынасына қосылатындығы даусыз» [58, 136 б.].

Болгар жазушысы И. Вазовтың «Бұғауда» романын 1959 жылы, И. Василенконың «Артемка» повесін, Э. Золяның әңгімелері мен мақалаларын 1956 жылы аударып жарыққа шығарған да Е.А. Букетов.

С. Есениннің «Менің махаббатым» атты өлеңдері мен поэмалары 1978 жылы Е.А. Букетовтың аударуымен жарық көрді.

Кітаптың алғы сөзін жазған академик-сыншы М. Қаратаевтың Е.А. Букетов аудармасына берген пікірін біз зерттеу барысында келтірген болатынбыз.

Осы жерде Е.А. Букетовтің аударма саласына ден қоюы, оны әдебиеттің күрделі саласына балай тұрып, оған талап қылуы, былайғы жұрттың қызығушылығын туғызды.

Педагогикалық еңбектің ардагері, қарт ұстаз Қари Сеңкібаев «Бәрімізге бауыр еді» атты естелігінде мынадай бір қызық дерек келтіреді: «Евней – көпшіл де, «артист» те болатын. Жаңылмасам, 7-8 кластарда оқып жүргенде болар, ол А.С. Пушкиннің «Тас мейман» атты шағын драмасының қазақша аудармасын өзі бас болып мектеп сахнасына шығарды. Драманы да өзі қойды, басты кейіпкерді де өзі ойнады. Осы күнге дейін ұмытпағаным қарағанда, бұл қойылым әсерлі шыққан болар деп топшылаймын» [58, 140 б.].

Е.А. Букетов ең алдымен аудармаға үлкен жауапкершілікпен қараған адам. Оған өзінің: «Аударманы көркем әдебиеттің дарын мен шеберлік тілейтін ауыр саласы деп түсінбеушілікте, оған көлденең көк атының кірісіп кетуінде деп ойлаймыз. Әрине, көркем дүниеге жеңіл кәсіп деп қараған аудармашыдан рухани қанат тілейтін шынайы шығарма туа қалуы екі талай» [62, 31 б.] - деген сөздері дәлел болса керек. Аударма көкжиегін бетке алғанда Е.А. Букетов санасында орыстың атақты ақыны, әрі аудармашысы В.А. Жуковскийдің: «Прозаны аударушы – автордың құлы, поэзияны аударушы - автордың бәсекелесі» - деген сөздері тұратын. Ол осы қағиданы ұстанды, сол жолда еңбегі де жеміссіз болған жоқ. Қарағандылық ғалымдар Ж.Қ. Смағұлов пен Ш.Ш. Жалмақанов: «Е.А. Букетов және көркем аударма мәселелері» атты ғылыми мақалаларында аудармашы, ақын В.А. Жуковскийдің біз келтірген пікірінің Е.А. Букетов ұғымындағы сипатын былайша өрбітеді: «Бұл сөздер, - деп нақтылайды Е.А. Букетов, - аудармашы ақынға зор сын, зор жауапкершілік алдында тұрғанын, ұлы ақынның асыл қазынасын басқа тілге аудару үшін аудармашының өзі шебер, талантты ақын болу керектігін дәлелдейді.

Көркем аудармада, оның ішінде поэзияда ұлы ақын шығармасын тәржімалағанда стиль мен ритмиканы, ой мен бейнені дәлме-дәл келтіруге ұмтылу қажеттігін басты мақсат тұту керектігіне баса көңіл аударған. Е.А. Букетов өз аудармаларында және ол туралы ой-көзқарастарында дәлме-дәл тәржімалауға басты мән берген. Дәлме-дәл тәржімаға жету үшін ақынның аударуға алған шығармасын ғана емес, бүкіл шығармашылық жолын, ақындық кредосын жан-жақты зерттеп,

болмыс-бітімін түгелдей түсініп барып, кірісуді қалағанын аңғару қиын емес» - дейді [62, 47-59 б.]. Мысалы: Шекспирдің «Макбеті» Е.А. Букетов аудармасында өзінің поэзиялық бояуы мен ұлттық тұрпатын сақтай отырып, шебер аударылған. Б. Пастернак аударған орыс тіліндегі Дунканның: «Наш храбрый родыч! Чести образец!» - деген сөздері Букетов аудармасында: «Қаны бір арысым, жіберсін бе, намысын!» деп тіптен әсерлі болып естіледі. Немесе үш мыстанның қосылып айтатын:

«Взявшись за руки, бегом
В круговую в пляс пойдем.
Замелькает хоровод,
Из-под ног земля уходит.
Десять раз кругом, кругом
Обежим и круг замкнем.

Круг заклят, и слово наше крепко!» [95, 544-545 б.]

- деген өлең жолдары Е.А. Букетов тәржімасында қазақтың төл өлеңіндей тілге де, жүрекке де жылы тиіп, бірден оқырманды еліктіріп әкетеді.

“Қол ұстасып жөнелейік,
Дөңгеленіп би билейік.
Жер мен аспан көзден ғайып
Болғанынша зымырайық.
Тоғыз рет айналып кеп
Би шеңберін тұйықтайық!
Орта қарғысқа толсын!
Сөзіміз бекем болсын!” [96, 390 б.]

«Аудармашы ақынның бәсекелесі болуы» керектігін Е.А. Букетовтің мақсат ететіні де осындай жолдарды аударуынан іздестірген жөн сияқты. Абай аудармаларындағы Пушкин мен Лермонтов поэзиясының қуатын да аудармашы талантының қарымынан қарастыратынымыз сондықтан. Белгілі тіл маманы, филология ғылымдарының докторы Ж.А. Жакыпов: «Қазіргі аударма теориясы аудармаға қатаң талап қояды. Ол “орысшаны қазақшалау, қазақшаны орысшалау” дейтіндей деңгейден әлдеқайда жоғары көтеріліп кеткен. Қазіргі аудармаға қойылатын талап - екі тілді қарым-қатынасты бір тілді қарым-қатынасқа барынша жақындату. Евней Арыстанұлы шығармашылығынан біз жарыспалы қостілдікті де, аудармаға қойылатын жаңа талап деңгейінде көре аламыз» [97, 42-466.] - дейді.

Е.А. Букетовтің аудармаға деген көзқарасы, сондай-ақ батыл, шынайы пікір айта білетіндігі оқырман қауымға 1953 жылдардан бастап таныс бола бастады. 1953 жылдың 24-ші ақпан күніндегі «Ленинская

смена» газетінде жарық көрген «О халтурном переводе и невзыскательных издателях» атты мақаласы сол кездегі аударманың көркемдік деңгейінің қандай дәрежеде екендігін ашкерелейтін өткір сын ретінде бағаланады. Бұдан кейін де Е.А. Букетов көркем аударма мәселелеріне үлкен көңіл бөліп, оны үнемі назарында ұстап жүрді. «Казахстанская правда» газетінің 1953 жылғы 29 наурыз күнгі санында ұлы ақын В. Маяковскийдің қазақ тіліне аударылып басылып шыққан кітабының көркемдік мәселесіне арналған екі подвалдық үлкен мақала жарияланды. Авторы әлеуметке әлі таныла қоймаған Евней Букетов еді. Біз бұл туралы М. Әлімбаев естелігінде айтқан болатынбыз. Ондағы: «Мақала авторы болса аудармашыларды шетінен қирата сынапты. Ешкімнің Алатаудай атағына, биік беделіне қарамай, бетің бар, жүзің бар деместен сілкілеген екен. Және сынауы сындарлы, дәлелді, пікірі орнықты сияқты» [98, 39 б.] - деген Мұзафар Әлімбаев сөзі Букетов мақаласының мәніне берілген орынды пікір болып саналады.

Көркем аударма жөнінде жазған «Повести Гоголя на казахском языке», «О переводах на казахский язык произведений В.В. Маяковского», «О халтурном переводе и невзыскательных издателях», «Көркем аударма, хал қалай?», т.б. сын-пікір мақалалары өз уақытындағы әдебиет өмірінің кескін-келбетін, даму, өркендеу жолдарын баяндайтын дүниелер қатарына жатады.

Көркем аударма мәселесі әдебиетімізде әлі күнге дейін үлкен проблема болып отыр. Сондықтанда Е.А. Букетов оған үлкен жауапкершілікпен қарауды міндеттейді. Мысалы, «Совет елінің өнерінің үлкен өкілі - Э. Межелайтис лирико-философиялық ойдың ақыны. Әлемде өтіп жатқан қоғамдық оқиғаларға тынбай үн қосып, дара даусын танытып келе жатқан күрделі құбылыс, кең танымал суреткер. Оның туындыларын жеңіл-желпі, жүрдім-бардым қазақшалауға болмайды. Өкінішке орай, ол біздің аудармамызда әлі күнге дейін ойдағыдай шықпай келеді. Жасампаз адамға арналған гимн іспеттес атақты «Адам» деген өлеңін алайық» [62, 29 б.] - деп сондағы өлең жолдарының аудармаларын келтіре отырып, Е.А. Букетов былай деп жазады: «Э. Межелайтис жырларының рухы, арқалылығы қазақшасында өшіп, тым қарабайырланып кеткен. Бос белбеу, жырдың көркемдік құнын кемітетін арзан сөздер көбейген. Еш уақытта Литва ақыны:

«Егіз шырғадан сияқты
Планеталарды жайнатшы»,
(Түпнұсқада Қ.А.)
«Так стою, меж двумя Шарами -

солнечным и земным» - деген болар еді. Ол жер мен көкті тіреген адам құдіретін жыр етеді. Және, ол «ми қыртысы», мидың алуан байлығы жердің кең қабатынан аумағанды айтпаған, керісінше «Кен қазба байлығы секілді ми қабаттары терең, бай» дегенге сілтеп тұр емес пе айдан-анық?» [62, 29 б.] - дейді. Бұл Е.А. Букетовтің көркем аудармада жіберілген кемшілікті келтірген бір ғана мысалы. «Көркем аударма, хал қалай?» атты сын-мақаласында осы сияқты көптеген көкейкесті мәселелерді сөз етеді.

Е.А. Букетовтің аударма жайлы жазған ой-пікірлері, сын-ескертпелері өз дәуірінің қажеттілігіне ғана жарап тұрған жоқ. Публицист қаламынан туған толғақты пайымдаулар мен дәлелді дәйектер құндылығы бүгінгі таңда да өз көкейкестілігін жоғалтқан жоқ. Сондықтанда: «Көркем аударма - өскелең әдебиетіміздің аса бір көрнекті, аса бір салмақты саласының бірі, оның дамуын, өсіп-өрбуін, сапасы артуын әдебиетіміздің басқа салаларымен бірдей қарастырып, оған күйбеңсіз кең өріс ашуымыз қажет» [62, 34 б.] - деген Е.А. Букетов сөзі бүгінгі күнде де, болашақта да өз маңыздылығын жоғалтпақ емес.

Публицист шығармаларындағы психологизм негіздерін сөз ете отырып, Е.А. Букетовтің тақырып таңдауы мен цитата қолдану ерекшелігі, көркем аударма жөніндегі шеберлігі мен шешендігі жайында саралап айтуымыздың өзіндік мәні бар.

«Штампқа, формулаға жаны қас өнерге – байтақ өлке, ұлан асыр кеңістік керек. Әр алуан ізденістер, жан-жақты жаңашылдық, сан қилы формалық, мазмұндық өзгерістер содан шығады. Психологиялық талдауға еліту, оны ширата, ширықтыра келіп, осы таңдаудағы іргелі әдебиеттің үзілмес берік арқауына айналдыру талай дәуірлерге созылған шатқалаң соқпақтарды елестетеді» [69, 190 б.].

Өзі өмір сүрген кезеңдегі қоғамдық болмыстың қай саласы болмасын, Е.А. Букетовке жат емес еді. Ол қоғам деп аталатын алып жан иесінің өн бойындағы қан тамырларының соғысын дәл танып анықтаған, соған сәйкес рухани дәлме-дәлдікпен диагнозын дөп қойған білгір психолог-публицист те бола білді. Сондықтан да көркем әдебиеттің көкейкесті мәселелеріне рухани жанашырлықпен қарап, оған өз ойын, көзқарас-пікірін білдіруі кездейсоқтық емес.

«Психологизм – мазмұн мен форманың да маңызды проблемасы: ол адамның аса бай ішкі өмірін бейнелеп жеткізуде мазмұн мен форма мәселесіне соқпай өтпейді. Бұл ретте әсіресе жазушының психикалық машығы мен жеке бастық тәжірибесі, жалпы барша болмысы ашық әрі көрнекті роль атқарады», - [69, 191 б.] деген А. Иезунтов сөзі де біздің жоғарыдағы тұжырымдарымызды қуаттап тұрғандай.

Евней Букетовтің публицистикалық мұраларын ғылыми негізде тұжырымдай келіп төмендегіше қорытындылар жасауға болады. Ең бастысы, Е.А. Букетов өз заманының қоғамдық сипатын публицистика тілімен айқындап, бейнелеп кеткен қаламгер. Кеңес заманында өмірге келіп барлық саналы ғұмырын сол қоғамның даму, өсу, өркендеу кезеңдеріне бағыштаған, сол дәуірдің шындығы мен ақиқатын боямасыз көрсеткен ғалым-публицистің шығармашылық мұратының қандайлық дәрежеде екендігін өмір көрсетті. Қазіргі кезде кеңестік замандағы әдебиет пен тарихтың денін мансұқ етуге, даяр топтың барын да, уақыт дәлелдеп отыр. Бұл зерттеу ең бірінші сондай ойдағы адамдарға нақты жауап болып табылмақ. Өркениетті елдерде, қай қоғамның болмасын әдебиеті мен мәдениетіне, дәстүрі мен өнеріне үлкен құрметпен қарайды. Өткеннің бәрі тарихтың бедері деп бағалайды. Соған қарап кез-келген қоғам бағыт алып, бесігін түзейді.

Е.А. Букетов публицистикасының бір ерекшелігі, сол әсіре қызыл науқаншылықтан белгілі дәрежеде адалығы, әрі салқын қандылығы болып табылатындығында. Өмірде саясатқа да, заңға да белгілі бір жүйеге де бағынбайтын, тек бүкіл Адамзат тіршілігіне ғана ортақ ізгі қасиеттер болады. Олар Адамгершілік, Адалдық, Парасат атты ұғым төңірегінде үйлесім тауып, қоғам дамуының негізгі тетігі ретінде бейбіт өмірдің баяндылығының алғышарттарын жасайды. Кез келген қоғамның прогрессивті бағытты ұстанатыны белгілі. Кеңес мектептерінде тәлім алған оқушылардың бірі осы зерттеудің авторы. Біздің ұстаздардан алған тәліміміз: Отанды сүю, ата-ананы қадірлеу, өтірік айтпау, ұрлық жасамау, үлкенге құрмет, кішіге ізет көрсету сияқты ең ізгі қасиеттер емес пе еді. Мұны айтып отырғандағы себебіміз, Е.А. Букетов публицистикасындағы: «Ісіміздің, тұрмысымыздың, қарым-қатынасымыздың үлкен өлшемі - коллективтік, коммунистік принцип. Сыйласу, сырласу, көмектесу-өсер жастың «жан серігі, ең мықты буыны. Сол буынға ақау түсірмеңдер, жас қауым!» [60] - деген сөзінен қандай коммунистік астар іздеуге болады.

Мұның астарында керісінше Абай тағылымы, Абай өсиеті жатқан жоқ па? “Жетпесе біріндікін бірің жеткіз”, “Біріңді қазақ бірің дос - көрмесен істің бәрі бос”, - деген Абай сөзі Букетов публицистикасында дәуір тынысына сай орайластырып айтылып тұрған жоқ па?

Е.А. Букетов публицистикасы дәуір талғамына сай, соны пайымдау жаңа ұғымда айтылуы жағынан қазақ публицистикасының көсемдері А. Байтұрсыновтың, М. Дулатовтың, С. Сейфуллиннің, Б. Майлиннің, М. Әуезовтің, Ғ. Мүсіреповтің дәстүрлі сабақтастығын

жалғайды. Дей тұрсақ та, публицист Е. Букетовтің өзіне тән даралық сипаттарын айырып қарағанда көптеген дәлелдер келтіруге болады.

Біріншіден, Е. Букетов кез-келген тақырыпқа қалам сүйкей бермеген сыралғы публицист. Ол тек өз парасат-пайымындағы толғауы жетіп пісіп жетілген дүниелерді ғана ой таразысында екшей отырып, сол мәселе болмысының табиғатын жан-жақты ашып көрсете білген.

Екіншіден, мәселе етіп көтерген кез-келген проблемасын, ғылыми негізде тұжырымдай отырып, одан шығудың концепциялық жолдарын қоса ұсынады.

Үшіншіден, публицистикалық шығармаларының қай-қайсында болмасын дидактикалық әсер, романтикалық сезім сияқты әсіре қызыл мінез жоққа тән. Келелі пікір, ғибратты қағидалары әр ойының мазмұнын айшықтап, көркемдігін арттыра түседі.

Төртіншіден, публицист шығармашылығының мәні қоғамдық қажеттіліктен туындауымен, оқырманның заманға сай рухани қажеттілігін қанағаттандыруымен құнды.

Замана үрдісі мен қоғамдық болмыс өлшеміне байыпты көзқарас, байсалды пікір айта білген Е.А. Букетов алғы күндердің еншісіне лайық жазылған өміршең публицистикаларын қалдырумен ерекшеленеді. Мысалы: «Табиғат тіршілік көзі», «Табиғат ананы аялай білейік», «Шедрость земли», «Қарағанды химиясы және оның болашағы», «Өндіріс пен ғылым егіз» сияқты көкейкесті мәселелерді қозғайтын мақалаларының проблемалық қуаты бүгінгі күні де, болашақта да өз маңыздылығын жоғалтпақ емес.

Ал, жастар, өскелең ұрпаққа арнаған қаламгердің ішкі толғаныстары «Адам болам десеңіз», «Жас замандас келбеті», «Сыйлас, сырлас көмектес», «Алтын босағаны аттағандарға», «Алғашқы сабақ» сияқты тәлім-тәрбие, оқу-білімге, ғылымға деген құштарлық сезімдерін оятуға түрткі боларлық ғибратты мақала эсселерінің эстетикалық әсер-лэззатының қандайлық екендігін зерделеген жан-жақты түсінсе керекті.

Жастарды мәдениеттілік пен эстетикалық тәлім-тәрбиеге баулитын ағартушылық көзқарастағы Е.А. Букетов шығармаларын орта мектептер мен жоғарғы оқу орындарында педагогика-психология пәндеріне қосымша арнайы курс ретінде пайдаланса, нұр үстіне нұр болар еді.

Е.А. Букетов публицистикасының өміршеңдігі мен құндылығын, біз сол публицистиканың өзінің өн бойынан, айтар идеясы мен көтерген проблемасы төңірегінен іздеуіміз заңды құбылыс. Дегенменде, автордың ішкі-жан дүриесі мен толғанысын, дәл өзіндей дөп басып танып, сезіне алмайтындығымыз ақиқат. Е.А. Букетов өз шығармашылық мұраты туралы: «Мені бұл арада, жазушы інім, дұрыс

түсініңіз. Өзімнің өткендегі өмірімді еске түсіргенде, соларға бір сіздерше ерекше көркемдік беріп, еске түсіргім келіп отырғам жоқ. Мен ондай ойдан аулақпын. Тек өз өмірімдегі болмашы оқиғалар мен адамдар мүлдем аталмай, не аз орын алып қалмасын деген ойым ғой» [83, 116.] - деп ой түйеді.

Бір адамға жетерлік мансап пен атақ абыройы бола тұра, шығармашылық салада өзін соншалықты қарапайым сезінуі, Е.А. Букетов қаламгерлік қасиетінің тағы бір қырын танытқандай. Әрқашанда, адамзат ақыл-ойының данышпандарын тіліне тиек ете сөйлейтін автор өзінен гөрі, өзгелердің келелі пікірін алғышарт ете сөйлеуі, қаламгер болмысының азаматтық, адамгершілік сипатын аңғартады.

«Адамның бойындағы асыл қасиет - оның ойлары, сол ойларды туғызатын білімі» - дейді публицист [62, 156 б.]. Сол ойлардан туатын сөздер жүзеге асатын әрекет қимылдар, оны қуанышқа, табысқа, бақытқа жеткізетін құрал, жол күш. Е.А. Букетов публицистикасындағы негізгі пайымдауларда осы тұжырым төңірегінде өрбиді.

Е.А. Букетовтің публицистикалық мұрасын толық зерделген оқырманның (мейлі ол шығармалар көлемді немесе шағын болсын) ең бірінші аңғарары барлығының нақтылығы, документтілігі екендігі болар еді. Е.А. Букетов өз дәуіріндегі Қазақстан ғылымының белгілі бір уақыт ішіндегі болмыс-бітімін, тарихи бедерін насихаттаушы емес, сол саланы еркін меңгерген, зерттеген ғұлама ғалым ретінде қазақ публицистикасы тарихында өзіндік орны бар қаламгер екендігін танытты.

Алғашқы мақалалары жарық көре бастаған 1952 жылдан өмірінің соңғы кезеңіне (1983 ж.) дейін Е. Арыстанұлы баспасөзбен тығыз байланыста болып, өзінің творчестволық жұмысынан қол үзген жоқ. Сондықтанда Е.А. Букетовтің публицистикасында 1950 жылдар мен 1980 жылдар аралығындағы еліміздің экономикалық ахуалы мен ғылыми-техникалық жетістіктерінің өсіп-өркендеуі, оқу-ағарту, ғылым саласының 30-жылдық бет-бейнесі, сондай-ақ түрлі әлеуметтік мәселелерімен қатар әдебиетіміз бен мәдениетіміздің болмыс-бітімі белгілі дәрежеде бейнеленген деп айтуға негіз бар.

Е.А. Букетов публицистикасын жүйелеп келіп, оны негізінен үш кезеңге бөліп қарастырамыз.

1952-1962 жылдарды қамтитын бірінші кезең Е.А. Букетовтің қаламгерлік қарымының қалыптасып, өсіп-өркендеу жолдарын көрсетеді. Бұл кезеңдегі Е.А. Букетов шығармалары негізінен әдебиет пен өнер тақырыбы аясында өрбіп, публицист қаламынан аударма, сын-рецензия сияқты көптеген мақала, заметкалар жарық көрді. Оның

ішінде әсіресе автордың ден қойып, тұрақты қалам тартқан мәселесі театр қойылымдары мен олардың қазақ-орыс тілдерінде сахналануы туралы жазған сын-рецензиялары еді. Атап айтқанда, «Обличительная комедия», «Пьеса о Чокане Валиханове», «Народный артист», «Майра», «Легенда о любви Назыма Хикмета на казахской сцене», Спектакль «Вчера и сегодня», «В казахском академическом театре драмы», «Большие дубы: (Пьеса Каххара на казахской сцене)», «Пьеса о Токаше Бокине на русской сцене», «Қазақтың академиялық театры» т.б. сияқты көптеген көкейкесті мақалаларын келтіруге болады.

Мәселе, Е.А. Букетов мақалаларының қай тілде жазылғандығында емес, ең бастысы күні бүгінге дейін театр сыншыларына проблема ретінде кездесіп жүретін ұлт драмасының орыс театрындағы немесе шетел шығармаларының қазақ сахналарындағы қойылымдарының табиғилығы мен жасандылығының ар-жігі немесе басқалайда кейбір шешілмес түйіндері Е.А. Букетов мақалаларында тарқатылып көрсетілуінде жатыр.

Е.А. Букетов шығармашылығының екінші кезеңін 1963-1973 жылдар аралығында алып қараған дұрыс. Өйткені бұл жылдар Е.Букетовтің қаламгерлік қуаты мен қоса азамат ретіндегі толысып, қоғамдық көзқарасы мен парасат пайымдауының кемелденген кезеңі.

Алпысыншы жылдардың аяғында жазылған «Аққан жұлдыздан құс жолына дейін» атты мақаласы мен жетпісінші жылдардағы «Қараша үйден Қарағанды университетіне дейін» атты мақалалар аралығы Е.А. Букетов қаламының қуаты мен шабытының кемелденген кезеңін көрсетеді.

Бұл жылдары Е.А. Букетов қоғамдық-әлеуметтік мәселелерді көтерумен қатар, әдебиет пен өнер тақырыбында да бірнеше мақала-эсселер мен сын-зерттеу тұрғысында жазылған проблемалық шығармаларды жарыққа шығарды.

Е.А. Букетов публицистикасының ұлт ұғымы аясынан көтеріліп әлемдік, Адамзаттық ұлы идеялардың кеңістігіне қанат қағуы да осынау жылдар үлесіне жатады. Бұл кездегі ғалым-публицистің қаламынан туған «Атан қомында туған адам», «Пушкин мен Маяковский», «Сыйлас, сырлас, көмектес», «Ағадан - ақыл, ініден – ілтипат», «Жас замандас келбеті», «Көркем аударма, хал қалай?», «Облик нашего дня», «Стремиться к идеалу» сияқты мақалалары адам бойындағы ізгілік, адамгершілік, адалдық, мәдениеттілік сияқты игі қасиеттерге көбірек мән беруімен, оларды әлем ойшылдарының асыл ойларымен айшықтай түсуімен ерекшеленер еді.

Е.А. Букетов шығармашылығының үшінші кезеңі 1973-1983 жылдардағы яғни өмірінің соңғы сәттеріне дейінгі жазған дүниелері

жатады. Жетпісінші жылдар «Академиктің жарқырай ашылып, жалындай лапылдап келе жатқан» сәби таланты іші тар көрсоқырлардың қызғанышын өртей лаулата бастаған болатын. «Хлестаковпен бірігіп жазған» деген атпен «Ленинская Смена» (1979.19.05) газетінде жарияланған Рошин деген бір міскіннің пасквиль мақаласы көпшіліктің әлі есінде болса керек. Сталиндік заманның ең қарау кездерін еске салатын бұл мақаласымақ, әрине, академик Е.А. Букетовтің жарты өмірін жерге жастандырғаны анық. Ол кісі сырт көзге ішкі толқыныстарын да көрсете де бермейтін. Бірақ, қособаның түбінен атқан қанқұяр мергеннің оғы қақ жүректен дөп тиіп, нәзік жанды қанжалата жаралағаны, сөйтіп татар дәмі мен көрер күнін қысқартқанында ешқандай күмән жоқ [99, 164 б.].

Сол жылдарғы өзінің жан күйзелісін, оған деген қайрат жігерінің қаншалықты екендігін Е.А. Букетов өзінің жазушы М. Сәрсекеевке жазған хатында былай жеткізеді: «Менің ойым алыста, бірақ шамамның келетін-келмейтінін білмеймін. Баспалар менен аулақтап жүр, бірақ уақытша болар деген сенім мол. Дегенмен еңбек жеңер деген ойдамын. Бұл уақытша құбылыстарға көңіл бөлмей, жұмыс істей беруді «Қасымның қасқа жолы» деп тауып отырмын. Сондықтан маған Қанекеннің (Қ. Сәтбаев. Қ.А.) тұлғасы бүкіл өмірді көрсетерлік сияқты. Мен бұл іске қазір осындай кең тұрғыдан қараудамын» [100, 82 б.].

Бұл деректер Е.А. Букетов өмірінің соңғы жылдарындағы қаламгер тағдырының қандайлық халде болғандығын айғақтайды. Туа біткен табандылық пен қайсарлық Е.А. Букетовті шығармашылық жұмысынан қол үздірген жоқ. Ол жаны-жарлы шақтарында тағы да Абай ғибратына Абай ақылына жүгініп өзін сабырлылыққа, төзімділікке шақырады.

Абай жырларын қолына алып, тек содан ғана өзіне жұбаныш тапты. Бұл туралы академиктің аяулы шәкірті Ғ. Құлқыбаев «Әдебиетші» атты естелігінде: Соған қарамастан, табжылмай еңбек етіп, «Сәтбаев» романының тарауларын жазудан бір сәтте қол үзбеп еді. Тіпті сол еңбек рахаты оның көңілін басқаға алаң қыла бермейтін.

«Жаны жақсы адамды қаптырам деп,
Өркім бір ит ұстап жүр ырылдатып»,
Немесе
«Ойлы жанға қызық жоқ бұл жалғанда,
Көбінің іші түтін, сырты бүтін»,
Немесе
«Арсыз болмай атақ жоқ,
Алдампаз болмай бақ қайда».

Міне, осылай өзінің жан тірегі, көңіл қуаты Абай өлеңдері арқылы іштей дертті жалын мен түгінді, көңілдегі кірбінді, ойды сыздауықтай шығарар еді - деп жазады [101, 149 б.].

Шығармашылық кезеңінің соңғы он жылдығын қамтитын (Рошин мақаласы жарық көргенге дейінгі) уақытта Е.А. Букетов қаламынан ағартушы-педагогтық көзқарасындағы «Арманшыл болғанға не жетсін», «Алтын босағаны аттағандарға», «Адам болам десеңіз», «Ғылым, ой өрісі туралы», «Грани творчества», «Второй в Республике», «Ғылым мен әдебиеттің творчестволық туыстығы», «Өндіріс пен ғылым егіз», «Ғылым көкжиегін көксесек», «Тұңғыш қазақ академигі», «Вступающим в мир науки», Экологиялық тақырыпта «Табиғат тіршілік көзі», «Табиғат ананы аялай білейік», сондай-ақ өнеркәсіп-өндіріс ошақтарына арналған «Алып адым», «Қара металлургия алыбы» сияқты көптеген мақала-эсселері баспасөз беттерінде жарияланды. Әрине, мұның сыртында әдебиет пен өнер тақырыбындағы мақала-очерктері мен сын-рецензиялары қаламгер творчествосының өрісін кеңейте түсті. 1975 жылы «Жазушы» баспасынан «Атан қомында туған адам» атты ғылым-өнер туралы ойларына құрылған кітабы жарық көрді. Бұдан кейін 1977 жылы «Жазушы» баспасынан «Грани творчества» деген атпен очерктер жинағы жеке кітап болып басылып шықты.

Букетов шығармашылық кезеңдерін шартты түрде үш кезеңге бөліп қарауымыз, зерттеудің ғылыми талабынан туындап отырғандықтан деп ойламауымыз керек. Мақсатымыз ғылым-публицистің бейнесін көрсету ғана болып табылады. Біздің негізгі міндетіміз: «Евней еңбектерінің тізімін жасау емес, оның тарихи, ғылыми мәнін саралау қажеттілігінен» [53, 153 б.] туындап отырғандығын ескерткіміз келетіндігінде.

Қорыта келгенде айтарымыз: сан-қырлы талант иесі Букетовтану ғылымы енді басталды. Біз зерттеуімізде Е.А. Букетовтің тек бір қырын ғана оның публицистік қарым-қабілетін, қазақ публицистикасында алатын орнын көрсетуді мақсат еттік. Е.А. Букетовтің аудармашылығы, педагогтік көзқарасы оның қоғам қайраткері ретіндегі азаматтық тұлғасы бұл зерттеуде қажетгі айқындаушы ретінде ғана пайдаланылды.

Публицистік шығармашылық мұрасы әлі де толық зерттей түсуді қажет етеді. Оның архивтегі материалдары мен эпистолярлық бай мұрасының өзі қаламгер шеберлік тұрғысынан келгенде аса мәнді болып табылады.

Е.А. Букетовтің ғылыми әдістерді зерттеп-тануы, қоғамдық болмыстық әлеуметтік мәнін ашып көрсете отырып, оны ғылыми тұрғыдан талдап-саралап ой елегінен өткізуі, кез-келген проблеманы

қисынды логикамен алмастыра өруі, жаттандылыққа, көп сөзділікке ұрынбай, өзіне тән шеберлік үлгісін танытуы болашақ ұрпақтарға, жас журналистерге үлгі-өнеге болатын ізгі қасиеттер болып табылмақ.

Зерттеуші ретінде ойымды қорытындылай келе төмендегіше ұсыныстар білдіремін:

– Журналистика факультеттері мен бөлімдерінде публицистердің шеберлігіне арналған арнаулы курстарда Е.А. Букетов публицистикасын оқытуды енгізіп, қаламгерлік шеберлігі мен шығармашылық лабораториясымен таныстыру қажет;

– Студенттердің ғылыми-публицистикалық технологияны практикалық тұрғыдан игеруіне көбірек көңіл бөлу тақырыпты терең танып, зерделеу болашақ публицистердің қаламгерлік қарымы мен шеберлігін шындай түсетін мектеп болып табылмақ;

– Е.А. Букетов публицистикасындағы ағартушы-педагогтық көзқарастар мен психологиялық пайым-парасат өскелең ұрпақты отансүйгіштікке, азаматтық өрелі ойларға бастайтын тәрбиелік мәні зор мұра екендігін танытады.

– Қазіргі таңда жоғарғы оқу орындарында білім алып жүрген болашақ журналистерді теориялық тұрғыдан кемелдендіре отырып, жекелеген талантты публицистердің өмірі мен қаламгерлік шеберлігімен таныстырып, үйрету қазақ журналистикасының қанаттануына, өсіп-өркендеуіне игі әсерін тигізері анық. Е.А. Букетовтің публицистикасын зерттей отырып осындай мәселелерге көз жеткіздік. Қорыта айтқанда, бұл зерттеу қазақ публицистика тарихы ғылымын белгілі дәрежеде тың тараулармен толықтыратын болса, мақсатымыздың орындалғаны деп білеміз.

Сонымен, Букетовтің публицистикасы – тек тарихи-мәдени құндылық қана емес, сонымен бірге қазақ гуманитарлық ойының қалыптасуына ықпал еткен маңызды дискурстық кеңістік ретінде бағаланады.

3 ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ПЕРЕВОД: НАСЛЕДИЕ ЕВНЕЯ БУКЕТОВА

Сегодня, когда человечество через мировые катаклизмы осознало, что их планета – всего лишь маленький шарик во Вселенной, а сами люди – лишь мельчайшие частицы мироздания, глобализация предстает не только как процесс исчезновения границ между государствами, но и как единственная возможность объединения человечества ради сохранения мира [102, с. 36]. Казахстан – страна, где языковая политика не просто направлена на сохранение национальной идентичности, но и стремится создать гармоничную среду для многоязычного общения. Здесь государственный язык занимает центральное место, но при этом активно развивается двуязычие и полиязычие, что открывает новые горизонты для культурного и делового взаимодействия.

В мире, где английский язык становится своеобразным ключом к глобальному общению, его проникновение в жизнь казахстанцев происходит естественно: через средства массовой информации, систему образования, профессиональные сферы. Новости, учебные программы, деловые переговоры – все это становится частью большого мирового потока, где Казахстан занимает свое место, сохраняя свои традиции, но при этом открываясь новым возможностям. Перевод в языковой политике Казахстана играет не просто вспомогательную роль – он становится важным мостом, соединяющим культуры и обеспечивающим полноценное взаимодействие между носителями разных языков. Это не просто процесс замены одних слов другими, а сложный механизм передачи смыслов, стилистических оттенков и культурных кодов, заложенных в оригинальном тексте [103].

Современное переводоведение уже давно вышло за рамки простой лексической эквивалентности. Сегодня исследователи уделяют особое внимание таким аспектам, как прагмалингвистика, дискурс-анализ, межкультурная коммуникация и языковая личность. Ведь каждый текст – это не просто набор фраз, а целый мир, сформированный определенной культурой, традициями, стилем мышления. Интеграция различных подходов в анализе перевода позволяет глубже заглянуть в этот мир, понять, как меняется смысл при переходе с одного языка на другой, какие нюансы теряются, а какие, напротив, приобретают новые оттенки. Такой анализ помогает не только совершенствовать сам процесс перевода, но и исследовать более глобальные вопросы – каким образом языки взаимодействуют, какие культурные особенности проявляются в речи и как их можно сохранить, даже переходя в другую

языковую систему. Перевод художественного текста – это как попытка перенести картину из одной рамы в другую, сохранив все оттенки и игру света. В пьесе каждое слово, каждая реплика не просто звучит, а живет в своем контексте, создавая атмосферу, характеры, ритм повествования. Чтобы перевести пьесу, мало знать слова – нужно чувствовать её дыхание, понимать, как сцена превращается в живой диалог [104]. В процессе, когда переводчик берется за пьесу, он становится режиссером, актером и даже зрителем одновременно. Он не просто подбирает слова, а старается передать тот ритм, с которым произносятся реплики, атмосферу, в которой звучат голоса персонажей. Важно не только понимать, что сказано, но и как это сказано. Ведь одно и то же слово, произнесенное с разными интонациями, может звучать как любовь, угроза или мольба. И только глубокий анализ всех этих элементов позволяет сохранить целостность произведения в новом языковом воплощении.

Данный раздел посвящен еще одной грани таланта Евгения Арыстановича Букетова - его мастерству как переводчика, где проводится анализ текста пьесы У. Шекспира «Юлий Цезарь» и методов его перевода художественной литературы. Е. Букетов не просто работал с текстами, он вдохновенно переносил произведения с одного языка на другой, стараясь передать их живую энергию, стиль и внутренний ритм. Работая с казахским и русским языками, он понимал, что перевод - это не механическая замена слов, а сложный процесс культурного взаимодействия. Он ратовал за качественный перевод, подчеркивая, что только внимательное отношение к языку, глубокое понимание оригинала и тонкая работа с текстом способны сохранить его художественную ценность.

3.1 Е.А. Букетов и его вклад в перевод мировых литературных шедевров

Е.А. Букетов был взыскательным к литературному стилю научных работ, прекрасным собеседником и оратором, бережно относился к русскому и казахскому языкам, культуре двух близких народов, соседних, которые, как говорил Л.Н. Гумилев, всегда находились в комплиментарных отношениях [105]. Он плодотворно работал в русской и казахской прозе. Был переводчиком на казахский язык выдающихся поэтических и драматургических произведений советской и мировой классики. В 1971 году принят в Союз писателей СССР. Е.А. Букетов преуспел в переводах поэтических произведений и

прозы русских и зарубежных классиков, открывал язык и культуру своим соотечественникам – казахам. Обо всем этом свидетельствуют в своих воспоминаниях его школьные товарищи И. Белетченко, К. Сенкибаев, Е. Корпич и другие. Е. Букетов в 1951-1952 годах перевел повесть для детей И. Василенко «Артемка», которая вышла из печати в 1953 году. В 1952 году 17 апреля, в «Казахстанской правде» была опубликована его рецензия на перевод книги Н.В. Гоголя под названием «Повести Гоголя на казахском языке». Это было началом его литературной деятельности. В 1953 году на страницах периодической печати республики появились его критические статьи «Критика и библиография на страницах журнала «Адебиет жане искусство», «О переводах на казахский язык произведений В.В. Маяковского», «О халтурном переводе и невзыскательных издателях», рецензия на книгу Н. Чернышевского «Избранные педагогические высказывания» и многое другое. С тех пор Е.А. Букетов не оставляет публицистическую деятельность до конца своей жизни, что стало объектом диссертационного исследования [106]. Параллельно продолжает заниматься переводами. Он перевел пьесу В.В. Маяковского «Клоп», которая ставилась во многих казахских драматических театрах республики, роман болгарского классика И. Вазова «Под иггом», Э. Золя «Статьи и рассказы», «Испанского священника» Д. Флетчера, поэму С. Есенина «Анна Снегина», его стихи «Письмо женщине», «Советская Русь». В последние годы жизни он стал переводить Шекспира...Рано уйдя из жизни, в возрасте 57 лет, он оставил в наследие казахскому читателю переводы двух произведений У. Шекспира «Леди Макбет» и «Юлий Цезарь».

В данной части будет рассмотрен казахский перевод трагедии «Юлий Цезарь» У. Шекспира, выполненный Е.А. Букетовым [107]. Анализ данного перевода позволит глубже понять личность переводчика, его культурные ориентиры, языковое мастерство и отношение к художественному слову. Этот труд не только свидетельствует о высоком профессионализме Букетова, но и отражает его стремление сделать мировую классическую литературу доступной казахскому читателю. Пьеса «Julius Caesar» by William Shakespeare была написана на позднем среднеанглийском языке, близком к новоанглийскому [108]. Перевод произведения на русский язык был выполнен в 1959 году М.А. Зенкевичем, который стремился максимально сохранить стилистические и художественные особенности оригинального текста [109]. Русский перевод стал основой для последующего перевода на казахский язык, осуществленного Е.А. Букетовым в 1970 году.

Публицистическая и переводческая деятельность Е.А. Букетова свидетельствует о его высокой языковой культуре, гуманистических убеждениях и глубоком уважении к русской и казахской литературной традиции. Его вклад в развитие национальной переводческой школы был не только профессиональным, но и идейным: он стремился раскрыть казахскому читателю богатство мировой классики, одновременно способствуя развитию и обогащению казахского литературного языка.

3.2 Прагматический подход к переводу: языковые и культурные аспекты адаптации

Данный анализ позволит рассмотреть не только языковую и культурную личность переводчика, но и, сквозь призму его работы, получить представление о казахском народе посредством языковых средств. Кроме того, исследование дает возможность проанализировать функционирование прагматического уровня казахского языка в сравнении с английским и русским. Именно сравнительно-сопоставительный анализ представляет собой эффективный метод исследования, позволяющий выявить, каким образом преодолеваются типовые трудности перевода, связанные с лингвистической спецификой каждого из языков, в данном случае — русского и казахского. Данный подход также способствует выявлению элементов оригинального текста, которые могут оставаться непереданными в переводе, что позволяет получить объективное представление о реальном механизме переводческого процесса.

Каждый текст обладает уникальным языковым своеобразием, обусловленным не только его структурными и семантическими особенностями, но и его коммуникативной направленностью. Важно учитывать, что содержание текста ориентировано на определенный языковой коллектив, который обладает специфическими фоновыми знаниями, культурными традициями и историческими контекстами. Это означает, что абсолютная полнота передачи оригинального текста на другом языке в принципе невозможна. Однако отсутствие полной идентичности между оригиналом и переводом не может служить доказательством невозможности перевода, поскольку процесс перевода неизбежно предполагает интерпретацию и адаптацию содержания. Следует отметить, что утрата отдельных элементов исходного текста при переводе не свидетельствует о его непереводаемости. Такие потери обнаруживаются только в процессе сравнения оригинала и

переведенного текста. Они могут касаться не только отдельных лексических единиц, но и фоновых значений, коннотаций, ритмико-стилистических особенностей, характерных для языка оригинала, но отсутствующих в языке перевода.

Особое внимание при переводе уделяется специальной терминологии, в том числе историческим, географическим и ботаническим названиям, а также уникальным культурным реалиям, отражающим специфическую систему понятий того или иного народа. В таких случаях требуется точность передачи, которая, однако, не должна нарушать образную целостность текста. В ситуациях, когда буквальная передача затруднена или ведет к утрате смысла, переводчик может прибегнуть к использованию комментариев и сносок, чтобы пояснить реалии, отсутствующие в целевом языке, как в случаях следующих примеров:

- The feast of Lupercal → праздник Луперкалий → Луперкалий мерекесі

В русском переводе добавляется комментарий в конце книги, поясняющий, что этот праздник проводился 14 февраля в честь богини плодородия. В казахском переводе используется аутентичный перевод без пояснений, что делает текст менее информативным для читателя, не знакомого с данной исторической реальностью.

- The Ides of March → Мартовские иды → Марттың ида күні

В русском переводе также добавляется пояснение, разъясняющее, что иды - это середина месяца. В казахском варианте переводчик адаптировал термин, добавив слово «күні» (*день*), тем самым частично компенсируя отсутствие дополнительного комментария. Это является примером встроенного пояснения, когда информация не выносится в сноску, а интегрируется непосредственно в перевод.

Таким образом, сопоставительный анализ переводов показывает, что передача культурных реалий требует гибкости и баланса между сохранением аутентичности и адаптацией текста под целевую аудиторию. Использование пояснительных комментариев, перефразирования, сносок или дополнительных элементов в тексте является важной стратегией, позволяющей читателю воспринять перевод без потери значимых смысловых компонентов оригинала.

Прагматический анализ перевода позволяет оценить, как переводчик передает смысл, стиль и коммуникативные намерения оригинального текста с учетом культурных и языковых различий. Он помогает определить соответствие перевода целевой аудитории, выявить прагматические нюансы, передать экспрессивность и

эмоциональное воздействие, а также сопоставить языковые структуры разных культур. Развитие прагматического подхода в лингвистике, его связь с коммуникативной природой текста и влияние на теорию перевода имеют важное значение для анализа казахского перевода трагедии «Юлий Цезарь» У. Шекспира, выполненного Е.А. Букетовым.

В данном исследовании применяется методика классификации оригинального текста и его перевода на основе концепции А. Поповича. В центре его теории находится понятие «текста», где оригинальный текст определяется как прототекст, а переводное произведение – как метатекст [110]. Согласно А. Поповичу, взаимосвязь между прототекстом и метатекстом представляет собой отношение инварианта и варианта, при этом существование метатекста возможно только при наличии исходного прототекста. Однако метатекст не может полностью воспроизвести или дословно повторить прототекст, поскольку на его формирование оказывает влияние переводчик, чья интерпретация определяет стратегию перевода [110, С. 184].

Проведённый анализ казахского перевода трагедии «Юлий Цезарь» У. Шекспира, выполненного Е.А. Букетовым, позволяет не только раскрыть языковую и культурную личность переводчика, но и через призму его работы глубже понять особенности казахского языкового сознания и культурной картины мира. Сравнительно-сопоставительный подход к анализу оригинала, русского и казахского переводов продемонстрировал специфику передачи культурных реалий, терминов и прагматических элементов текста, а также стратегии адаптации под целевую аудиторию.

Исследование показало, что перевод художественного текста представляет собой не механическую передачу содержания, а сложный процесс интерпретации, в котором необходимо учитывать фоновые знания, культурные традиции и ожидания читательской аудитории. Утрата отдельных компонентов оригинала при переводе не свидетельствует о его непереводимости, но подчеркивает необходимость гибких лингвистических решений, таких как перефразирование, пояснительные комментарии и прагматическая адаптация.

Анализ, опирающийся на концепцию А. Поповича о соотношении прототекста и метатекста, подтвердил, что каждый перевод является результатом творческой интерпретации переводчика, зависящей от его языковой компетенции, культурной осведомленности и цели перевода. Перевод Е.А. Букетова демонстрирует высокий уровень прагматической чувствительности, стремление сохранить

коммуникативное воздействие оригинала и сделать текст доступным казахскому читателю.

Таким образом, прагматический анализ перевода в рамках сопоставительного подхода является важным инструментом изучения межкультурной коммуникации и переводческого мастерства, раскрывая глубинные механизмы передачи смысла между языками и культурами.

3.3 Путь перевода от оригинала к казахскому метатексту

Настоящее исследование основано на анализе трех текстов [111], где казахский перевод является вторичным метатекстом, так как его основой послужил русский перевод, который, в свою очередь, представляет собой метатекст по отношению к английскому оригиналу. Для систематизации анализа вводятся следующие обозначения:

- Прототекст 1 – оригинальный текст на английском языке
- Метатекст 1 (Прототекст 2) – русский перевод
- Метатекст 2 – казахский перевод

Эти понятия служат основой исследования, позволяя рассматривать прототексты и метатексты как единицы текста и текстовое единство. Использование данной терминологии способствует структурированию анализа перевода и уточнению взаимосвязей между текстами. Хотя переводческий процесс трудно формализовать в рамках схем и таблиц из-за множества факторов, влияющих на интерпретацию, представленная система позволяет проследить динамику взаимодействия текстов.

Далее в таблице 1 будут отражены основные изменения на каждом этапе перевода с учетом лексико-семантических, стилистических и прагматических аспектов.

Таблица 1 - Терминология обозначения текстов оригинала и переводов

Оригинал на английском языке	→	Перевод на русский язык	→	Перевод на казахский язык
Прототекст 1	→	Метатекст 1-Прототекст 2	→	Метатекст 2

Аспекты, которыми сопровождается создание метатекстов, – семантические, стилистические, аксиологические, авторская стратегия

и возможность связи. Отношение прототекст – метатекст можно определить, как отношение между инвариантом и вариантом. Метатекст представляет прототекст путем моделирования его стиля (тематическое и языковое построение). Стилистическое моделирование прототекста носит характер эксперимента, поскольку метатекст не может абсолютно воспроизвести прототекст или повторить его. Поскольку прагматика акцентирует внимание на функциональных и коммуникативных аспектах текста, именно этот подход позволит нам рассмотреть, как передаются культурные и языковые особенности оригинала В Метатексте 2.

Переход от структурных методов анализа к изучению текста с позиций дискурса (что особенно проявилось с 1970-х годов) показывает, что текст — это не просто совокупность языковых единиц, а динамический процесс коммуникации. В этом контексте важен вклад Т. ван Дейка, который разграничил понятия «текст» (как абстрактную языковую структуру) и «дискурс» (как конкретный речевой акт) [112]. Это различие играет ключевую роль в исследовании перевода, поскольку переводчик работает не только с лексико-грамматической стороной текста, но и с его прагматическим содержанием, адаптируя высказывания к культурному и языковому контексту.

Таким образом, в рамках прагматического анализа мы рассмотрим, каким образом Е.А. Букетов передает коммуникативные и стилистические особенности шекспировского оригинала, какие языковые средства он использует для передачи риторики, интонации и эмоционального воздействия, а также как в переводе взаимодействуют казахская, русская и английская культуры, формируя уникальный креолизованный текст.

Анализ перевода художественных произведений, особенно пьес, представляется нам более современным с позиций современной лингвистики и с учетом прагматического контекста. Пьеса – это многоуровневый акт коммуникации, чаще в форме диалога, где прагматический контекст не только служит успеху достижения цели речевого акта, но и предвосхищает новые речевые акты.

Например:

A Soothsayer.

Caesar.

Casca.

Caesar.

Caesar!

Ha! Who calls?

Bid every noise be still; peace yet again!

Who is it in the press that calls on me

Прорицатель.

Цезарь!

Цезарь. Кто звал меня?
Каска. Эй, тише! Замолчите, музыканты!

Көріпкелі бар адам Цезарь!
Цезарь. Мені атаған қайссын?
Каска. Қойсандаршы шулауды! Музыканы тоқтат!

Переводчик пьесы должен не только найти лексические эквиваленты на семантическом уровне, сохранить структуру оригинала, но и достичь иллюкутивной цели, произнеся высказывание на языках 1, 2 (локуция), и, сохранив общее содержание утверждения, обещания (пропозиция). Рассмотрение текста перевода было бы неполноценным без контрастивного анализа дискурса оригинала, с целью определения полноты передачи макроструктуры и глобальной структуры дискурса.

Если применить прагматический анализ речевых актов и степень передачи их природы и функции, то мы получаем следующее:

Функция обращения:

- В обоих переводах обращение к Цезарю передается эквивалентно (буквальный перевод имени).
- В Метатексте 2 «Көріпкелі бар адам» вместо «Прорицатель» указывает на наличие дара предвидения, но является менее устойчивым термином.

Ответ Цезаря:

- В Прототексте «Ha! Who calls?» содержит междометие («Ha!»), выражающее внезапность и удивление.
- В Метатексте 1 это опущено, создавая более официальную, спокойную интонацию.
- В Метатексте 2 фраза «Мені атаған қайссын?» («Кто назвал меня?») приобретает оттенок властного требования, что соответствует статусу Цезаря.

Директивный речевой акт Каски:

- В Прототексте «Bid every noise be still; peace yet again!» – официальный, приказной тон.
- В Метатексте 1 «Эй, тише! Замолчите, музыканты!» – прямая директива к музыкантам, сужение адресатов.
- В Метатексте 2 «Қойсандаршы шулауды! Музыканы тоқтат!» – обращение ко всем, а не только к музыкантам, что усиливает командный тон.

Резюмируя данный аналитический разбор, можно установить, что русский перевод локализует команду, ограничивая действие

музыкантами, и делает речь Цезаря нейтральной и менее экспрессивной. В Метатексте 2 команды носят более общий характер, а речь Цезаря приобретает властный, требовательный оттенок, что больше соответствует его статусу в данной сцене.

Рассмотрим следующий пример:

Банда заговорщиков убила Цезаря, Антоний, его друг и соратник, вынужден любезно разговаривать с убийцами:

- I doubt not of your wisdom.

Let each man render me his bloody hand:

First, Marcus Brutus, will I shake with you;

Next, Caius Cassius, do I take your hand;...

... That I did love thee, Caesar, O! 'tis true:

if then thy spirit look upon us now,

Shall it not grieve thee dearer than thy death,

To see thy Antony making his peace,

Shaking the bloody fingers of thy foes,...

- Я знаю вашу мудрость.

Кровавые мне ваши руки дайте;

И первому, Марк Брут, тебе жму руку;

Второму руку жму тебе, Кай Кассий;...

... О, истинно тебя любил, Цезарь!

И если дух твой носится над нами,

То тягостнее смерти для тебя

Увидеть, как Антоний твой мирится

С убийцами им руки пожимая...

Ақылға ие ерсіндер білем оны.

Қолдарыңды қанекей, осы қанды күйінде

Ұстатындар - әуелі, Марк Брут, қолыңды бер.

Екінші қолыңды әкел, Кай Кассий;...

... У, Цезарь, сені мен шын жүректен сүюші едім,

егер сенің аруағың алыстамай ұшып жүрсе,

сенің сенген Антонийің өлігінің үстінде

өлімге сені қиғандардың қылығына көнгенін,

қолдарым көріп алғанын көріп жүр ғой....

Речевые акты в данном отрывке из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» представляют собой сложную коммуникативную конструкцию, включающую элементы риторики, скрытой иронии, эмоциональной экспрессии и формального дипломатического

обращения. В произведении Марк Антоний вынужден соблюдать внешнюю вежливость, разговаривая с убийцами Цезаря, но при этом скрыто выражает свои чувства через интонации, выбор слов и грамматические конструкции. Рассмотрим, как эти аспекты передаются в русском и казахском переводах.

1. Анализ речевого акта «любезного обращения» (формальный тон, скрытая ирония)

В Прототексте Марк Антоний начинает свою речь с формального выражения уважения:

«I doubt not of your wisdom» (Я не сомневаюсь в вашей мудрости.)

Это выражение звучит сдержанно, но в контексте ситуации приобретает иронический подтекст – он говорит убийцам о «мудрости», понимая, что их поступок далеко не мудрый.

Метатекст 1:

«Я знаю вашу мудрость.»

• Перевод в Метатексте 1 сохраняет формальность обращения, но теряет оттенок иронии, присутствующий в оригинале.

• Конструкция «Я знаю вашу мудрость» звучит скорее нейтрально, тогда как в оригинале «I doubt not» предполагает скрытое сомнение, создавая двойной смысл.

Метатекст 2:

«Ақылға ие ерсіндер білем оны.» (Я знаю, что вы обладаете разумом.)

• Казахский вариант сохраняет формальный тон, но звучит более мягко, так как в нем нет явного или скрытого сомнения.

• Переводчик использует выражение «білем оны» («я знаю это»), которое полностью устраняет потенциальную ироничность, передавая только вежливость.

Отсюда вывод: оба метатекста теряют скрытую иронию Прототекста, делая обращение слишком прямым и однозначным.

2. Анализ речевого акта «рукопожатия» (символическая жестикация)

«Let each man render me his bloody hand: First, Marcus Brutus, will I shake with you; Next, Caius Cassius, do I take your hand;»

Здесь жест рукопожатия становится ритуальным актом, демонстрирующим мнимое примирение. Упоминание «кровавых рук» подчеркивает вынужденность и символизм действия.

Метатекст 1:

«Кровавые мне ваши руки дайте; И первому, Марк Брут, тебе жму руку; Второму руку жму тебе, Кай Кассий;...»

- Русский перевод достаточно точно передает последовательность действий, но переставляет слова, что меняет интонацию.

- В Прототексте Антоний подчеркивает вынужденность («do I take your hand» – «вынужден взять вашу руку»), тогда как в русском переводе это звучит более нейтрально: «тебе жму руку».

- Фраза «Кровавые мне ваши руки дайте» сохраняет экспрессивность, но теряет оттенок избегания ответственности (в Прототексте он как бы вынужден принять их руки, а не сам протягивает руку).

Метатекст 2:

«Қолдарынды қанекей, осы қанды күйінде ұстатындар - әуелі, Марк Брут, қолынды бер. Екінші қолынды әкел, Кай Кассий;...»

- В казахском переводе появляется усиленная экспрессия за счет фразы «осы қанды күйінде» («в этом кровавом состоянии»), чего нет в оригинале.

- Вместо «жму руку» используется «қолынды бер» («дай свою руку»), что делает жест более повелительным по сравнению с оригиналом.

- Казахский вариант сильнее акцентирует символизм крови, усиливая визуальный эффект.

Как видно, в русском переводе утрачивается оттенок вынужденности и формального ритуала, тогда как в казахском варианте сохраняется экспрессивность, но немного изменяется тональность.

3. Анализ речевого акта «выражения скорби»

«That I did love thee, Caesar, O! 'tis true: if then thy spirit look upon us now, Shall it not grieve thee dearer than thy death, To see thy Antony making his peace, Shaking the bloody fingers of thy foes, ...»

Антоний выражает глубокую скорбь, усиливая её риторическими вопросами. Он фактически говорит с духом Цезаря, подчеркивая, что ему больнее видеть свое унижение, чем саму смерть друга.

Метатекст 1:

«О, истинно тебя любил, Цезарь! И если дух твой носится над нами, То тягостнее смерти для тебя Увидеть, как Антоний твой мирится С убийцами им руки пожимая...»

- Русский перевод сохраняет риторический стиль, но немного сглаживает эмоциональную глубину.

- В оригинале используется прямое обращение к духу Цезаря, тогда как в русском варианте оно чуть ослаблено («если дух твой носится над нами» вместо «если ты сейчас на нас смотришь»).

- Концовка «С убийцами им руки пожимая» звучит мягче, чем «Shaking the bloody fingers of thy foes», что снижает экспрессию.

Метатекст 2:

«У, Цезарь, сені мен шын жүректен сүюші едім, егер сенің аруағың алыстамай ұшып жүрсе, сенің сенген Антонийің өлігіннің үстінде өлімге сені қиғандардың қылығына көнгенің, қолдарым көріп алғанын көріп жүр ғой...»

- Казахский перевод усиливает эмоциональность за счет слов «аруак» («дух умершего»), что придает тексту национальный оттенок.

- В отличие от русского перевода, здесь сохранилась персонализация обращения («сенің сенген Антонийің» – «твой Антоний, которому ты доверял»).

- Завершающая фраза «өлімге сені қиғандардың қылығына көнгенің» («когда ты видишь, что твой Антоний смирился с теми, кто привел тебя к смерти») усиливает личностную трагедию Антония.

В русском переводе риторический стиль сохранен, но смягчен, тогда как в казахском варианте эмоциональность усилена за счет традиционных выражений.

В целом можно сделать следующий вывод: Метатекст 1 сохраняет структуру Прототекста, но сглаживает иронию и экспрессию. Метатекст 2 сильнее передает эмоциональную напряженность, но включает культурные адаптации. Субъективно возможно отметить, что оба перевода не полностью передают скрытый сарказм и ритуальный подтекст сцены, но казахский вариант делает акцент на национальной эмоциональности, а русский – на риторической точности.

Анализ конкретных фрагментов диалогов и речевых актов показал, что при передаче коммуникативных интенций и стилистических оттенков оригинала в казахском переводе наблюдается стремление сохранить эмоциональную насыщенность, усилить экспрессию и адаптировать высказывания к национальному языковому сознанию. Использование таких терминов, как «аруак» и конструкций с усиленной эмоциональной окраской, демонстрирует ориентированность перевода не только на эквивалентность, но и на прагматическую приемлемость для казахской аудитории.

При этом выявлено, что обе версии перевода (русская и казахская) частично теряют скрытую иронию, заложенную в речевых актах оригинала, особенно в сценах, требующих дипломатического двусмысленного обращения (например, в репликах Марка Антония к убийцам Цезаря). В казахском переводе компенсаторная стратегия выражается через экспрессивно-насыщенные конструкции и национально маркированную лексику, в то время как русский перевод

сохраняет формальную риторичность, но теряет часть прагматической нагрузки.

3.4 Лингвокультурные аспекты передачи экспрессивности в художественном переводе

Лингвокультурное изучение дискурса имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формульные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры.

Наибольшую роль в передаче коннотативного аспекта дискурса оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты [113; 13]. Эмоциональная характеристика значения дискурса может быть положительной или отрицательной. В любом языке существуют лексические единицы, обладающие тождественным предметно-логическим значением, но различающиеся по наличию и характеру эмоционального компонента в своей семантике. Такие различия выражаются через нейтральную и эмоционально маркированную лексику, что особенно важно при переводе художественного текста.

Перевод представляет собой процесс эквации, заключающийся в поиске эквивалента между единицами одного языка и их соответствиями в другом. Однако процесс эквивалентности в переводе не является абсолютным, поскольку языковые системы различаются не только на лексическом и грамматическом уровнях, но и на культурно-семантическом. При переводе необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на точность и адекватность передачи смысла:

Номинативные лакуны – случаи, когда в языке перевода отсутствует точный семантический эквивалент, несмотря на наличие объекта или явления в действительности. В таких ситуациях переводчику приходится использовать описательные конструкции, калькирование или заимствование.

Языковые реалии – лексические единицы, которые не имеют прямого соответствия в другом языке по причине их уникальной культурной и исторической обусловленности. Они могут отражать национальную специфику в быте, праве, традициях, социальной структуре.

Этносемантические и культуросемантические аспекты – включают в себя дополнительные смысловые компоненты, формирующиеся под влиянием традиций, обычаев и мировоззренческих установок носителей языка. Эти элементы особенно важны при переводе художественных текстов, поскольку они создают фоновую информацию, без которой смысл может быть искажен или утрачен.

Все вышеперечисленные явления входят в традиционные методы анализа перевода, позволяя выявить, какие семантические, культурные и стилистические трансформации происходят при адаптации текста с одного языка на другой. Таким образом, перевод – это не просто замена слов и грамматических конструкций, а комплексный процесс межкультурной адаптации, требующий учета языковых, культурных и прагматических факторов.

В следующих примерах из оригинала трагедии «Юлий Цезарь» У. Шекспира и его переводов на русский и казахский языки первая лексема является нейтральной, а вторая – эмоционально окрашенной:

- Small men – Petty men (нейтр. «маленькие люди» – эмоц. «ничтожные люди»)

- Люди – людишки

- Кішкентай пенде – уәк пенде

- Худой – тощий

- Арық – бір жапырақ еті жоқ (букв. «не осталось ни кусочка мяса»)

- Запах – вонь

- To push away – to spurn out (нейтр. «оттолкнуть» – эмоц. «отшвырнуть с презрением»)

- Оттолкнуть – отшвырнуть

- Қағажыту – теуіп қаңсылатып жіберу (букв. «пнуть и оставить жалобно визжать»)

- Dog – сүг (нейтр. «собака» – эмоц. «дворняга, шавка»)

Разница в экспрессивности и стилистической окраске свидетельствует о важности передачи авторского замысла, а также о влиянии культурных и языковых особенностей на переводческий процесс.

Целесообразно провести детальный анализ, разделив исследование на несколько аспектов. В первую очередь следует рассмотреть лексико-семантические особенности перевода, выявляя различия между нейтральной и эмоционально маркированной лексикой. Затем проанализировать стилистические приемы, используемые в русском и казахском переводах, и их влияние на восприятие текста. В

завершение можно рассмотреть прагматические аспекты, определяя, как переводчики адаптировали экспрессию и культурные смыслы оригинала в целевом языке.

1. Лексико-семантическая характеристика

Во всех трех языках наблюдается противопоставление нейтральной и эмоционально маркированной лексики. В эмоционально окрашенных словах присутствует презрительное, уничижительное или экспрессивное значение. Например:

- В английском «small men» (маленькие люди) – нейтральный термин, а «petty men» (ничтожные люди) – содержит дополнительную эмоциональную окраску, подчеркивая их незначительность.

- В русском аналогично: «люди» – нейтральное понятие, а «людишки» – уничижительная характеристика.

- В казахском «кішкентай пенде» (маленький человек) – нейтрально, тогда как «уәк пенде» – содержит оттенок пренебрежения (букв. «ничтожный человек»).

2. Степень экспрессии в русском и казахском переводах

В казахском языке эмоционально маркированные эквиваленты зачастую оказываются более экспрессивными, чем их русские аналоги. Например:

- «арық» (худой) – нейтральное слово, а «бір жапырақ еті жок» (букв. «не осталось ни кусочка мяса») – образное выражение, подчеркивающее крайнее истощение.

- «Қағажыту» (оттолкнуть) – нейтральный глагол, а «теуіп қаңсылатып жіберу» (букв. «пнуть и оставить жалобно визжать») – содержит сильную эмоциональную окраску, добавляя насильственный и уничижительный оттенок.

3. Стилистическое функционирование в художественном тексте

В оригинальном тексте эмоционально маркированные слова используются для:

- Характеристики персонажей (их высокомерия, агрессии, презрения).

- Создания контраста между обычной и экспрессивной речью.

- Передачи эмоционального накала в конфликтных сценах.

В переводах наблюдается тенденция к усилению экспрессии в Метатексте 2 по сравнению с Метатекстом 1. Метатекст 1 сохраняет стилистическую умеренность, а Метатекст 2 активно использует метафоры и гиперболизацию, что делает текст более эмоционально насыщенным.

4. Вывод

• В Прототексте экспрессивные слова используются выборочно и придают определенный социальный или эмоциональный оттенок.

• В Метатексте 1 эмоциональная экспрессия сглаживается, но сохраняется общее противопоставление нейтрального и маркированного слова.

• В Метатексте 2 наблюдается тенденция к усиленной экспрессивности, выраженной через образные метафоры и гиперболические конструкции.

Таким образом, Метатекст 2 ближе к художественному стилю восточной традиции, где экспрессия передается не только за счет лексического значения, но и за счет поэтической образности.

Относительно анализируемого текста следует отметить, что общий характер эмоциональности, как правило, может быть полностью сохранен при переводе. При этом, ключевое слово здесь «общий». В одних случаях перевод может усилить экспрессию, добавляя дополнительные элементы, а в других - смягчить или переформулировать её, сохраняя общее впечатление, но изменяя средства выражения. Важно не только подобрать соответствующие по смыслу слова, но и адаптировать их к коммуникативным нормам целевого языка, чтобы сохранить естественность и выразительность высказывания. Обычно бывает возможным подобрать в языке перевода слово, выражающее такое же одобрительное или неодобрительное отношение к описываемому объекту, какое выражено в слове на исходном языке:

...and uttered such a deal of stinking breath...

...так заразила воздух своим зловонным дыханием...

...кызған жұрт өз демімен ауаны бұзғаны сондай...

Метатекст 1 передает физиологический эффект зловонного дыхания, усиливая его через глагол «заразила». Однако он сужает контекст, сохраняя индивидуальный уровень восприятия.

Метатекст 2, напротив, отходит от буквальной передачи, заменяя «дыхание» на влияние целой толпы («кызған жұрт»), что делает фразу более динамичной и общественно значимой и придает фразе метафоричность и образность. Вместо «зловонного дыхания» используется выражение «испортили воздух», что создает более мягкую, но при этом выразительную образность.

Таким образом, русский перевод акцентирует внимание на физическом воздействии, тогда как казахский вариант передает более широкую социальную и атмосферную картину.

Анализ лексико-семантических, стилистических и прагматических характеристик английского оригинала трагедии «Юлий Цезарь» У. Шекспира, а также его русскоязычного (Метатекст 1) и казахскоязычного (Метатекст 2) переводов позволяет сделать следующие обобщения:

1. Эмоционально-коннотативный аспект оригинального текста, выраженный через противопоставление нейтральной и экспрессивной лексики, играет ключевую роль в раскрытии характера персонажей, интенций автора и драматического напряжения сцен. В процессе перевода происходит варьирование степени экспрессивности в зависимости от культурных и языковых особенностей целевой аудитории.

2. Русский перевод (Метатекст 1) демонстрирует тенденцию к стилистическому сглаживанию экспрессии, сохраняя при этом общий эмоциональный фон и лексическое противопоставление. Он ориентирован на литературную нормативность и умеренную риторичность, что обеспечивает читабельность, но в ряде случаев ослабляет художественную выразительность.

3. Казахский перевод (Метатекст 2), напротив, характеризуется усиленной экспрессивностью, образностью и использованием метафор, гипербол и национально-специфических выражений. Это делает текст эмоционально насыщенным и приближает его к восточной поэтической традиции, ориентированной на яркое, чувственное восприятие.

4. В рамках лингвокультурного подхода к переводу, казахская версия демонстрирует не только адекватность, но и адаптивность: переводчик стремится не просто передать значение, а воспроизвести воздействие, которое оригинальный текст оказывает на читателя, используя присущие казахскому языку средства выразительности.

5. Рассмотренные примеры также демонстрируют функционирование лексических и культурных лакун, компенсируемых в переводе через описательные конструкции, метафоризацию и расширение контекста. Это подтверждает тезис о том, что перевод - это не эквивалентное замещение, а процесс сложной межкультурной адаптации.

6. В случае выражений с высокой образной нагрузкой казахский перевод нередко уходит от буквального соответствия в сторону реконструкции смыслов, более понятных и впечатляющих для казахского читателя, что позволяет говорить о креативной стратегии перевода, сохраняющей эмоциональное воздействие оригинала.

3.5 Стилистическая эквивалентность и передача экспрессивности в художественном переводе

Передача эмоциональной характеристики, как и других компонентов коннотативного значения слова, облегчается благодаря тому, что реализация этого значения в высказывании распространяет соответствующую характеристику на все высказывание: делает его эмоциональным, стилистически окрашенным или образным. Поэтому в переводе этот элемент содержания может быть воспроизведен нелокально, то есть в другом месте высказывания, даже в семантике совсем другого слова:

...I cannot by the progress of the stars, give guess how near to day...

...по звездам распознать я не могу...

...таңға қанша қалғанын жұлдызға қарап анықтай алмай тұрмын...

Русский перевод передает общий смысл фразы, но сглаживает ее образность и поэтическую экспрессию, сокращая синтаксическую структуру. Казахский перевод, напротив, более точно отражает смысл оригинала, сохраняя детали, связанные с понятием времени и необходимостью наблюдения за звездами. Использование «таңға қанша қалғанын» акцентирует внимание на ожидании наступления утра, что усиливает экспрессивность высказывания. Таким образом, казахский перевод оказывается ближе к оригиналу как с точки зрения семантики, так и стилистики.

Для перевода прагматический потенциал оригинала имеет первостепенное значение, так как его воспроизведение при переводе обеспечивает равноценность коммуникативного воздействия на получателей прототекста и метатекста. Наибольшая степень эквивалентности отмечается в тех случаях, когда слово в переводе, соответствующее переводимому слову по другим компонентам содержания, имеет и одинаковую стилистическую характеристику. Например:

tag-rag people - разный сброд - жиналған азғындар

a blunt fellow - простака - спенде

pretty men - людишки – үәк пенде

exorcist - заклинатель - бақсы

trophies - трофеи - мадақтайтын шүберек

surgeon - лекарь – сабаз [108; 109; 107]

Переводы передают не только смысл, но и коммуникативную функцию слов оригинала, обеспечивая равноценность воздействия на носителей целевого языка. Например, выражение tag-rag people в английском языке несёт негативный оттенок, указывая на социальную маргинальность. Этот эффект сохраняется и в русской версии разный сброд, и в казахском варианте жиналган азғындар, что демонстрирует прагматическую эквивалентность.

Степень эквивалентности зависит от совпадения значений в контексте. В приведённых примерах наблюдается частичное соответствие между языками. Например, a blunt fellow → простак → пенде передаёт основное значение — человек с простым, прямолинейным мышлением. Однако если в русском варианте «простак» нейтрален, то казахское пенде может иметь дополнительные коннотации, связанные с социальной или религиозной покорностью.

Другой пример — pretty men, которое в английском языке используется иронично для обозначения людей небольшого достоинства. Это значение сохраняется в русской версии людишки и казахском варианте уәк пенде. Однако в некоторых случаях возможны смысловые сдвиги: слово trophies в английском языке означает награды, но в Метатексте 2 мадақтайтын шүберек акцент смещается на материальное выражение похвалы.

Сохранение стилистического уровня выражений играет важную роль в передаче оригинального смысла. Например, exorcist → заклинатель → бақсы демонстрирует стилистическую адаптацию: русский перевод более нейтрален, тогда как казахский бақсы — этнокультурный термин, связанный с шаманизмом, что придаёт тексту национальный колорит.

Слово surgeon в переводе на русский как *лекарь* приобретает более архаичный оттенок, а в казахском варианте сабаз несёт в себе дополнительный уважительный компонент. Подобные нюансы важны для точного восприятия текста носителями целевого языка.

В процессе перевода нередко возникают ситуации, когда лексические единицы двух языков, обладая схожим денотативным значением, принадлежат к различным функциональным стилям. В таких случаях стилистический компонент исходного слова может быть утрачен, что приводит к изменению экспрессивно-эмоциональной окраски высказывания. Например, в англо-русских соответствиях, представленных ниже, английские лексемы имеют стилистическую маркированность, тогда как их русские эквиваленты являются нейтральными:

- slumber – сон, morn – утро
- to swap – менять
- окрутить – to marry
- скоропалительный – hasty
- умеючи – skillfully

Аналогичная ситуация наблюдается и в англо-русско-казахских соответствиях:

- to walk up and down – бродить – жүру
- bad air – вонь – жаман ауа

Использование подобных соответствий приводит к нарушению стилистической эквивалентности, поскольку передача денотативного значения не компенсирует утрату экспрессивной характеристики. Однако данное расхождение может быть нивелировано с помощью компенсаторных стратегий. Подобно эмоциональной характеристике, стилистический компонент оказывает влияние не только на отдельное слово, но и на весь фрагмент текста, формируя его принадлежность к определённому регистру. Таким образом, стилистическая эквивалентность может быть восстановлена за счёт усиления экспрессии в других частях высказывания или в смежных контекстах. Этот приём особенно часто используется при переводе художественных текстов, где сохранение стилистических особенностей оригинала играет ключевую роль.

Рассмотренные примеры показывают, что при переводе нередко происходит утрата стилистической окраски исходных единиц. Например, английское слово *slumber*, принадлежащее к высокому стилю и имеющее поэтическую коннотацию, в русском языке передано как нейтральное *сон*. Аналогично, *morn* (архаичная форма слова *morning*) передано как *утро*, утратив оттенок возвышенности. В казахском языке стилистическое расхождение также прослеживается: *to walk up and down* в английском языке подразумевает бесцельное хождение, что в русском языке передаётся как *бродить*, а в казахском – нейтральным *жүру*, что может означать обычное передвижение.

В большинстве случаев переводы сохраняют лишь основное значение, но теряют дополнительные стилистические и экспрессивные характеристики. Например, *to swap* передаётся как *менять*, однако английское слово имеет разговорную окраску, в то время как русский эквивалент стилистически нейтрален. Аналогично, русское просторечное *окрутить* (жениться, выйти замуж, обвести вокруг пальца) в английском передаётся как нейтральное *to marry*, что приводит к потере экспрессии. В казахском языке *жаман ауа* соответствует *bad air*, но казахский вариант звучит более нейтрально, нежели английский,

который может подразумевать не только плохой запах, но и нездоровый воздух.

Для сохранения стилистической эквивалентности переводчику следует компенсировать утраченные экспрессивные характеристики в других частях текста. Например, если слово *slumber* в переводе представлено как сон, можно усилить стилистическую окраску за счёт более поэтического контекста. В случае *to swar* → менять возможно использование разговорной конструкции (махнуться, перекинуться вещами). В художественных текстах такая компенсация особенно важна, поскольку помогает сохранить авторский стиль.

Проведённый анализ подтверждает, что в процессе перевода художественного текста - особенно такого насыщенного поэтической и риторической экспрессией, как «Юлий Цезарь» У. Шекспира - ключевую роль играет не только точность передачи денотативного значения, но и сохранение коннотативных, стилистических и прагматических характеристик.

Основные выводы можно сформулировать следующим образом:

1. Эмоциональные и стилистические компоненты оригинального текста часто оказываются трудно передаваемыми средствами другого языка. Это связано как с различиями в лексических системах, так и с национально-культурной спецификой, отражённой в языковых реалиях и эмоционально маркированной лексике.

2. Казахский перевод (Метатекст 2) в целом демонстрирует стремление к более экспрессивной и образной передаче содержания, по сравнению с русским переводом (Метатекст 1). В нём активнее используются метафоры, гиперболы, этнокультурные термины и традиционные выражения, что делает текст насыщенным и колоритным, но местами несколько отдаляет его от оригинала по стилю.

3. Русский перевод в большинстве случаев сохраняет логико-семантическую точность и соблюдает литературные нормы, однако теряет часть экспрессии, эмоциональной иронии и стилистического богатства, присущего оригиналу. Он ближе к нормативному стилю и сдержан по эмоциональной окраске.

4. Прагматическая эквивалентность — т.е. соответствие коммуникативного эффекта оригинала и перевода — достигается не только через прямые лексические эквиваленты, но и через контекстуальные и компенсаторные стратегии. Особенно это касается слов с яркой стилистической или культурной нагрузкой, таких как *exorcist* – заклинатель – баксы или *tag-rag people* – разный сброд – жиналган азғындар.

5. Часто при передаче лексем с высокой стилистической маркированностью в целевом языке подбираются более нейтральные аналоги, что ведёт к снижению стилистического регистра. В таких случаях возможна компенсация утраченной экспрессии за счёт усиления выразительности в других элементах текста.

6. Наиболее успешными с точки зрения эквивалентности и стилистической адекватности являются те фрагменты перевода, где сохраняется не только значение, но и эмоциональный импульс, поэтическая интонация и национальный колорит оригинала. Казахский перевод чаще демонстрирует такие примеры, особенно за счёт использования культурно узнаваемых реалий и эмоционально насыщенных фразеологизмов.

Таким образом, художественный перевод — это не просто передача смысла, а создание функционально и стилистически аналогичного текста, адаптированного к культурной и языковой системе реципиента. Успешный перевод требует от переводчика гибкости, культурной чувствительности и мастерства в выборе не буквальных, но функционально эквивалентных средств выражения.

3.6 Креолизация культуры и адаптация национальных реалий в переводе

Перевод текста на другой язык предполагает не только передачу его смыслового содержания, но и сохранение национально-культурных особенностей народа, на языке которого было создано произведение. Это обусловлено тем, что язык является ключевым элементом межкультурного взаимодействия и отражает особенности восприятия мира.

Первые попытки осмысления проблемы взаимосвязи языка и культуры принадлежат В. фон Гумбольдту [115; 116]. Основные положения его концепции можно сформулировать следующим образом:

- Язык воплощает материальную и духовную культуру народа.
- Каждая культура носит национальный характер, который выражается в языке через особое видение мира.
- Каждому языку присуща внутренняя форма, отражающая «народный дух» и его культуру.
- Язык выступает как связующее звено между человеком и окружающей его действительностью.

Развитие данной проблемы продолжили многие филологи и культурологи, среди которых А. Вежбицка [117], Ю.М. Лотман [118], Н.Д. Арутюнова [119], В.Н. Телия [120], С.Г. Тер-Минасова [121], В.В.

Воробьев [122]. Вопросы межкультурных различий в переводе охватывают широкий спектр аспектов, включая реалии, языковые особенности персонажей, экспрессивные средства и литературные структуры.

Текст перевода представляет собой синтез двух или более языков и культур, что приводит к явлению, известному как «креолизация». Данный термин происходит от французского «Créole», восходящего к испанскому «criollo» [123], и обозначает взаимодействие различных языковых систем и культурных кодов, формирующих уникальную текстовую среду.

Само понятие Креолизация культуры представляет собой взаимовлияние и смешение различных языков и культур [110, С. 130]. В лингвистике выделяются три типа креолизации, определяющие соотношение между культурой оригинального текста и культурой перевода:

1. Доминирование культуры оригинала (K1) над культурой перевода (K2) – когда перевод максимально ориентирован на сохранение особенностей исходного текста, что может затруднять его восприятие носителями языка перевода.

2. Доминирование культуры перевода (K2) над культурой оригинала (K1) – когда адаптация перевода настолько значительна, что текст теряет национальные и культурные особенности оригинала.

3. Баланс между культурами оригинала (K1) и перевода (K2) – когда переводчик достигает гармоничного взаимодействия между исходным текстом и нормами принимающего языка.

Важно отметить, что термин «креолизация» может иметь как положительное, так и негативное значение. Так, казахстанский литературовед и переводчик Г. Бельгер, анализируя развитие казахского языка, указывает на его тенденцию к креолизации по типу гаитянского варианта. По его мнению, это приводит к превращению казахского языка в «второстепенную тень» более развитого языка, в данном случае русского [124]. Этот взгляд обоснован, поскольку затрагивает динамику живого языка, особенно в его устной форме. Однако в современный период казахский язык приобретает большую самостоятельность, что подтверждается его широким распространением и активным развитием в различных сферах общественной жизни.

Несомненно, человеческий фактор играет решающую роль в процессе креолизации. Переводчик, как субъект литературного и межкультурного взаимодействия, должен обладать глубоким знанием культуры оригинала и принимающей стороны, а также уметь создавать сбалансированное сочетание языков и культур в переводе.

В данном исследовании термин «креолизация» используется в нейтральном значении, обозначая процесс взаимовлияния языков и культур. Согласно определению А. Поповича, креолизация в переводческом аспекте представляет собой переплетение двух языков и культур, при котором перевод одновременно выполняет две функции: сохранение культуры и языка оригинала и адаптацию к принимающему языку [110].

Основная задача переводчика – балансировка межпространственного фактора, чтобы избежать чрезмерного влияния как культуры оригинала, так и культуры перевода. Ю. Сорокин определяет переводчика как «креативного» субъекта [125, С. 52–53], однако чрезмерная творческая интерпретация может привести к нарушению баланса: доминирование креативности переводчика создает ситуацию первого типа креолизации, а ее недостаток – ситуацию второго типа.

В нашем случае процесс перехода прототекста 1 в метатекст 1 сопровождался влиянием русского языка и культуры на английский оригинал. Дальнейший перевод на казахский язык и трансформация метатекста 1 в метатекст 2 оказались еще более сложными, поскольку креолизация приобрела многоуровневый характер. В данном случае произошла интеграция особенностей казахского языка и культуры, переданных через переводческую интерпретацию Е.А. Букетова, что усложнило процесс адаптации и внесло дополнительные культурно-языковые слои.

Анализ креолизации в переводе трагедии «Юлий Цезарь» У. Шекспира охватывает расширенное поле исследования, поскольку осуществляется работа сразу с двумя метатекстами. В метатексте 1 прослеживается взаимодействие английского и русского языков и культур, тогда как метатекст 2 представляет собой более сложный случай, в котором происходит синтез английского, русского и казахского языков и культур.

Несмотря на то, что русский и английский языки относятся к индоевропейской языковой семье, между ними существуют значительные различия. Хотя славянская и германская группы имеют общие генетические корни, английский язык, в силу островного развития, утратил систему согласования в предложении, характерную для германских языков, и перешел к примыканию, что сближает его с тюркскими языками. В связи с этим грамматическая структура русского языка, основанная на согласовании членов предложения, оказала влияние на процесс перевода пьесы «Юлий Цезарь» на русский язык.

В отличие от русского, казахский язык принадлежит к алтайской семье, кипчакской группе, и, как и английский, характеризуется примыканием как основным способом связи слов в предложении [126]. Это сближает его с синтаксической структурой английского языка, что может играть важную роль в переводе. Казахский язык обладает сложной структурой предложений, а его падежная система и система временных форм (например, наличие аналогов Perfect Continuous Tense) демонстрируют типологическое сходство с английским языком.

Кроме того, отмечается ряд фонетических соответствий между специфическими звуками английского и казахского языков, например:

- h – h
- n – ŋ
- e – z

Эти факты подчеркивают необходимость учета как исторического развития, так и современного состояния анализируемых языков, что позволяет глубже понять их структурные особенности и роль в процессе перевода и адаптации текста.

Анализ лексики и грамматической структуры языка позволяет выявить ментальные особенности народа, а также дать характеристику его культурному и образовательному уровню как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Рассмотрим на материале нашего исследования, насколько возможна креолизация культур народов, принадлежащих к разным языкам и различным этническим территориям, разным языковым семьям и группам.

Нами исследуются тексты английского (оригинал), русского (перевод), казахского (перевод) языков.

В то же время взаимодействуют три языка и культуры: английская, относящаяся к западной, в достаточной степени консервативной; русская, славянская, через культуру переводчика М. Зенкевича, в большей степени интеллигентная; казахская, с традициями и своеобразием, относящимся к образу жизни казахов, но через призму переводчика Е.А. Букетова, впитавшего и как русскую, так и западную культуру, в большей степени рафинированная и ближе к культуре таких образованных казахов начала века, как Ахмет Байтурсынов и другие. Если схематично представить названные языки и культуры в виде кругов, то можно обратить внимание на те сегменты, где происходит сам процесс креолизации.

Анализ наложения схематических изображений позволяет проследить процесс креолизации, в ходе которого взаимодействуют три языка и три культуры, при этом сохраняется инвариантный корпус

прототекста 1 и прототекста 2, а в метатексте 1 и метатексте 2 формируется вариативный корпус.

Простая количественная оценка сегментов показывает, что наибольшее сохранение элементов наблюдается в отношении английского языка и культуры. Однако далее следует представленность элементов метатекста 1, после чего происходит их дальнейшая трансформация в метатексте 2, где усиливается влияние казахского языка и культуры.

Отсюда можно сделать гипотетический вывод о том, что процесс перевода не безопасен для оригинала, так как он будет все меньше сохранять процент первичного языка и культуры, чем большее количество метатекстов будет присутствовать в процессе перевода, то есть процесс креолизации в отрицательном смысле возрастает.

В данном контексте переводчик играет ключевую роль в процессе адаптации текста, выступая в качестве посредника между оригиналом и принимающей культурой. От его лингвистической компетенции, культурной осведомленности и переводческой стратегии зависит степень сохранения особенностей оригинального текста, включая лексические, грамматические и стилистические характеристики. Таким образом, переводчик не только передает языковую структуру, но и обеспечивает сохранение или трансформацию культурного кода, что непосредственно влияет на степень креолизации финального метатекста 2.

Например:

The Ides of March - мартовские иды - марттын ида күні

Prætor- преторы - преторлар

Augurers- авгуры - коріпкелі барлар

Legion – легион - легион

Battlement - бойница

Proscription – проскрипция – үкім

Robe - toga

Cariot – колесница – күйме

Культурные реалии Древнего Рима, представленные в оригинальном тексте, по-разному воспринимаются в целевых языках. В русском языке многие из этих терминов давно вошли в лексикон как заимствования из латыни, в то время как в казахском языке подобные слова требуют либо калькирования, либо смысловой адаптации.

Для удобства восприятия предлагаем структурную таблицу 2 с вышеизложенными примерами и способами их передачи в Метатекстах

Таблица 2 - Сравнительный анализ терминов в протексте и метатекстах с указанием способов адаптации

Термин (латынь/Протекст)	Метатекст 1	Метатекст 2	Способы адаптации
The Ides of March	мартовские иды	марттың ида күні	Калькирование с пояснением
Praetor	Претор	Преторлар	Займствование (в русском); транслитерация (в казахском)
Augurers	Авгуры	Көріпкелдер	В русском – займствование, в казахском – замена на местный термин «провидцы»
Legion	Легион	Легион	Прямое займствование в обоих языках
Battlement	Бойница	-	В русском передано калькой, в казахском отсутствует
Proscription	Проскрипция	Үкім	В русском займствование, в казахском – смысловая адаптация «үкім» (указ, постановление)
Robe	Тога	-	В русском использован культурный эквивалент, в казахском отсутствует
Chariot	Колесница	Үйме	В русском нейтральный эквивалент, в казахском – адаптация через термин национального транспорта

Русский язык, как более рано взаимодействовавший с европейской лексикой, сохраняет большое количество латинских займствований, что делает возможным прямое займствование терминов (преторы, легионы, проскрипции, авгуры). В казахском языке прямой калькировки мало, так как подобные понятия отсутствовали в традиционной культуре, а потому требуется семантическая адаптация.

Например:

- «Augurers» → «көріпкелдер» (предсказатели, ясновидцы) – в казахском языке нет точного аналога латинского *augur*, но традиционно роль предсказателей выполняли көріпкелдер – люди, обладающие способностью видеть будущее.

- «Proscription» → «үкім» – термин *proscriptio* в римском праве означал государственный указ о внесении кого-либо в список врагов государства. В русском языке термин был займствован как «проскрипция», а в казахском переведен как «үкім» (что буквально означает «указ, постановление, приговор»), что передает общий смысл, но теряет юридическую специфику римского контекста.

Термины, относящиеся к римской цивилизации, несут в себе историческую и культурную нагрузку, поэтому их сохранение или адаптация в переводе зависит от уровня восприятия целевой аудиторией.

- В русском языке латинизмы и исторические термины легко воспринимаются благодаря общей традиции использования античных реалий в литературе, истории и праве. Например, слово «проскрипция» напрямую ассоциируется с репрессиями античного Рима, а «тога» сразу вызывает представление о римском гражданине.

- В казахском языке отсутствуют прямые исторические параллели с римской культурой, поэтому перевод требует семантического перефразирования, чтобы передать смысл через понятные аудитории концепции (например, использование слова «күйме» для обозначения колесницы).

С течением времени иностранные слова, реалии чужой культуры становятся частью языка перевода, если они имеют историческую, культурную и социальную значимость. Например:

- Слово «претор» в русском языке давно стало историзмом, используемым в научной литературе, кино и художественной литературе без необходимости пояснения.

- Термин «тога» настолько прочно вошел в культуру, что не требует перевода – читатель сразу понимает, о чем идет речь.

- В казахском языке, где античная традиция не является частью культурного кода, некоторые термины могут не закрепиться (например, слово «тога» в казахской версии отсутствует).

Процесс перевода культурно-специфических реалий демонстрирует два основных подхода: заимствование (как в русском языке) и адаптация через аналогичные понятия (как в казахском языке). Русский язык, благодаря долгому взаимодействию с западной традицией, сохраняет множество латинских терминов без изменений, тогда как в казахском переводе требуется поиск более естественных эквивалентов. Это показывает, что со временем иностранные элементы могут становиться частью языка перевода, если они актуальны для культуры и воспринимаются как значимые концепты.

Анализ проблемы креолизации в переводе трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» на русский и казахский языки показывает, что перевод - это сложный многоуровневый процесс языкового и культурного взаимодействия, в котором происходит не только передача смысла, но и адаптация культурного кода оригинала к восприятию целевой аудитории. Основные выводы исследования можно структурировать следующим образом:

1. Креолизация в переводе — это результат соприкосновения как минимум двух языковых и культурных систем. В случае казахского перевода поэтической драмы Шекспира наблюдается тройной процесс креолизации: взаимодействуют английская, русская и казахская культуры. Это формирует метатекст второго уровня, в котором совмещаются:

- оригинальный стиль и реалии Шекспира (K1),
- интерпретация и культурные особенности русского языка через перевод М. Зенкевича (K2),
- казахская языковая и культурная адаптация в интерпретации Е.А. Букетова (K3).

2. Баланс креолизации — ключевая задача переводчика. Чрезмерное доминирование культуры оригинала или переводной культуры приводит либо к непонятности, либо к потере авторской идентичности. Е.А. Букетов, как двуязычный и культурно компетентный переводчик, стремится удерживать равновесие между точностью, понятностью и стилевой адекватностью, тем самым создавая сбалансированный креолизованный текст.

3. Сравнительный анализ реалий показывает, что:

- Русский перевод чаще использует латинские заимствования (претор, авгур, проскрипция, тога), что связано с более глубокой интеграцией античных понятий в русскую культуру.
- Казахский перевод использует семантическую адаптацию (көріпкел, үкім, күйме), опираясь на аналогии в родной культуре или метафорические замены. Это отражает большее культурное расстояние между казахским и античным мировоззрением, а также ориентированность на понятность для казахского читателя.

4. Стилистическая и прагматическая адаптация в казахском переводе проявляется в:

- усилении экспрессивности,
- применении метафор и фразеологических оборотов,
- сохранении национального колорита,
- при этом возможны потери точности юридических или культурно-специфических терминов (например, тога отсутствует вовсе).

5. Проблема потери культурной информации в ходе последовательных переводов (от Прототекста 1 к Метатексту 1 и далее к Метатексту 2) подтверждает гипотезу о том, что многоступенчатая переводческая интерпретация может приводить к прогрессивному искажению или сглаживанию исходной культурной специфики. Это

характерно для косвенных переводов, где каждый следующий этап увеличивает культурное и языковое расстояние от оригинала.

6. Тем не менее, казахский перевод, несмотря на сложности, не разрушает оригинал, а пересоздает его в новом языковом и культурном контексте, формируя уникальное культурное явление — текст, в котором западная трагедия прочитывается через призму казахского менталитета.

Итог: перевод трагедии «Юлий Цезарь» Е.А. Букетовым — это не просто межъязыковой перенос, а межкультурный диалог, в котором креолизация становится не утратой, а формой адаптации и сохранения смысла. Это подтверждает мысль о том, что перевод — это не зеркальное отражение, а творческий акт репрезентации и переосмысления, в котором ключевая роль отводится личности переводчика как медиатора между культурами.

3.7 Метафорика и адаптивное транскодирование в художественном переводе

В процессе перевода, ввиду существующих различий между языковыми системами, неизбежно возникают потери, добавления и искажения информации, особенно в тех элементах локуции, которые не выполняют пропозициональной функции в иллокутивном акте. Современные этнолингвистические модели коммуникации определяют перевод как процесс создания эквивалента оригинального текста на другом языке, который максимально точно передает его смысл и стилистические особенности.

Язык является не просто средством общения, но и ключевой формой существования и выражения национальной культуры. Он развивается внутри культуры, прорастает в нее и отражает ее специфические черты. В этом контексте показателен взгляд Э. Сепира, который утверждал: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [96,]. Таким образом, язык выступает как реализованная внутренняя форма культуры, способ аккумуляции и передачи культурных знаний.

Человек погружается в «мир культуры», осваивая различные языковые системы, характерные как для материальной, так и для духовной культуры. Национальная культура неизбежно взаимодействует с иными языками и традициями, способствуя взаимному обогащению, что в конечном итоге ведет к формированию

целостного культурного пространства – мировой культуры, воплощающей достижения всего человечества.

Художественные тексты являются не только формой эстетического выражения, но и важным средством межкультурной коммуникации, передающим национально-культурные особенности языка, мировоззрение и когнитивные модели [127]. Одним из ключевых элементов художественной речи являются метафоры, которые выполняют не только образную, но и концептуальную функцию, отражая систему ценностей и ментальные установки народа. Как отмечается в литературоведческих исследованиях, «художественные тексты – наиболее распространённое средство межкультурной коммуникации» [128, С. 74].

Особенно значима роль метафор в драматическом дискурсе, где они усиливают экспрессию, эмоциональное воздействие и образность высказывания. В трагедии, как одном из жанров драматического искусства, метафорические конструкции часто используются для передачи глубокой философской мысли, нравственных и этических дилемм, усиления драматического эффекта. Это характерно и для военного дискурса, поскольку многие трагедии строятся на конфликтах власти, борьбы и жертвенности.

Перевод подобных конструкций представляет собой сложную задачу, требующую не только сохранения семантики, но и адекватной передачи стилистического регистра, культурных аллюзий и образных ассоциаций. Рассмотрим особенности перевода метафорических выражений из трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» на русский и казахский языки, проанализировав используемые лексико-семантические, стилистические, прагматические и адаптационные стратегии.

Примеры из пьесы «Юлий Цезарь» У. Шекспира и их переводы:

- To bear too stubborn and too strange a hand over smb. – держать кого-либо в суровой узде – біреуді салқын тарта ұстау
- To be underneath the age's yoke – под ярмом порабощенья – құлдық қамытын киген жайда
- Spark of life – искра жизни – тұрғанына ат
- O conspiracy! Sham'st thou to show thy dangerous brow by night, when evils are most free? – О заговор, стыдишься ты показываться ночью, когда привольно злу. – Уа қасастық! Зұлымдыққа арналған жүзінді сен көрсетуге ұялдың.
- Enjoy the honey-heavy dew of slumber – упивайся медвяной тягостной росой дремоты – жанға жайлы ұйқының бал шырынын тәттілеп тояттай түс

- My heart laments that virtue cannot live out of the teeth of emulation – душа скорбит о том, что доблесть может пасть от зубов завистничества злого – ерлік пенен даналық пасық қызғаншақтыққа болады деп курмалдық, жаным удай ашиды

- A bustling rumour, like a fray – гул внезапный и мятежный – бір сұрапыл гуілі кілт

Метафора формирует лексическую систему, передающую мышление, характер и уровень образованности человека, а также отражающую его восприятие окружающей действительности. В метатекстах можно проследить, насколько успешно были найдены эквиваленты в языках перевода и какие приемы адаптации использовались для передачи стилистических особенностей оригинала.

С точки зрения коммуникативной функции, цель оригинального текста – выразить драматизм, философскую глубину размышлений персонажей и усилить трагическую атмосферу.

Рассмотрим примеры:

- «O conspiracy! Sham'st thou to show thy dangerous brow by night, when evils are most free?»

- Русский перевод: «О заговор, стыдишься ты показываться ночью, когда привольно злу.»

- Казахский перевод: «Уа қаастастық! Зұлымдыққа арналған жүзінді сен көрсетуге ұялдың.»

Как видно, в метатексте 1 сохраняется торжественная интонация, создается эффект патетического восклицания. В свою очередь, Метатекст 2 усиливает эмоциональную окраску за счет слова «уа» (возглас, часто встречающийся в казахской поэтике), что делает обращение более проникновенным для носителей языка.

- «Enjoy the honey-heavy dew of slumber»

- «упивайся медвяной тягостной росой дремоты»

- «жанға жайлы ұйқының бал шырынын тәттілеп тояттай түс.»

Метатекст 1 сохраняет аллитерацию (медвяной – тягостной – росой), что передает мелодичность оригинала. Метатекст 2 добавляет выражение «жанға жайлы» («приятный для души»), что делает образ более эмоционально насыщенным и уютным для восприятия.

В рамках культурной адаптации перевод требует учета культурного контекста, особенно в языках с разными историко-культурными традициями.

- «To be underneath the age's yoke»

- «под ярмом порабощенья»

- «кұлдық қамытын киген жайда»

Как видно в Метатексте 1 сохраняется метафора «ярмо», традиционная для описания угнетения.

В Метатексте 2 «құлдық қамыты» («хомут рабства») – более точное понятие, связанное с кочевой культурой, где хомут использовался для упряжных животных. Этот образ ближе казахскому менталитету.

- «Spark of life»
- «искра жизни»
- тұрғанына ат» (буквально: «имя живущего»)

Здесь переводчик Метатекста 1 использует прямой аналог, привычный носителям языка.

Переводчик Метатекста 2 предложил новую интерпретацию, где подчеркивается философский смысл жизненного пути. Это свидетельствует о культурной адаптации образа.

Далее рассмотрим стилистический и прагматический аспект трех сравниваемых текстов.

В Метатексте 1 сохраняются классические приемы возвышенного стиля: риторические вопросы, инверсия, архаические конструкции, что приближает текст к торжественному звучанию.

В Метатексте 2 добавляются характерные для национальной поэзии аллитерации, повторения, что делает текст более мелодичным и эмоционально насыщенным.

Следующий пример:

- «My heart laments that virtue cannot live out of the teeth of emulation»
- «душа скорбит о том, что доблесть может пасть от зубов завистничества злого»
- «ерлік пенен даналық пасық қызғаншақтыққа болады деп құрмалдық, жаным удай ашиды»

Можно утверждать, что Метатекст 1 близок к оригиналу, сохраняет аллегорический образ «зубов зависти». При этом в Метатексте 2 добавлено слово «құрмалдық» (жертва, принесение в жертву), что усиливает трагический оттенок.

В рамках описания переводческой деятельности современная теория перевода учитывает, что переводчик, выступая в роли языкового посредника, может не только осуществлять непосредственный перевод текста с одного языка на другой, но и выполнять различные формы адаптивного транскодирования. Этот процесс выходит за пределы традиционного перевода и включает в себя преобразование исходного сообщения с учетом специфики целевой аудитории, коммуникативной ситуации, стилистических и культурных особенностей.

Адаптивное транскодирование представляет собой особый вид межъязыкового посредничества, при котором осуществляется не только передача информации с одного языка на другой, как это происходит при классическом переводе, но и ее трансформация. Данный процесс включает адаптацию содержания с целью его представления в иной форме, соответствующей не только лексико-грамматической организации исходного текста, но и специфическим требованиям межъязыковой коммуникации. В отличие от традиционного перевода, при котором стремятся сохранить максимальную эквивалентность оригиналу, адаптивное транскодирование направлено на изменение формы представления информации, что может включать семантическую переформулировку, стилистическое упрощение или усложнение, а также учет прагматических факторов, определяющих восприятие текста в другой языковой и культурной среде.

В следующем примере адаптивное транскодирование проявляется в различной интерпретации оригинального выражения в переводе на русский и казахский языки. Данный процесс можно рассмотреть с точки зрения лексико-семантических, стилистических и прагматических аспектов перевода, а также степени адаптации к целевой аудитории.

It was Greek to me

Это было греческой тарабарщиной

Мен үшін онын айтқаны балдыр-бытпақ бірдеме

Адаптивное транскодирование выражения «It was Greek to me» в русском и казахском переводах демонстрирует различные уровни адаптации, ориентированные на восприятие целевой аудитории. В оригинале данное выражение является фразеологизмом, обозначающим непонятную, чуждую речь, и не связано напрямую с греческим языком. Русский перевод «Это было греческой тарабарщиной» частично сохраняет структуру оригинала, но добавляет слово «тарабарщина», которое в русском языке означает бессмысленный набор звуков. Однако включение прилагательного «греческий» в данном контексте не является естественным для русской языковой картины мира, что делает перевод компромиссным между калькированием и адаптацией. В свою очередь, казахский вариант «Мен үшін оның айтқаны балдыр-бытпақ бірдеме» использует полностью адаптированное выражение, передающее ту же идею через фразеологизм «балдыр-бытпақ», означающий путаную, невнятную речь. Данный подход исключает буквальный перевод, но сохраняет прагматический эффект оригинала, делая его естественным для казахской аудитории. Таким образом, русский вариант демонстрирует частичную адаптацию, сохраняя

узнаваемость оригинальной идиомы, тогда как казахский перевод представляет собой полную адаптацию, используя национальный фразеологизм, который полностью заменяет исходное выражение. Этот случай показывает, что адаптивное транскодирование может варьироваться от дословного переноса к глубокой культурной трансформации, в зависимости от особенностей целевого языка и восприятия аудитории.

Проведённый анализ метафорических выражений и стратегий перевода трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» на русский и казахский языки позволяет сделать следующие ключевые выводы:

1. Перевод метафор в драматическом дискурсе требует не просто языкового соответствия, но и глубокой культурной адаптации. Метафоры, будучи носителями ментальных и ценностных моделей народа, становятся инструментом передачи не только эстетики, но и мировоззрения. Их адекватная передача напрямую зависит от способности переводчика сохранить эмоциональный, стилистический и концептуальный потенциал оригинала.

2. Метатекст 1 (русский перевод) ориентирован на сохранение структуры и торжественности оригинала, в нём выдержан классический стиль, однако часть образной и культурной экспрессии оригинала утрачивается либо сглаживается. В этом переводе часто наблюдается компромисс между калькой и адаптацией.

3. Метатекст 2 (казахский перевод) демонстрирует высокую степень экспрессивности и культурной адаптации, опираясь на национальные поэтические традиции, эмоциональные конструкции и образные средства казахского языка. При этом отдельные переводы демонстрируют семантические сдвиги и интерпретации, которые усиливают эмоциональное воздействие, но могут удаляться от буквального смысла оригинала.

4. Адаптивное транскодирование становится важным инструментом при передаче выражений, которые не имеют прямых эквивалентов в языке перевода. Пример с фразеологизмом “It was Greek to me” показывает два разных подхода:

- Русский перевод сохраняет узнаваемость оригинала, прибегая к компромиссному варианту.
- Казахский перевод выбирает полную адаптацию, используя национальный фразеологизм (балдыр-бытпақ бірдеме), обеспечивая естественность и понятность для целевой аудитории.

5. Формирование креолизованного текста на примере казахского перевода подтверждает, что перевод художественного текста – это не репродукция, а культурная репрезентация, в которой

личность переводчика, его стилистические предпочтения и культурный опыт играют определяющую роль.

6. Перевод как межкультурное посредничество демонстрирует: чем выше степень лингвокультурной чувствительности переводчика, тем больше шансов на успешную передачу эмоционально-образного содержания, при этом выбор между дословностью и адаптацией всегда должен соотноситься с задачей сохранить прагматический эффект оригинала.

3.8 Переводческое мастерство: между точностью и адаптацией

На этом этапе мы уже привели немало примеров о значимости экстралингвистических факторов в художественном переводе. Переводческая деятельность требует не только владения языковой парой, с которой работает специалист, но и глубокого понимания множества экстралингвистических факторов, определяющих содержание и стиль оригинального произведения. Особенно это касается перевода художественной литературы, где текст представляет собой не просто совокупность лексических единиц, а сложную систему смыслов, эстетических концепций и культурных кодов. Переводчик художественных произведений должен не только в совершенстве владеть исходным и целевым языками, но и тщательно изучать личность автора, его интеллектуальный уровень, эстетические взгляды, мировоззрение, принадлежность к тому или иному литературному направлению, а также социально-исторический контекст создания произведения.

Важнейшими аспектами работы переводчика являются понимание исторической и политической обстановки эпохи, к которой принадлежит автор, и учет национально-культурных особенностей исходного текста. Все эти элементы оказывают непосредственное влияние на выбор писателем художественных средств, тематику и структуру его произведений, а также на его основные идеи и цели. Недостаточное внимание к этим аспектам может привести к неточностям, потере художественного замысла или даже искажению смысла оригинального текста.

Американский лингвист Н. Хомский, размышляя о проблемах перевода, подчеркивает сложность воспроизведения смысла текста без привлечения экстралингвистической информации. Он отмечает: «Хотя имеется много оснований для того, чтобы верить в то, что языки в значительной степени сделаны по одному и тому же образцу, мало

оснований полагать, что разумные процедуры перевода вообще возможны. Под «разумной процедурой» я имею в виду такую процедуру, которая не включает в себя экстралингвистическую информацию, то есть не содержащую «энциклопедических сведений» [129, с. 147]. Это утверждение указывает на фундаментальную роль знаний, выходящих за пределы языковой структуры, в процессе перевода.

Таким образом, художественный перевод требует не только языковой компетенции, но и широкой эрудиции, способности анализировать и интерпретировать текст с учетом его культурно-исторического контекста. Переводчик выступает не просто как транслятор слов, но как посредник между культурами, передающий не только языковую информацию, но и эстетические и идейные ценности оригинала.

Первый этап работы переводчика включает визуальный анализ, который может охватывать структуру исходного текста, его форматирование, расположение элементов, а также возможные графические или невербальные компоненты, влияющие на смысловое восприятие. Визуальный анализ особенно важен при переводе текстов с таблицами, иллюстрациями и сложной версткой, а также при работе с литературными произведениями, где графическое представление может нести семантическую нагрузку.

Следующий важный аспект – знание языка, которое предполагает владение как исходным, так и целевым языком на глубоком уровне. Это включает в себя лексическую, грамматическую и стилистическую компетенции. В схеме дополнительно выделены фреймы, что указывает на роль когнитивных структур в процессе перевода. Фреймы представляют собой концептуальные модели, определяющие, как носители языка воспринимают мир, интерпретируют информацию и используют язык в конкретных контекстах.

На завершающем этапе переводчик формирует собственное восприятие произведения, что включает интерпретацию его идей, тональности и художественных особенностей. Этот этап особенно значим при работе с художественными текстами, где важно передать не только фактическое содержание, но и стиль, эмоции и авторский замысел.

Все эти факторы в совокупности приводят к созданию итогового текста, который является результатом сложного взаимодействия знаний, анализа и интерпретации. Таким образом, представленная схема демонстрирует, что процесс перевода выходит за рамки простой языковой трансформации и включает в себя множество

интеллектуальных и аналитических аспектов, обеспечивающих качественный и точный перевод.

Как мы упомянули ранее, произведение «Юлий Цезарь» было переведено на русский язык М.А. Зенкевичем, который был ярким представителем литературного течения – акмеизма [130]. Так случилось, что большая часть стихотворений этого поэта и вся проза при жизни не были напечатаны. Последний поэт поколения акмеистов Михаил Зенкевич замыкает собой им же самим физически продленный Серебряный век. Даже в условиях тоталитарного режима, вследствие того, что поэт больше относился к запрещенным советской цензурой, он не переставал создавать стихи и прозу, хотя для интеллигентной публики его имя связывалось в основном с переводческой деятельностью, и прежде всего с открытием поэзии Америки для русского читателя. В послевоенные и 50-е годы выходят книги переводов Михаила Зенкевича («Из американских поэтов», 1946); драмы Шекспира «Мера за меру» (1949), «Юлий Цезарь» (1959), поэма П. Негоша «Горный венец» (1948; 1955), изредка появляются в периодике собственные стихи. Большой успех имело стихотворение «Найденыш», 1955.

Знаменательна рецензия В. Гиппиуса, написанная им в 1912 году, для одной из книг М.Зенкевича, где в частности он пишет: «Книга М. Зенкевича оставляет впечатление больших возможностей, большой борьбы и равно частых поражений и побед. Значительно и ново прежде всего его ощущение мира, проникновение в то, что М. Баратынский назвал «дикой порфирой» природы, а В. Соловьев – «грубою корою вещества». Пропитанный научным натурализмом, видящий в «радостном мире» человеческого тела, прежде всего «алое мясо и розовый жир», М.Зенкевич обладает тем же «кровожадным нюхом», как герой его Коммод, который любил, «как конюх, пар конюшен и запах бойни, как мясник». Далее В. Гиппиус говорит о поэтике Михаила Зенкевича: «Стих его насыщен и груб, часто намеренно груб, но именно потому он иногда достигает большой изобразительности» [131]. Тенденция к использованию жесткого – прямого перевода прослеживается в метатексте.

Например:

Some poor remains of friends, rest on this rock

Остатки жалкие друзей, на отдых

Вместо более нейтрального и привычного для русской поэзии варианта («бедные останки друзей», «жалкие остатки друзей»), перевод сохраняет жесткую лексическую структуру, передающую оттенок необратимого распада и утраты. Перевод сохраняет лаконичность

оригинала, что соответствует принципу Зенкевича избегать избыточных синтаксических конструкций. Например, финальная часть «rest on this rock» → «на отдых» передана максимально сокращенно, без вспомогательных глаголов.

Обратимся к портрету переводчика Е.А. Букетова, который выполняя данные переводы, стремился к максимально точной передаче смысла оригинала, одновременно прибегая к умеренной адаптации с целью обеспечения естественности звучания текста в целевом языке [132]. В тех случаях, когда это было возможно, он находил более нейтральные лексические соответствия, что позволяло смягчить резкость отдельных выражений и сделать их восприятие более гармоничным для носителей казахского языка.

Примером такого подхода является перевод фразы «Остатки жалкие друзей, на отдых» как «Сирек қалған достарым, дем алайық». В данном случае Метатекст 1 имеет грубоватый, почти разорванный ритм, создающий ощущение усталости и безысходности. Метатекст 2 сохраняет смысл, но передает его более мягко, заменяя выражение «остатки жалкие друзья» на «сирек қалған достарым» (буквально: «оставшиеся редкие друзья»). Такая замена позволяет избежать прямой коннотации распада и разрушения, передавая мысль в более философском, но не столь мрачном ключе.

Еще одним примером является перевод строки «День наш кончен» как «Күн таусылып, түн туыпты». Русский вариант несет ощущение абсолютной окончательности, подчеркивая безвозвратное завершение чего-либо, что может быть интерпретировано как метафора приближения конца жизни или наступления необратимых событий. В казахском переводе данное выражение смягчается благодаря использованию формы «түн туыпты» («ночь родилась»), которая, в отличие от русского варианта, сохраняет намек на цикличность времени. Такая формулировка подразумевает, что ночь не является окончательным концом, а лишь естественным переходом ко следующему дню, что оставляет надежду на возобновление и продолжение.

Таким образом, Е.А. Букетов в своем переводческом подходе использует комбинированную стратегию, стремясь сохранить смысловую точность, но при этом вносить адаптивные изменения, которые делают текст более мягким, гармоничным и соответствующим мировосприятию казахской аудитории. Его перевод подчеркивает не только буквальную передачу смысла, но и эмоциональную трансформацию, которая делает текст более приемлемым для восприятия в рамках казахской языковой и культурной среды.

3.9 Отзвуки смысла: эквивалентность и превращение слова в переводе

Любому переводчику при выполнении перевода приходится решать, как с наименьшими потерями сохранить эквивалентную «передачу» содержания. Те элементы текста в переводе, которые были сохранены, называются инвариантом, то есть, мера сохранения инварианта – мера сохранения эквивалентности [110]. Отсюда вытекает, что эквивалентность перевода подразумевает относительную общность оригинала и перевода при отсутствии их тождества. Под тождеством понимается абсолютная аутентичность перевода оригиналу. Естественно, степень эквивалентности может быть различной [133, С. 45]. Норма эквивалентности перевода не является неизменным параметром. В каждом конкретном случае тип эквивалентности определяется как соотношением единиц исходного языка и языка перевода, так и учетом прагматических факторов, воздействующих на акт перевода.

Полностью или частично эквивалентные единицы и потенциально равноценные высказывания объективно существуют в исходном языке и языке перевода, однако их правильная оценка, отбор и использование зависят от знаний, умений и творческих способностей переводчика, от его умения учитывать и сопоставлять всю совокупность языковых и экстралингвистических факторов.

В целом эквивалентом называют единицу речи, совпадающую по функции с другой, способную выполнять ту же функцию, что другая единица речи или элементы двух языков, функционально соответствующих друг другу в пределах данного контекста.

Проанализируем, какие определения эквивалентности приводят ученые. В своей книге «Проблемы художественного перевода» теоретик перевода А. Попович, под стилистической и содержательной эквивалентностью понимает «функциональную равноценность элементов оригинала и перевода» [110, С. 197].

Существует и другое определение перевода, которое дает известный экссоветский исследователь перевода В.Н. Комиссаров: «Эквивалентность перевода - общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода» [134, С. 251].

Согласно нашей позиции краткое резюме по определению эквивалентного перевода, звучит следующим образом: «Эквивалентным переводом называется перевод, воспроизводящий содержание иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности». Под содержанием оригинала подразумевается вся

передаваемая информация, включая как предметно-логическое (денотативное), так и коннотативное значение языковых единиц, составляющих переводимый текст, а также прагматический потенциал текста. По определению, любой адекватный перевод должен быть эквивалентным (на том или ином уровне эквивалентности), но не всякий эквивалентный перевод признается адекватным, а лишь тот, который отвечает, помимо нормы эквивалентности, и другим нормативным требованиям, указанным выше.

Следует различать потенциально достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность - реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе.

Вслед за В.Н. Комиссаровым, который понимает уровни (типы) эквивалентности как разные степени смысловой близости ИТ и ПТ и различает их соответствие на уровнях: 1) цели коммуникации; 2) идентификации ситуации; 3) способа описания ситуации; 4) значения синтаксических структур; 5) значения словесных знаков, мы провели анализ эквивалентности перевода в наших Метатекстах.

Эквивалентность переводов первого типа заключается в сохранении только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации.

Например:

Прототекст

What trade, thou knave? Thou naughty knave, what trade?

Nay, I beseech, sir, be not out with me: yet, if you be out, sir, I can mend you.

What meanest thou by that? Mend me, thou saucy fellow!

Why, sir, cobble you.

Метатекст 1

Какое ремесло? Эй ты, бездельник.

Прошу вас, сударь, не расходитесь, ежели у вас что-нибудь разойдется, я вам залатаю.

Что мелешь ты? Меня латать ты хочешь грубиян!

Да, сударь, залатаю вам подошвы.

Метатекст 2

- Ол не кәсіп? Жөндеп айт; арамамақ ку.
- Мысалы сіз, таксыр, далимаңыз! Далисаңыз бірденеңіз көріне бастар да, мен соны жамап жаба қоярмын.
- Әй, не деп оттап тұрсын? Немді жамамақсын дөрекі неме.
- Мысалы, таксыр, ұлтаныңызды жамамақпын.

Переводы на русский и казахский языки успешно передают цель коммуникации, заложенную в оригинальном тексте, сохраняя его игровую природу и комический эффект. В Прототексте используется ирония, сарказм и игра слов, основанная на многозначности выражений, таких как *be out* (разозлиться/разойтись) и *tend* (чинить/исправлять). В Метатексте 1 игра слов сохранена, но звучит более формально и литературно, смягчая грубость оригинала. Например, слово *knave*, имеющее негативную коннотацию, передано как «бездельник», что делает обращение менее резким. Метатекст 2, напротив, ближе к экспрессивности оригинала, используя выражение «арамтамақ ку», которое точнее передает оттенок презрения. Вторая часть диалога, где ремесленник использует двусмысленность, также отражена в обоих переводах. В Метатексте 1 сохраняется комический эффект через конструкцию «не расходитесь, ежели у вас что-нибудь разойдется», но звучит несколько формальнее. Метатекст 2 передает эту же игру слов более естественно для разговорной речи, используя выражение «далимаңыз» (не выходите из себя), что сохраняет многозначность оригинала. Однако в обоих переводах финальный саркастический ответ ремесленника раскрывает игру слов раньше, чем в оригинале, так как в русском варианте добавлено слово «подошвы», а в казахском — «ұлтан» (подошва), что делает шутку более явной. В целом, оба перевода соответствуют эквивалентности первого типа, так как передают основную цель коммуникации – комичность диалога и насмешливый тон ремесленника. Однако казахский вариант ближе к оригиналу по экспрессивности, в то время как русский тяготеет к литературной норме, смягчая грубость и делая юмор более очевидным.

Вторую группу переводов можно проиллюстрировать следующими примерами.

Например:

my eyes began to water
мои глаза слезятся
мені де жылатты ғой

Переводы на русский и казахский языки демонстрируют эквивалентность второго уровня, то есть сохранение идентичности описанной ситуации, несмотря на возможные изменения в грамматической или лексической структуре. В английском выражении «My eyes began to water» передается процесс слезоотделения, который может быть вызван как физиологическими причинами (раздражение глаз, холодный воздух), так и эмоциональной реакцией. Русский перевод «Мои глаза слезятся» сохраняет ситуацию оригинала, но изменяет грамматическую структуру: вместо конструкции с началом действия (began to water) используется описание текущего состояния (слезятся). При этом смысловая точность перевода остается высокой, так как передается тот же физиологический процесс без изменения интерпретации. В казахском варианте «Мені де жылатты ғой» (Меня тоже заставило заплакать) смещается фокус восприятия: если в оригинале акцент ставится на глазах, то в казахском переводе акцент переносится на человека, который испытывает эмоции. Это делает фразу субъективной, создавая эффект эмоциональной реакции вместо физиологического описания. Частица «ғой» усиливает эмоциональную выразительность, что дополнительно изменяет тональность высказывания. Таким образом, русский перевод сохраняет ситуацию с высокой точностью, тогда как казахский вариант адаптирует интерпретацию, подчеркивая эмоциональный аспект. Однако в обоих случаях сохраняется общая картина происходящего, что подтверждает эквивалентность второго уровня, несмотря на различие в языковых средствах выражения.

Третий уровень эквивалентности по В.Н. Комиссарову касается способа описания ситуации, то есть того, какие языковые средства используются для передачи одной и той же ситуации в разных языках. На этом уровне важно, как именно переданы детали описания, а не просто его содержание. Перевод может изменять синтаксическую, лексическую и стилистическую структуру, но при этом должен сохранять эквивалентное восприятие ситуации. Рассмотрим на следующем примере:

What a blunt fellow is this grown to be.
He was quick mettle when he went to school.
Каким же простаком он стал теперь,
А в школе был таким живым и быстрым.
- Әпенде бола қалыпты. Мектепте ғой
Жүріс-тұрысы жинақы, пысық болатын.

Оба метатекста демонстрируют различия в способе описания ситуации, что соответствует третьему уровню эквивалентности по В.Н. Комиссарову. В оригинальном тексте фраза «What a blunt fellow is this grown to be. He was quick mettle when he went to school.» передает изменение характера персонажа, который в детстве был сообразительным и энергичным (quick mettle), но со временем стал медлительным, простоватым (blunt fellow). Английский текст использует противопоставление состояний, а также сложную глагольную конструкцию «is this grown to be», которая подчеркивает процесс трансформации личности.

Русский перевод «Каким же простаком он стал теперь, а в школе был таким живым и быстрым» сохраняет основную ситуацию, но меняет способ ее описания. Вместо «blunt fellow» используется слово «простака», которое передает общую идею, но не включает оттенок «притупления ума», присутствующий в оригинале. Аналогично, «quick mettle» переведено как «живой и быстрый», что делает акцент скорее на физической активности, а не на интеллектуальных способностях. В русском варианте также упрощена грамматическая структура: вместо глагольной конструкции «is this grown to be» используется форма «он стал теперь», что делает фразу менее экспрессивной.

Казахский перевод «Әпенде бола қалыпты. Мектепте ғой жүріс-тұрысы жинақы, пысық болатын» еще сильнее изменяет способ описания ситуации. Персонаж назван «Әпенде», что в казахском языке обозначает простака с оттенком комичности, тогда как в оригинале акцент сделан на тупости, снижении умственной активности. Такое описание делает фразу более выразительной, но несколько изменяет восприятие персонажа. При переводе «quick mettle» используется «жинақы, пысық», что одновременно передает и физическую, и умственную проворность, делая перевод ближе к оригиналу, чем русский вариант. Глагольная конструкция «is this grown to be» заменена более разговорной формой «бола қалыпты», что сохраняет идею изменения, но делает фразу стилистически более свободной.

Таким образом, оба перевода сохраняют ситуацию, но описывают ее разными способами. Русский перевод делает акцент на простоте и физической активности, несколько сглаживая контраст между прошлым и настоящим героя. Казахский перевод передает ситуацию более экспрессивно, добавляя национальные оттенки в характеристику персонажа, но меняя его восприятие, делая его скорее комичным, чем просто потерявшим остроту ума. Оба подхода соответствуют третьему уровню эквивалентности, так как передают суть происходящего, но разными языковыми средствами.

Четвертый уровень эквивалентности по В.Н. Комиссарову связан с передачей значения синтаксических структур. Это означает, что в переводе грамматическая структура предложений может изменяться, но при этом должна сохраняться передача смысла и логических связей внутри фраз. Рассмотрим, как синтаксическая структура оригинала изменяется в русской и казахской версиях.

How foolish do your fears seem now, Calphurnia!
I am ashamed I did yield to them.
Give me my robe, for I will go.

Нелепы страхи все твои, Кальпурния!
И стыдно мне, что я поддался им.
Подайте тогу, я иду.
Кальпурния, күдігіңіз сенің бекер – ақ!
Сол күдікке иланам деп, ұялып та қап тұрмын.
Әкеліндер киімді. Кеттік онда.

Переводы данного фрагмента соответствуют четвертому уровню эквивалентности по В.Н. Комиссарову, который анализирует, как передается значение синтаксических структур. В оригинальном английском тексте используются инверсии, эмфатические конструкции и союзные связи, создающие выразительность и логическую последовательность высказывания. В переводах на русский и казахский языки синтаксическая структура была изменена, однако общее значение фраз сохранено.

В первой фразе «How foolish do your fears seem now, Calphurnia!» в английском варианте применяется инверсированная структура, усиливающая экспрессивность высказывания. Это не вопрос, а утверждение, выражающее недоумение и пренебрежение. В русском переводе «Нелепы страхи все твои, Кальпурния!» инверсия была заменена прямым порядком слов, что делает фразу более категоричной. В казахском варианте «Кальпурния, күдігіңіз сенің бекер-ақ!» также сохранена определенная свобода порядка слов, но вместо слова «foolish» (глупый, нелепый) используется «бекер-ақ» (напрасный, пустой), что смягчает тональность оригинала. Таким образом, оба перевода передают смысл, но русский делает акцент на категоричности, тогда как казахский – на объективности утверждения.

Во второй фразе «I am ashamed I did yield to them» английский текст использует эмфатическое прошедшее время (I did yield) для усиления эмоции. В русском варианте «И стыдно мне, что я поддался

им» конструкция передана без эмфатического усиления, но с сохранением логики. Однако в казахском переводе «Сол күдікке иланам деп, ұялып та қап тұрмын» полностью изменена синтаксическая структура: вместо конструкции «Мне стыдно, что...» используется деепричастный оборот (Сол күдікке иланам деп... – «Поверив этому сомнению...»), который делает акцент на причине эмоции. В русском варианте стыд подается как личное переживание, а в казахском – как результат принятого решения, что меняет перспективу восприятия ситуации.

В третьей фразе «Give me my robe, for I will go» в оригинале используется повелительное наклонение с союзом for, указывающим на причинно-следственную связь. В русском переводе «Подайте тогу, я иду» союз for был опущен, но логика сохранена. Однако замена «I will go» на «я иду» делает действие более решительным и немедленным, чем в оригинале, где оно передает ближайшее намерение. В казахском переводе «Әкеліндер киімді. Кеттік онда» произошли более значительные изменения: «киім» (одежда) заменяет «тогу», что меняет точность термина, а «Кеттік онда» (Тогда пошли) вместо «I will go» превращает индивидуальное решение Цезаря в коллективное действие, создавая эффект обращения к окружающим.

Таким образом, русская и казахская версии сохраняют общий смысл фраз, но по-разному передают синтаксическую структуру оригинала. Русский перевод делает речь более строгой и решительной, сохраняя формальность. Казахский перевод добавляет разговорные конструкции, смягчает повелительные формы и изменяет перспективу действий, делая речь более включающей. Это показывает, что изменение синтаксиса может влиять на восприятие персонажа: в русском варианте Цезарь звучит как твердый лидер, тогда как в казахском – как человек, обращающийся к окружающим с призывом. Тем не менее, несмотря на трансформации синтаксических структур, ситуация остается идентичной, что соответствует эквивалентности четвертого уровня.

Пятый уровень эквивалентности по В.Н. Комиссарову касается значения отдельных слов и выражений, их точности, коннотаций и возможных стилистических трансформаций в переводе. В данном фрагменте английский оригинал насыщен риторическими вопросами, метафорами и экспрессивными выражениями, что делает выбор слов в переводе особенно важным для сохранения эмоционального и стилистического эффекта.

Remember March, the ides of March remember:
Did not great Julius bleed for justice' sake?
What villain touch'd his body, that did stab,
And not for justice? What! Shall one of us,
That struck the foremost man of all this world...
...I had rather be a dog, and bay the moon,
Than such a Roman.

Припомни Март и мартовские иды:
Иль Цезарь пал не ради правосудья?
Иль негодяями он был сражен несправедливо?
Разве кто из нас, сразивших мужа первого на свете...
...Быть лучше псом и лаять на луну,
Чем быть таким.

Мартты, Марттың ида күнін түсінсеңші есіне.
Цезарь сол әділеттік үшін кұлаған емес пе еді?
әлде ол жендеттердің қолынан әділетсіз қаза тапты ма?
Жер үстіндегі ең ардақты адамды ... өлтірген біздердің
қайсымыз...

... Ондай болсаң оданда, айға үретін іт болған
Жөн емес пе?

Переводы данного фрагмента соответствуют пятому уровню эквивалентности по В.Н. Комиссарову, который анализирует передачу значений отдельных слов и выражений. Этот уровень особенно важен для сохранения стилистики, эмоционального воздействия и семантических оттенков оригинального текста. В данном отрывке английский текст насыщен риторическими приемами, метафорами и экспрессивной лексикой, что делает выбор слов в переводе ключевым для точности передачи смысла.

В первой строке «Remember March, the ides of March remember:» английский текст использует повтор слова remember, который придает драматизм и усиливает призывный характер высказывания. В русском переводе «Припомни Март и мартовские иды» повтор remember отсутствует, но вводное слово «припомни» сохраняет общее настроение обращения. Казахский вариант «Мартты, Марттың ида күнін түсінсеңші есіне» перестраивает синтаксис и добавляет «түсінсеңші» (если понимаешь), что придает фразе оттенок мягкого предостережения. В отличие от русского варианта, здесь сохраняется идея повторения благодаря использованию «есіне» (вспомни). Таким образом, русский

вариант теряет часть риторической экспрессии оригинала, тогда как казахский вариант передает ее с помощью грамматических средств.

Во второй строке «Did not great Julius bleed for justice' sake?» важно сохранить драматический оттенок оригинала, связанный с трагической гибелью Цезаря. В русском переводе «Иль Цезарь пал не ради правосудья?» используется слово «пал», которое смягчает экспрессивность *bleed* (истекать кровью). Аналогично, в казахском варианте «Цезарь сол әділеттік үшін құлаған емес пе еді?» используется слово «құлаған» (упал, пал), что также не передает жестокости убийства. Более точным вариантом могло бы быть «қанын төкті» (пролил кровь), что сохранило бы оригинальную трагичность. Таким образом, оба перевода корректны, но они уменьшают эмоциональный накал оригинала, смягчая его воздействие на читателя.

Следующая строка «What villain touch'd his body, that did stab, And not for justice?» противопоставляет понятия «негодяй» и «справедливость», усиливая трагедию убийства. В русском переводе «Иль негодьями он был сражен несправедливо?» слово «сражен» передает смысл, но звучит менее драматично, чем *stab* (заколот, пронзен). Слово «негодьями» тоже звучит мягче, чем *villain*, которое в оригинале обозначает злодеев, предателей. В казахском переводе «әлде ол жендеттердің қолынан әділетсіз қаза тапты ма?» слово «жендет» (палач, убийца) звучит гораздо жестче, чем русский «негодья», что делает казахский вариант более эмоционально насыщенным. Однако фраза «қаза тапты» (погиб) так же, как и в русском варианте, смягчает жестокость убийства. Таким образом, русский перевод делает фразу более литературной, тогда как казахский вариант передает жесткость злодеяния, но оба теряют экспрессивность физического акта убийства.

Последняя строка «I had rather be a dog, and bay the moon, Than such a Roman.» представляет собой метафору, в которой говорящий сравнивает себя с псом, лающим на луну, и противопоставляет это тому, чтобы быть «таким римлянином». В русском переводе «Быть лучше псом и лаять на луну, чем быть таким.» структура предложения сохранена, но выражение «than such a Roman» заменено на «чем быть таким», что делает его менее конкретным. В казахском варианте «Ондай болсаң оданда, айға үретін ит болған жөн емес пе?» используется выражение «үретін ит» (лающий пес), которое сохраняет образ оригинала, но слово «бай» (выть) передается как «үру» (лаять), что меняет эмоциональный оттенок — в оригинале вой на луну выражает тоску и одиночество, тогда как лай собаки звучит скорее как раздражение. Казахский перевод также делает метафору более мягкой,

добавляя «жөн емес пе?» (разве не лучше?), что превращает категоричное утверждение в риторический вопрос.

Таким образом, оба перевода сохраняют основное значение фраз, но делают различные стилистические изменения. Русский вариант стремится к литературной плавности, иногда теряя конкретику, например, в выражении «чем быть таким» вместо *such a Roman*. Казахский вариант использует разговорные элементы и риторические конструкции, но меняет эмоциональную окраску отдельных фраз, смягчая их звучание. Оба перевода соответствуют пятому уровню эквивалентности, так как передают значение словесных знаков, но с разными акцентами: русский текст более литературный и сглаженный, а казахский — более эмоционально живой, но в ряде мест изменяющий тональность высказывания.

Анализ уровней эквивалентности в переводе играет ключевую роль в понимании того, насколько точно передан смысл оригинального текста и какие трансформации произошли в процессе перевода. Каждый уровень эквивалентности - от сохранения цели коммуникации до передачи значений словесных знаков - позволяет выявить изменения в смысловой, стилистической и грамматической структуре текста, а также определить, какие элементы были адаптированы, а какие могли быть утрачены. Такой анализ необходим, так как помогает не только оценить качество перевода, но и понять, как различия между языками и культурами влияют на интерпретацию текста. Особенно важно учитывать уровни эквивалентности при анализе художественного перевода, где важно не только сохранить информацию, но и передать эмоциональное, экспрессивное и риторическое воздействие оригинала. Без такого анализа перевод мог бы рассматриваться лишь с точки зрения формального соответствия, без учета того, насколько он передает глубинный смысл, тональность и стилистические особенности исходного текста.

Проведённый анализ уровней эквивалентности в переводах трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» на русский (М.А. Зенкевич) и казахский (Е.А. Букетов) языки демонстрирует, что перевод - это не просто языковое соответствие, а многоуровневый, контекстуально и культурно обусловленный процесс интерпретации оригинального текста. Каждый уровень эквивалентности, предложенный В.Н. Комиссаровым - от цели коммуникации до лексико-семантической точности, - позволяет глубже оценить, как адаптируется содержание оригинала в новых языковых и культурных условиях.

1. Эквивалентность первого уровня (цель коммуникации) была достигнута в обоих переводах - и на русский, и на казахский язык.

Оригинальный юмор, основанный на игре слов и двусмысленности, был передан, хотя и с различной степенью экспрессии: казахский перевод оказался ближе к оригиналу по эмоциональной тональности, тогда как русский - к литературной норме.

2. Второй уровень (идентификация ситуации) также продемонстрировал успешную адаптацию. Несмотря на изменения в грамматических конструкциях, в обоих случаях сохранялась общая ситуация и эмоциональная направленность. Казахский перевод чаще смещал акценты в сторону субъективного восприятия и эмоционального отклика.

3. Третий уровень (способ описания ситуации) выявил различия в лексико-стилистических подходах. Русский перевод прибегает к литературной точности, иногда сглаживая образы, в то время как казахский позволяет себе более национальные, разговорные и эмоционально насыщенные формулировки.

4. Четвёртый уровень (значение синтаксических структур) показал, как трансформация грамматических конструкций может влиять на восприятие персонажей. Например, речь Цезаря в русском варианте передаёт решительность и императивность, тогда как в казахском варианте добавляется коллективность и умеренность - что отражает культурные особенности адресата.

5. Пятый уровень (значение слов и выражений) наглядно продемонстрировал, что даже при сохранении общей идеи, выбор конкретных слов и выражений может существенно влиять на стилистику и эмоциональное воздействие текста. Русский перевод тяготеет к литературной выразительности, а казахский - к поэтической образности и культурной адаптации.

3.10 Приемы перекодирования и передача смыслов в переводе

В процессе работы было очень увлекательно обдумывать и пытаться понять переводческую стратегию. Мы уверены, что в анализе переводов возможно и даже полезно применять различные критерии, включая уровни эквивалентности, прагматический, стилистический и семантический аспекты, а также другие параметры, такие как культурная адаптация, жанровая принадлежность текста и интенция автора. Комплексный подход позволяет глубже понять, какие изменения произошли в процессе перевода, какие стратегии использовал переводчик и как это повлияло на восприятие текста в целевом языке. Но в некоторых случаях мелькала мысль, а не слишком

ли мы усложнили процесс анализа, не проще ли взять один подход и провести анализ только с его применением. Возможно слишком широкий спектр критериев может сделать анализ избыточно сложным и затруднить выделение главных аспектов, особенно если перед исследователем стоит задача выявить конкретные закономерности трансформации текста.

Поэтому целесообразно сгруппировать и структурировать примененные критерии анализа в зависимости от целей исследования.

Далее мы сделаем попытку проанализировать метатексты на основе созданной нами классификации уровней эквивалентности:

- уровень языковых знаков – денотативный, предусматривающий сохранение предмета содержания (уровень слова и фразеологизма);
- уровень высказывания по речевым актам (локуция, иллюкуция, перлокуция);
- прагмалингвистический уровень (переводчик, культура, жанр).

It is no matter; let no images
Be hung with Caesars trophies. I'll about
And drive away the vulgar from the streets:
So do you too where you perceive them thick.
These growing feathers pluck'd from Caesar's
Wing
Will make him fly an ordinary pitch,
Who else would soar above the view of men
And keep us all in servile fearfulness.

Что ж из того! Пусть Цезаря трофеи
На статуях не виснут. Я ж пойду,
Чтоб с улиц разгонять простой народ;
И ты так делай, увидав скопление.
Из крыльев Цезаря пощиплем перья,
Чтоб не взлетел он выше всех других;
А иначе он воспарит высоко
И в страхе рабском будет нас держать.

Болса ше! Цезарьды мадактайтын шүберек
Мүсіндерден жалбырап тұрмағаны әділет.
Мен кеттім. Ессіз жұртты көшеден тара туға.
Топталған халық көрсең, сенде істе осыны

Канатынан Цезарьдын қауырсынын тұлайық,
Өзгеден биік ұшпасың. Биікке ұшса,
Бәрімізді үркітіп, құл етіп басын ұстайды.

Сам жанр прототекста обязывает к сохранению размера строки, знаков препинаний, поэтической тенденции и высокого стиля.

Первое, что мы видим, это то, что переводчики сохранили размер строки, что предотвращает потерю чувства ритма. Данное высказывание состоит из приказа *So do you too* – и ты так делай – сенде істе осыны и из предположения *these growing feathers pluck'd from Caesar's wing will make him fly an ordinary pitch*, которое в метатекстах приобрело характер предложения Из крыльев Цезаря пощиплем перья, чтоб не взлетел он выше всех других – канатынан Цезарьдін қауырсынын жұлайық, өзгеден биік ұшпасын.

Данное выражение имеет признаки метафоричности, так как мы полагаем, что крылья - это предмет, ассоциирующийся с величием и возвышенностью императора над гражданами Рима, что никак не связано со святостью ангела, а в большей степени с властью. Однако все может быть гораздо прозаичнее, крылья могут быть украшением статуй, то есть, иметь материализованную форму.

В любом случае выщипать перья Цезаря для Флавия, трибуна, как и для других граждан, наиболее легко достижимый способ унижить императора.

Локуция несколько утратила точность смысла. Возникает вопрос относительно личности исполнения действия выщипывания перьев. В прототексте 1 не указывается кто-либо в данном акте, в метатекстах Флавий дает это указание Марулле.

Следующее предложение-побуждение представляет для нас интерес наличием реалии:

let no images be hung with Caesar's trophies;
пусть Цезаря трофеи на статуях не виснут;

Цезарьды мадақтайтын шүберек мүсіндерден жалбырап тұрмағаны әділет.

В древнем Риме на статуях, изображающих Цезаря висели украшения. В метатексте 1 слово статуях не обозначено принадлежностью, и слово трофеи наводит на мысль о завоеванных Цезарем трофеях, нежели мадақтайтын шүберек в метатексте 2. Перевод в метатексте 2, есть точное значение слова trophies, вторым переводом, которого являются украшения в виде мантий, венков и т.п.

Перлокуция данного высказывания достигла своей цели, это ясно по дальнейшим действиям героев. Перевод достиг оптимальной

эквивалентности. Совершенно ясно, что переводчик Е.А. Букетов использовал информативную модель, так как задействовал свои фоновые знания, естественно, оба переводчика использовали коммуникативно-функциональную модель, так как, совершая акт перевода, декодировали оригинал, а затем кодировали его.

Если семантическая основа образа подлинника передана точно, то результатом явится адекватный языковой образ на языке перевода и его тоже же смысловое содержание, осуществляющее номинативную функцию образа.

Данное явление может показать это на следующем примере:

...I am indeed, sir, a surgeon to old shoes...

...Я, сударь, настоящий лекарь старой обуви...

...Ескірген етік-кебістің тақсыр, бір ден емін табатын сабазбын...

В данном случае мы видим, насколько точно был передан инвариант прототекста 1 и прототекста 2. Переводчики, отталкиваясь от анализа единиц текста, произвели лексическую замену на языке перевода. В художественных произведениях эмоционально-оценочная основа составляет фон произведения. Немного сложнее с этим в пьесе, где оценку и эмоции мы можем наблюдать в словах персонажей:

...O you hard hearts, you cruel men of Rome...

...О Римляне, жестокие сердца...

...Жүрегінде сезім жоқ Рим халқы...

В метатексте 1 сохранена фраза жестокие сердца, а в метатексте 2 несколько утратила категоричность выражения, потому что сезім жоқ-бесчувственные, имеет менее жесткое значение.

Проблема передачи экспрессивной информации, в переводе предполагает, что существует некий инвариантный корпус слов в переносном употреблении во всех языках, а в английском и русском языках совпадает по силе экспрессии. Например, одинаковое количество экспрессивной информации наблюдается у общестилистических метафор подлинника и перевода, которые являются словарными соответствиями. Сила экспрессии не зависит от вида лексической трансформации, примененной для сохранения семантической основы образного средства:

... If the tag-rag people did not clap him and hiss him, according as he pleased and displeased them, as they use to do the players in the theatre, I am no true man...

... Назови меня лжецом, если разный сброд не хлопал и не свистел ему, также как актерам в театре, когда они нравятся или не нравятся...

... Мені отірікші дерсің, егер оған әржерден жиналған азғындар қолшалақтап, шуылдап, айқайлап жатқаны жалған болса; соларға Цезарь бейне бір театрдағы ұнау-ұнамағанына қарай қошеметтеп шуылдайтын артист сияқты болды...

В данных отрывках прототекста и метатекстов, мы утверждаем, что экспрессивность предложений сохранена, образность эпитетов была перекодирована в оба текста.

Исходя из определения эстетической информации, необходимо выявить назначение исследуемых языковых средств при их функционировании. Образные языковые средства в составе произведений взаимодействуют друг с другом и подчинены авторскому замыслу:

... And be not jealous on me...

... Во мне не сомневайся...

... Сенер бол...

В метатексте 1 и метатексте 2 сохранилась структура предложения, где звучит приказ, убеждение. В данном случае иллокуция состоит в краткости фразы, а потому, заставляет быть уверенным в ней.

В связи с национальными особенностями стилистических систем разных языков, потери отдельных тропов неизбежны. Основной задачей переводчика является воспроизведение не самого приема, а его функции, эффекта, производимого данным приемом на исходном языке. Для этого используется такой творческий способ перевода, как трансформация [135]. Часто переводчик использует приемы смыслового развития и целостного преобразования как наиболее творческие из всех видов трансформаций, что позволяет сохранить функцию образа исходного языка в переводе. В тех случаях, когда невозможно сохранить троп исходного языка из-за каких-то особенностей, переводчику приходится прибегать к описательному переводу, а затем пытаться компенсировать потерю путем введения в текст языка перевода дополнительных образов, усиливающих экспрессию:

...The genius and the mortal instruments are then in council...

... Наш разум и все члены тела спорят, собравшись на совет...

... Ақылыңмен, санаңмен дененің мүше-мүшесі, талас-тартыс, бақастық өріс алған...

Экспрессивный окрас достигнут путем обналичивания неодушевленных предметов. М.А. Зенкевич и Е.А. Букетов передали прототекст, сохранив данную экспрессию в метатекстах, что позволяет читателю приблизиться к метафоричному смыслу данного выражения.

If this were true then should I know this secret.
I grant I am a woman, but, withal,
A woman that lord Brutus took to wife;
I grant I am a woman, but, withal,
A woman well reputed, Cato's daughter.

А если так, то знать хочу я тайну.
Пускай я женщина, но ведь меня
В супруги благородный Брут избрал;
ускай я женщина, но ведь меня
Все доброй славой чтут как дочь Катона.

Олай болса, сырынды айт, ашылып айт.
Шашы ұзын әйел болсам да, ержүректі Бруттың
Емеспін бе қосағы? Шашы ұзын әйел болсам да,
Катонның мені қызы деп, халық мадақтамай ма?

Данная локуция интересна своим грамматическим выбором. В-первых, в прототексте 1 из-за глагола *should* присутствует более категоричная форма, чем в метатексте 1 – *хочу*. В метатексте 2 предложение написано в виде приказа *сырынды айт, ашылып айт*. Несоответствие грамматической последовательности слов в прототексте 1 *then should I know* и метатексте 1 *то знать хочу* я повествует нам о категоричности смысла. Метатекст 2 интересен стилистическим окрасом, придаваемым ему словами *Шашы ұзын әйел*, где происходит расширение локуции и приобретается национальный колорит.

O! Pardon me, thou bleeding piece of earth,
That I am meek and gentle with these butchers;
Thou art the ruins of the noblest man
That ever lived in the tide of times.

Прости меня, о прах кровоточащий,
Что кроток я и ласков с палачами.
Останки благороднейшего мужа,

Кому в потоке времени нет равных.

Сені өлтірген жендтгермен ауыз жаласкандай болсам,
Кешір мені, қаның әлі кетпеген асыл дене.
Ағымында заманның теңдесі жоқ ер едің,
Кешір мені.

Прототекст 1 начинается с восклицания О!, что сразу настраивает нас на лирическую волну, но в метатексте 1 это восклицание относится не ко всей фразе, а только по отношению к прах кровоточащий, что меняет иллюкцию, так как в данном случае, мы сосредотачиваем внимание на объекте локутивного акта. В метатексте 2 необходимо обратить внимание на подбор лексики и ее последовательность в предложении, которая настраивает на необходимую интонацию. А также повторная просьба о прощении в конце высказывания Кешір мені. Перекодирование данного локутивного акта произошло по коммуникативно-функциональной модели и был достигнут уровень речевых актов.

И вновь перед нами пример наибольшей эквивалентности метатекста 2 прототексту 1:

Our course will seem too bloody, Caius Cassius,
To cut the head off and then hack the limbs,...

Не слишком ли кровав наш путь, Кай Кассий, -
Снять голову, потом рубить все члены?

Уа, Кай Кассий, басын алғаннан кейін мүшелерін турасак,
Ыстық қанды тым артық төкпейміз бе, ойлашы.

Прототекст 1 и метатекст 2 написаны в повествовательной форме, хотя метатекст 1 или прототекст 2 – в вопросительной. Также очевиден факт изменения временной формы прототекста 1 при перекодировании в метатекст 1. Будущее время изменено на настоящее, но в метатексте 2 происходит обратный процесс: настоящее время вновь становится будущим. Писатель использовал символизацию, обозначив Цезаря и его приближенных организмом человека в целом. Переводчики провели процесс стилистического перекодирования на денотативном уровне, приблизив метатексты к уровню языковых знаков, а вот на грамматическом уровне произошел явный сдвиг, что более всего соответствует коммуникативно-функциональной модели

перекодирования. Переводчики сохранили прагмалингвистический уровень и донесли до перцепиента эквивалентный перевод.

For my part, I have walk'd about the streets,
Submitting me unto the perilous night,
Я, например, по улице бродил,
Предав себя зловещей этой ночи.

Мен, мысалы, көшеде
Жан-тәнімді осы түннің сәндігіне тосқандай жүргем.
Forget not, in your speed, Antonius,
To touch Calphurnia; for our elders say,
The barren, touched in this holy chase,
Shake off their sterile curse.

Не позабудь коснуться в быстром беге
Кальпурнии; ведь старцы говорят,
Что от священного прикосновенья
Бесплодие проходит.

Зымырап келе жатып, қолыңды тигізіп өт
Кальпурния жеңгене. Киелі кол тигеннің
Құр жатпас деп құрсағы қарттар бұрын айтатын
Осыны сен ұмытпа.

Достижение прагмалингвистического уровня эквивалентности, несомненно, наиболее желательно при переводе художественного текста, но перекодирование пьесы допустимо и на уровнях языковых знаков и высказываний по речевым актам, например, анализ перекодирования следующего высказывания показывает, что в данном случае переводчики, задействовав информативную модель перекодирования, которая, как известно, обеспечивает наиболее полный перенос кода оригинала.

And for Mark Antony, think not of him;
For he can do no more than Caesar's arm
When Caesar's head is off.

А об Антонии не стоит думать;
Что может сделать Цезаря рука,

Когда он обезглавлен?

Ал Антоний жөнінде қажеті жоқ ойлаудың:
Бас алынған жерде қол дәрменнен айырылмақ.

Если мы рассмотрим буквальный перевод прототекста, то увидим, что в метатекстах проделана очень большая творческая работа, так как переводы на русский и казахский языки соответствуют оригиналу на всех трех уровнях эквивалентности. Мы полагаем, чтобы добиться такого соответствия, переводчики задействовали все три модели процесса перевода.

В тексте можно выделить микроконтекст, то есть одно слово или словосочетание, или словесные эквиваленты, служащие как указательный минимум, раскрывающий семантический потенциал и реализующий прагматический потенциал реалии [134].

Например,
Prætor's chair – преторское кресло – претордығы отыратын жері
Pompey's porch - портик Помпея - Помпей мүсіні

Узкий контекст – высказывание, сверхфразовое единство, данные слова непонятны читателю без обладания фреймами, но возможно составить примерный денотат по ключевым словам. Гораздо сложнее со следующей фразой

To walk unbraced – полуодет – мезгілсіз шала киініп

Переводчик выбрал несоответствующий денотат слова unbraced, так как точный перевод – ослабленный. В данном случае, был достигнут только уровень речевых актов эквивалентности. Мы можем только узнать, что было выражено неудовольствие действиями персонажа.

Исходя из проведенного нами анализа, мы можем констатировать, что в процессе перекодирования, в разных случаях или вместе, были задействованы все три модели перекодирования, и соответственно, достигнуты три уровня эквивалентности. Невозможность достижения того или иного уровня эквивалентности не означает неадекватности перевода.

Анализ перевода трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» с использованием трёхуровневой классификации эквивалентности - уровня языковых знаков (денотативного), уровня речевых актов и прагмалингвистического уровня - позволил выявить многоуровневую

сложность и многоаспектность переводческого процесса. Как показывает сопоставительный анализ метатекстов, переводчики М.А. Зенкевич и Е.А. Букетов достигли высокой степени эквивалентности на всех трёх уровнях, используя разные стратегии и переводческие модели, включая информативную, коммуникативно-функциональную и культурно-адаптационную.

1. Уровень языковых знаков

На этом уровне сохраняется лексико-семантический и денотативный смысл оригинала:

- Во многих случаях (например, «a surgeon to old shoes» или «tag-tag people») переводы на русский и казахский языки демонстрируют точную лексическую замену, при этом сохраняется образность и экспрессия.

- Однако в отдельных случаях (например, «to walk unbraced») наблюдается частичное смещение значения, что может быть связано с различием в интерпретации реалии или недостаточностью контекстуальной поддержки.

2. Уровень речевых актов

Этот уровень предполагает сохранение локутивного, иллюкутивного и перлокутивного содержания:

- В большинстве примеров переводчики эффективно передают намерение (иллокуцию), эмоциональную тональность и тип действия.

- Казахский метатекст часто демонстрирует расширение или усиление речевого акта за счёт культурно обусловленных выражений (например, использование «уа», «шашы ұзын әйел», «жөн емес пе»).

- В ряде случаев наблюдается сдвиг фокуса, где эмоциональная доминанта смещается либо в сторону смягчения (русский), либо в сторону усиления (казахский).

3. Прагмалингвистический уровень

Наиболее комплексный и значимый в контексте художественного перевода:

- Переводы демонстрируют знание реалий, жанровых особенностей и исторического контекста. Это особенно ярко выражено в передаче римских реалий, где казахский метатекст использует семантическую адаптацию (например, «трофеи» → «мадақтайтын шүберек», «praetor's chair» → «претордың отыратын жері»).

- При этом достигается эквивалентность не только смысла, но и культурного кода, что критично важно для целевой аудитории.

- Отдельные примеры (например, «I am ashamed I did yield to them») показывают, как грамматическая перестройка может влиять на восприятие персонажа, при этом сохраняется прагматическая функция.

Применение структурированной системы критериев, сгруппированных по уровням эквивалентности, позволило достичь баланса между глубиной и обзорностью анализа. Такой подход:

- Помог избежать избыточности и хаотичности в интерпретации,
- Выделил ключевые закономерности трансформации текста,
- Продемонстрировал, что не всегда достижение полной эквивалентности возможно или необходимо — важно не механическое соответствие, а функциональная и культурная адекватность перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая личность Е.А. Букетова и его художественно-переводческое наследие позволяют утверждать, что его творчество представляет собой уникальный синтез когнитивных, культурных, философских и дискурсивных слоёв, отражающий специфику казахской ментальности в условиях билингвального и мультикультурного пространства. Будучи не только писателем и переводчиком, но и мыслителем-гуманистом, Букетов предстает медиатором между культурами, языками и традициями, а его тексты функционируют как многоуровневая семиотическая система — пространство трансляции ценностей, исторической памяти и культурной идентичности. Повесть «Шесть писем другу» и перевод трагедии «Юлий Цезарь» становятся мощными концептуальными ресурсами, демонстрирующими, как язык моделирует нравственный и культурный облик личности, выступая при этом инструментом диалога между временами и народами.

Публицистика Е.А. Букетова представляет собой уникальное явление, сочетающее в себе глубину философской мысли, гражданскую ответственность и художественную выразительность. Его тексты служат не только отражением исторического времени, но и духовным ориентиром для нации. Через свои произведения Букетов формирует национальное самосознание, укрепляет моральные ценности и вносит весомый вклад в интеллектуальное и культурное развитие общества. Он по праву занимает место не только как выдающийся учёный, но и как мудрый просветитель и носитель гуманистических идеалов. Тем самым творчество Е.А. Букетова представляет собой ценнейший объект лингвокультурологического и когнитивно-семиотического анализа, открывая новые горизонты в изучении языковой личности, механизмов культурной символизации и межкультурной коммуникации в гуманитарной науке.

Смена парадигмы гуманитарного знания с формально-структурной на антропоцентрическую усилила значимость исследования смыслов, символов и концептов как категорий мышления и языка. В этом свете тексты Е.А. Букетова выступают как мощный концептуальный и ценностный ресурс, демонстрирующий, как знание, личность и культура сплетаются в единую семиотическую ткань. Его произведения являются уникальным источником наблюдения за тем, как язык способен моделировать не только мир, но и нравственный идеал человека, носителя культуры, творца смыслов. Семиотическая модель культуры Ю.М. Лотмана, концепция языковой личности Ю.Н. Караулова и взгляды Э. Сепира и Г. Гачева позволяют осмыслить творчество Е.А. Букетова как ценнейший материал для

лингвокультурологического анализа. Его тексты функционируют как многоуровневая знаковая система, в которой язык предстает проводником личного и коллективного опыта, исторической памяти и национального самосознания. Таким образом, анализ языковой личности Е.А. Букетова открывает перспективы для изучения не только билингвальной картины мира, но и широкой семиосферы межкультурного взаимодействия, где писатель предстает в роли медиатора между языками, культурами и философскими традициями.

Особое значение в повести приобретает языковая и концептуальная картина мира, представленная через реалии, пословицы, риторiku и сравнения, отражающие богатство, образность и внутреннюю философию казахского языка. Даже будучи написанной на русском языке, повесть сохраняет казахский ментальный колорит за счёт включения казахских лексем, традиционных обращений и стилистических особенностей. Эти элементы создают этнокультурную плотность текста и позволяют воссоздать когнитивное пространство народа, где язык - неотъемлемая часть национального сознания. Повесть Е.А. Букетова представляет собой ценный лингвокультурологический материал, в котором средствами художественного слова воссоздаётся мир казахского аула, отражающий изменения, вызванные историческими потрясениями, и одновременно демонстрирующий устойчивость культурных основ, закреплённых в языке, традициях и семейной памяти. Процесс символизации в тексте повести пронизывает все уровни человеческого бытия — от бытовых ритуалов и культурных традиций до научной и творческой деятельности. Она находит своё выражение в языке через метафоры, афоризмы, устойчивые речевые конструкции и когнитивные модели, превращая текст в пространство формирования и трансляции гуманистических концептов: благородства, самоанализа, преданности делу, великодушия, душевной щедрости. Через эти концепты раскрывается языковая личность Е.А. Букетова - как ученого - гуманиста, интеллектуала и национального мыслителя.

Произведение Е.А. Букетова представляет собой не только художественную реконструкцию личных воспоминаний, но и масштабную лингвокультурную хронику исчезающего уклада жизни. Оно выявляет важнейшие компоненты этнокультурной картины мира казахов, раскрывая специфику национального мышления, символизации и концептуализации действительности в языке, образах, ритуалах и памяти поколений. Казахский язык в повествовании не только служит средством выражения мысли, но и становится культурной памятью народа, хранилищем его истории, верований, ценностей. Речевые формы, имена, пословицы, реалии, ритуальные

действия — всё это работает на воссоздание ментальной карты мира казахского этноса. Даже в условиях социокультурной трансформации герои сохраняют устойчивые мировоззренческие координаты, передавая их младшему поколению через речь, действия и личный пример. Особое место занимает образ Жактая - ага как архетипа человека, сформированного в гармонии с природой и традициями. Его поведение, отношение к труду, семье, молодым, к пространству и времени выражает неразрывную связь с конно-кочевой цивилизацией, описанной М.М. Ауэзовым как стержень казахской культурной идентичности. Лошадь, степь, сенокос, шалаш, скотоводческий уклад — всё это органично вписано в систему ценностей и в структуру мышления этих людей.

Текст повести академика Е.А. Букетова представляет собой синтез научной рефлексии, художественной образности и культурной памяти, в котором язык обретает статус не просто средства, а источника духовного и интеллектуального становления человека.

Перевод трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» стал ярким примером его мастерства, культурной интерпретации и художественной точности. Этот труд демонстрирует не только филологическую эрудицию Букетова, но и его стремление к межкультурному диалогу, где классический текст становится доступным и значимым для иной языковой и культурной аудитории. Переводы Е.А. Букетова — это не просто адаптация текста, а акт культурного посредничества, через который раскрывается его личность как переводчика, просветителя и носителя гуманитарных ценностей.

Проведённый прагматико-дискурсивный анализ перевода трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» в интерпретации Е.А. Букетова (Метатекст 2) в сопоставлении с оригинальным английским текстом (Прототекст 1) и русским переводом (Метатекст 1) позволил выявить особенности формирования казахского метатекста как многоуровневого лингвокультурного явления. В данном исследовании казахский перевод рассматривается как вторичный метатекст, опосредованный русским переводом, что обуславливает его двойную интерпретационную природу и усиливает медиативную нагрузку на переводчика. Прагматический подход в анализе перевода позволяет не только выявить стратегии передачи культурно-языковых реалий и дискурсивных функций, но и проследить за тем, как межъязыковое взаимодействие формирует уникальную креолизованную структуру текста. Перевод Е.А. Букетова - это не просто лингвистическая адаптация, но также культурное посредничество, отражающее его глубокое понимание оригинала, знание русской и казахской литературной традиции и стремление сохранить художественную

целостность произведения в условиях многоуровневой интерпретации. Казахский перевод трагедии «Юлий Цезарь», выполненный Е.А. Букетовым, выступает не просто как вторичный текст, а как самостоятельное художественное произведение, в котором экспрессивные и культурные особенности исходного текста интерпретированы через призму национального языкового сознания. Перевод трагедии «Юлий Цезарь» Е.А. Букетовым — это не просто межъязыковой перенос, а межкультурный диалог, в котором креолизация становится не утратой, а формой адаптации и сохранения смысла. Это подтверждает мысль о том, что перевод — это не зеркальное отражение, а творческий акт репрезентации и переосмысления, в котором ключевая роль отводится личности переводчика как медиатора между культурами.

На основании проведённого анализа можно выделить ключевые выводы, касающиеся роли экстралингвистических факторов и переводческой стратегии в контексте художественного перевода трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь», выполненного М.А. Зенкевичем (русский перевод) и Е.А. Букетовым (казахский перевод):

1. Художественный перевод — это не просто языковая трансформация, а комплексный культурно-интерпретационный процесс, требующий учёта широкого спектра экстралингвистических факторов: историко-политического контекста, личностных и эстетических установок автора, жанровой принадлежности текста, а также культурных ожиданий целевой аудитории.

2. М.А. Зенкевич, как представитель акмеизма и интеллигентной поэтической школы Серебряного века, демонстрирует в своём переводе стилистику сдержанного натурализма, где приоритет отдается точности, лаконичности и сохранению экспрессивной напряжённости оригинала. Его переводы отличаются жесткостью и прямоотой, что обусловлено как поэтическим стилем, так и личным мировоззрением.

3. В отличие от него, Е.А. Букетов осуществляет более адаптивный подход, ориентируясь не только на смысловую точность, но и на культурную приемлемость перевода для казахского читателя. Его переводам свойственно мягкое переформулирование, замена резких выражений более философскими или образно насыщенными, соответствующими казахской культурной традиции и поэтической манере.

4. Примеры перевода таких выражений, как “Come poor remains of friends, rest on this rock” и “Our day is gone”, показывают, что в русском переводе сохраняется драматизм и финальность, тогда как в казахском переводе акцент смещается в сторону жизнеутверждающей цикличности, гармонии и духовного равновесия.

5. Когнитивный подход (учёт фреймов и культурных моделей восприятия) играет центральную роль в стратегии перевода Букетова: его интерпретации выстраиваются на базе казахской ментальности, где важны не только логика и структура текста, но и его эмоционально-философское звучание.

6. Как показывает схема этапов переводческой деятельности, качественный художественный перевод возможен лишь при интеграции всех уровней анализа: от визуального и языкового до культурно-исторического и личностно-интерпретационного. Переводчик выступает в роли интерпретатора смыслов и посредника между культурами, а не только как носитель лингвистической компетенции.

7. В целом, перевод Е.А. Букетова можно расценивать как образец гармоничного баланса между смысловой точностью, художественным восприятием и культурной адаптацией, что делает его работу важным вкладом в развитие казахской литературной традиции и расширение её диалога с мировым литературным наследием.

Обобщая, можно утверждать следующее:

- Оба перевода являются эквивалентными, но каждый на своём уровне и в рамках своей языковой и культурной парадигмы.

- Казахский перевод Е.А. Букетова демонстрирует стремление к эмоционально-культурной адаптации, усиливая выразительность и национальную идентичность текста.

- Русский перевод М.А. Зенкевича, напротив, акцентирует внимание на литературной строгости, риторике и драматургической структуре.

Такой подход даёт Е.А. Букетову повысить качество лингвистической оценки перевода, но и даёт возможность осмыслить более широкие аспекты взаимодействия языков, культур, менталитетов и эстетических традиций. В результате проведённого анализа становится ясно, что высококачественный художественный перевод стал возможен только при условии гибкого подхода, сочетающего различные модели перевода и уровни эквивалентности, поэтому переводы М.А. Зенкевича и Е.А. Букетова являются примером комплексного, осознанного и глубокого взаимодействия с текстом оригинала.

Художественные и документальные тексты Е.А. Букетова, пронизанные билингвальной метафорикой, являются отражением его сложного мировоззрения, в основе которого лежит синтез казахской и русской культурных традиций. В его повестях можно проследить устойчивые признаки интертекстуальности, культурной маргинальности и глубокой рефлексии, характерной для научного работника, обращающегося к художественному слову. Комплексный

анализ повести Е.А. Букетова «Шесть писем другу» с позиций лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и семиотики подтверждает, что данное произведение представляет собой уникальный текст, в котором реализуется синтез художественного, научного, философского и этнокультурного дискурсов. В центре этого многоуровневого текста — языковая личность автора, формировавшаяся в условиях билингвального, мультикультурного и научного пространства Казахстана XX века.

Язык в повести функционирует как средство когнитивного осмысления действительности, как носитель культурной памяти, и как инструмент формирования концептуального мира героя. Через образы представителей казахской кочевой цивилизации, систему ценностей, метафоры, символы, речевые практики и интертекстуальные включения автор воссоздает национальную картину мира, сохраняющую свои ключевые координаты даже в условиях социальных трансформаций. Особую роль играет интертекстуальность, позволяющая проследить диалог личности с культурным наследием, традицией и современностью.

Повесть выступает как текст высокой культурной плотности, насыщенный концептами гуманизма, достоинства, научного служения и этики памяти. Через когнитивно-семиотический подход выявляется, что смысловое пространство произведения строится на глубинных культурных архетипах, моделирующих не только образ мира, но и духовно-нравственную миссию человека как носителя культуры. Перевод трагедии «Юлий Цезарь» на казахский язык в интерпретации Е.А. Букетова можно рассматривать как пример органичного взаимодействия языков и культур, где процесс перевода становится актом культурного сотворчества, в котором сохраняется не только смысл, но и дух оригинала — через призму национальной языковой картины мира.

Таким образом, повесть «Шесть писем другу» — это не просто литературный текст, а мощный концептуальный ресурс для изучения языковой личности, этнокультурной идентичности, механизмов символизации и производства смыслов в лингвистическом и культурологическом аспектах. Это произведение становится важным вкладом в персонологию науки, одновременно служа мостом между индивидуальным опытом и коллективной культурной памятью народа.

Список использованной литературы

1. Букетова Н.И., Туркенова С.С., Аратаева А.Т., Минаева Е.В., Касенова М.Д., Истомина А.А. // Перспективы и новые тенденции развития иноязычного образования. Материалы международной научно-практической конференции, Караганда, 2023. Электронное издание. – С. 9-12.
2. <https://articlekz.com/article/20257>
3. Букетова Н.И. Реликтовая корневая морфема как языковая универсалия. Монография. (Алматы: Казахстан, 1994) – 2-е издание, переработанное и дополненное. - Караганда: ТОО Tengri Ltd., 2018. – С. .26-29. - 292 с.
4. Шаймердинова Н.Г. Корневая морфема в древнетюркском языке // Turkic Studies Journal. - 2022. - 1 (Т. 4). - С. 95-108.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
7. 1920-1950 жж. Орталық Қазақстандағы репрессиялар. Мұрағат құжаттарының жинағы =Репрессии в Центральном Казахстане в 1920-1950 гг. Сборни архивных документов / Құраст. Д.А. Джумабеков, С.В. Елеуханова, В.В. Козина және т.б., жауапты ред. Н.О. Дулатбеков. - Қарағанды: «Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университеті» КЕАҚ баспасы, 2023. - 480 б.
8. Сәтбаев Қаныш. Әдеби-танымдық жинақ. Бірінші басылым / Құрастырып, алғы сөзін және түсініктерін жазғандар А. Нұхұлы, С. Жұмағұл, А. Жұмағұл. - Қарағанды: «TENGRİ LtD» баспасы, 2024. – 550 б.
9. Асанұлы Қ. Евней Букетов – публицист. Оқу құралы. - Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 2005. - 196 б.
10. Букетов Е.А. Шесть писем другу.-Алма-Ата: «Жалын», 1989. - 288 с.
11. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум). Как избежать разговора: денегации. – Минск: Экономпресс, 2001. – 320 с.
12. Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения / Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. - С. 241-256.
13. Рерих Н.К. Культура и цивилизация. – М.: Прогресс, 1994. – С. 60-61.
14. Букетова Н.И. Евней Букетов на земле и небесах. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2015. – 316 с. - С. 79-80.

15. Buketova N.I., Aratayeva A.T., Turkenova S.S., Amrenova A.S., Jussupov B.I. Intertextual implications of E.A. Buketov's philosophy of humanism and multiculturalism // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. – 2023. - № 3(111). – С. 180-189.

16. Савченко Т.Т. «Авторская позиция и формы её выражения в «Шести письмах другу» Е.А.Букетова // Академик Е.А.Букетов – ученый, педагог, мыслитель. Материалы международной научно – практической конференции, посвященной 80–летию Е.А. Букетова; 23 – 24 марта. - Караганды, 2005. - Том 2. - С. 11.

17. Амренова А.С. Перевод произведения В. Шекспира «Юлий Цезарь» на русский и казахский языки: прагмалингвистический аспект: дис. ...канд. фил. наук: 10.02.20 / Асель Сагиндыковна Амренова. – Караганда, 2005. – 159 с.

18. Лурье С.В. Историческая этнология. - М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.

19. Лотман Ю. Семантика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. - С. 202-212.

20. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание (Текст). – М.: Языки славянской культуры, 2013. - 448с.

21. Мурзин Л.Н. Язык, текст, культура // Человек – Текст – Культура / под ред. Н.А. Куриной, Т.В. Матвеевой. - Екатеринбург: ИРРО, 1994. - С. 160-169.

22. Алефиренко Ф.Н. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пос. - М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

23. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук по дисциплине 10.02.19 «Теория языка (по филологическим наукам)». - Уфа, 2003. - 367 с.

24. ГАКО. Ф.1484. Оп.1. Д.94. Лл. 1-7.

25. Кенжебалина Г.Н. Лингвопрагматика: учебное пособие для студентов и магистрантов филологических специальностей. – Павлодар: Кереку, 2012. – 121 с.

26. Быкова Г.И. Воспитание языковой личности в процессе преподавания лингвистических и речеведческих дисциплин: дисс ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1999. – 195 с.

27. Григорьева-Голубева В.А. Становление гуманистических ценностей педагога (в аспекте языковой личности): дисс ... докт. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 493 с.

28. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

29. Этнокультуроведческий анализ художественного текста: Учебно-методическое пособие для самостоятельной работы по дисциплинам лингвокультурологического цикла для бакалавров, аспирантов и магистрантов. В 2-х частях. - Ч. II / Ред.-сост. М.Х. Манликова. - Бишкек: КРСУБ 2014. – 165 с.

30. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. - М.: Академический проект, 2007. – 142 с.

31. Букетова Н.И., Туркенова С.С., Аратаева А.Т., Минаева Е.В., Касенова М.Д. Курс лекций в рамках обучающего курса «Личность Е.А. Букетова в истории бренда-Karaganda Buketov University» на MOOK платформе университета <https://mook.buketov.edu.kz/> (Авторское свидетельство № 37837 от «10» июля 2023 года).

32. Времен связующая нить / М.М. Ауэзов. - Алматы: ИД «Жибек Жолы», 2016. - 758 с.

33. <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskoe-prostranstvo-kultury/viewer>

34. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Издательство «Искусство», 1970. - 366 с.

35. Петрова С.М., Гоцин Тянь, Неустроева Е.П. Русская литература как этнокультурное отражение мира // Вестник СВФУ. - 2015. - № 6 (50). - С. 116-123.

36. <https://kazpravda.kz>

37. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. - 1993. - Т. 52. - № 1. - С. 3–9.

38. Джусупов Б.И. Специфика символической интерпретации культуры: дисс ... канд. филос. наук. – Алматы, 2009. – 136 с.

39. Verdieva E.M. Cognitive – linguistic and linguoculturological interpretations of the meaning of concept // Modern studies of social problems. - 2018. - Vol. 10. - No. 41. - P. 271-279.

40. Соссюр Ф. де, Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977. - 696 с.

41. Дейк Ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312с.

42. Алефиренко Н. Ф. Нарративно-дискурсивные механизмы языковой образности / под ред. Н. Кориной // Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка, Нитра: Университет Кирилла Философа, 2014. - с. 14–44.

43. Стародубова О.Ю. Анатомия текста и дискурса. Часть 1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели

действительности: учебное пособие / О.Ю. Стародубова. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – 136 с.

44. <https://wplanet.ru/index.php?show=article&id=26> (Бахтин 1924)

45. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу. — М.: Академический проект, 2013. - 288 с.

46. Barthes, Roland. Annette Lavers. Mythologies. - Paladin Books, London, 1973.

47. Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 216с.

48. Савченко Т.Т. «Авторская позиция и формы её выражения в «Шести письмах другу» Е.А.Букетова (Академик Е.А.Букетов – ученый, педагог, мыслитель // Материалы международной научно – практической конференции, посвященной 80–летию Е.А.Букетова 23 – 24 марта. Том 2. С.11. - Караганды, 2005 г.

49. Derrida J. Dissemination / trans., intr. and add. not. by V. Johnson. London: Athlone Press, 1981.

50. Құнанбаев А. Шығ. екі том. тол. жин. – Алматы: Ғылым, 1972. I том. – 89-б.

51. Қирабаев С. Асыл парыз // Өнер алды қызыл тіл. – Алматы: Жазушы, 1986. – 7-б.

52. Бейсембаева З. Тіл байлығы – ой байлығы // Жазушы және сөз мәдениеті. – Алматы, 1983. – 91-б.

53. Букетов Е.А. Жас Қаныш. – Алматы: Қазақстан, 1999. –2-б.

54. Негимов С. Шешендік өнер. Алматы: Ана тілі, 1997. – 4-б.

55. Айтбаев Ө., Есенқұлов А. Көркем әдебиетке – көркем тіл // Жазушы және сөз мәдениеті. – Алматы, 1983. – 43-б.

56. Базарбаев М. Қазіргі қазақ көркем шығармаларының тілі жайында // Өнер алды қызыл тіл. – Алматы: Жазушы, 1986. – 57-б.

57. Болғанбаев Ө. Тіл және шеберлік// Өнер алды қызыл тіл. –161-б.

58. Біртуар (Е.А.Букетов туралы естеліктер жинағы). – Караганды, 1998.

59. Құнанбаев А. Шығ. екі том. тол. жин. I том. – Алматы: Ғылым, 1977. – 43-б.

60. Букетов Е.А. Сыйлас, сырлас, көмектес / Социалистік Қазақстан, 1969, 11 қазан.

61. Букетов Е.А. Жас замандас келбеті // Мәдениет және тұрмыс, 1974. – №1.

62. Букетов Е.А. Көкейкесті. – Алматы: Қазақстан, 2000. – 317-б.

63. Букетов Е.А. Атан комында туған адам. – Алматы. Жазушы, 1975. – 3-б.

64. Сейдімбеков А. Жүрек жылуы // Біртуар. – Қарағанды, 1998. – 124-б.
65. Букетов Е.А. Алып адым // Жұлдыз, 1977. – №11. – 149-б.
66. Амандосов Т. Публицистика – дәуір үні // Журналист және өмір, 1992. 02.06.
67. Амандосов Т., Елеуқенов Ш., Қожақеев Т., Ыдырысов Т. Газет жанрлары. – Алматы: Қазмембаспа, 1964. – 177-б.
68. Букетов Е.А. Өндіріс пен ғылым егіз // Қазақстан коммунисті, 1972. – №4. – 50-б.
69. Майтанов Б. Психологизм – прозадағы жаңашыл арна // Уақыт және қаламгер. – Алматы: Жазушы, 1980. – 189-190 бб.
70. Майтанов Б. Әдеби сын: 1985 жыл // Уақыт және қаламгер. – Алматы: Жазушы, 1986. – 242-б.
71. Букетов Е.А. Ғылым адалдықты, ерлікті тілейді / Орталық Қазақстан, 1975, 21 наурыз.
72. Букетов Е.А. Ағадан ақыл, ініден ілтипат // Білім және еңбек, 1971. – №6. – 15-б.
73. Букетов Е.А. Табиғат ананы аялай білейік / Орталық Қазақстан, 1988, 19 қараша.
74. Букетов Е.А. Қарағанды химиясы және оның болашағы / Социалистік Қазақстан, 1969, 21 наурыз.
75. Букетов Е.А. Көмір мен судан: мұнай, бензин, керосин және басқалары // Зерде, 2000. – №3. – 11-б.
76. Букетов Е.А. Арманшыл болғанға не жетсін // Білім және еңбек, 1975. – №7. – 8-б.
77. Ыдырысов Т. Шеберлік бастауы. – Алматы: Мектеп, 1984. – 78-б.
78. Белинский В.Г. Собр. соч. – Москва: Гослитиздат, 1951-1955. – С.178.
79. Омашев Н. Жол үстінде журналист. – Алматы: Атамұра, 1999. – 69-б.
80. Смайылов К. Ойлы очерк, проблемалы публицистика қайда? / Қазақ әдебиеті, 1981, 16 қазан.
81. Сердәлі С. К.Смайылов – публицист /қолжазба/. – Алматы, 1999.
82. ГАКО. Ф.1484. Оп.1. Д.94. Лл. 1-7.
83. Букетов Е.А. Алты хат. – Алматы: Жалын, 1996. – 172-б.
84. ГАКО. Ф.1484. Оп.1. Д.41. Лл. 68-73.
85. Нарымбетов Ә. Уақыт шындығы – көркемдік кепілі. – Алматы: Жазушы, 1989. – 123-б.
86. Пенкин М. Искусство и наука. – Москва, 1982. – с.4.

87. Букетов Е.А. Атан қомында туған адам. – Алматы: Жазушы, 1977. – 5-б.
88. Букетов Е.А. Табиғат тіршілік көзі / Социалистік Қазақстан, 1978, 31 қазан.
89. Қаратаев М. Әдебиет және эстетика. – Алматы, 1970. – 37-б.
90. ГАКО. Ф.1484. Оп.1. Д.94. Лл. 1-13.
91. Букетов Е.А. Тұңғыш қазақ академигі / Орталық Қазақстан, 1979, 12 көкек.
92. Нұрғалиев Р. Телағыс. – Алматы: Жазушы, 1986. – 8-б.
93. Әшімбаев С. Азаматтық позиция – айқындауыш күш // Уақыт және қаламгер. – Алматы: Жазушы, 1985. – 34-б.
94. Смағұлов Ж.Қ., Жалмаханов Ш.Ш. Е.А.Букетов және көркем аударма мәселелері. – Қарағанды: ҚарМУ, 1997. – 47-59-бб.
95. Шекспир. Трагедии. – Москва: Правда, 1983. – с. 544-545.
96. Шекспир. Таңдамалы. II том. – Алматы: Жазушы, 1982. – 390-б.
97. Жақыпов Ж.А. Е.А.Букетов шығармаларын қазақ тіліне аудару тәжірибесінен. – Қарағанды: ҚарМУ, 1997. – 42-46-бб.
98. Әлімбаев М. Кісілік пе кішілік // Біртуар. – Қарағанды, 1998. – 39-б.
99. Құлқыбаев Ғ. Әдебиетші // Біртуар. – Қарағанды, 1998. – 164-б.
100. Сәрсекеев М. Ұстаздың тағылымы // Біртуар. – Қарағанды, 1998 – 82-б.
101. Көкетаев Т. Ғұламаның асыл бейнесі // Біртуар. – Қарағанды, 1998. – 149-б.
102. Н.И. Букетова. Е.А.Букетов – гуманист и переводчик. Материалы международной научн-практической конференции, посвященной 80-летию Е.А.Букетова, том 1.
103. Kazymbek, G. K. (2021). Переводоведение в Независимом Казахстане. Вестник КазНУ. Серия филологическая, 184(4). <https://doi.org/10.26577/EJPh.2021.v184.i4.ph21>
104. Ахмедова С.Н. Особенности перевода художественных текстов // Филология и литературоведение. 2014. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology.snauka.ru/2014/08/888> (дата обращения: 16.01.2025).
105. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – 576 с.
106. Асанов К.Д. Е.А.Букетовтің публицистикасы. Автореф. дис. канд. наук. – Алматы, 2002.

107. Юлий Цезарь. Перевод Е.А. Букетова. Шығармалары жинағы, 6 томдық, 4 том. Қарағанды, 2005.

108. Shakespeare W. "Julius Caesar", "The complete works William Shakespeare copyright © Wordworth Editions Ltd 1994. – 263с.

109. Вильям Шекспир – комедии хроники трагедии. Т. I. (Перевод М.Зенкевича) – М., 1988. – 783 с.

110. Попович А. Проблемы художественного перевода. – БГК им.И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 180с.

111. Перевод произведения В.Шекспира "Юлий Цезарь" на русский и казахский языки: прагмалингвистический аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / 111. Амренова Асель Сагиндыковна; [Институт "Лингва"]
http://unicat.nlb.by:9004/opac/pls!/search.http_extended

112. ван Дейк Т.А. Язык – Познание – Коммуникация. – БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 310 с.

113. Taylor, S. - What is discourse analysis? Bloomsbury Publishing, 2013. – 1-6pp.

114. Fairclough, N. - Critical discourse analysis. In J. P. Gee & M. Handford (Eds.), The Routledge handbook of discourse analysis (pp. 9–20). Taylor & Francis Group, 2012. – 9-20 pp.

115. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 397 с.

116. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.

117. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – 416 с.

118. Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 3-11.

119. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.

120. Телия В.Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М., 1996. – 288 с.

121. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 364 с.

122. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М., 1997. – 331 с.

123. Encyclopedia of Latino Culture: From Calaveras to Quinceañeras [3 volumes] (Cultures of the American Mosaic) 1st Edition, Kindle Edition

124. Э.Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 655 с.

125. Сорокин Ю. Переводоведение. Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М., 2003. – 160 с.

126. A.S. Nabidullin, Zh.T. Dauletbekova. Teaching of “General Linguistics” in the higher education system as a scientific and theoretical basis of linguistics, 2024

127. B.E. Akhmer, The function of a detail in the literary text structure, 2024

128. Гачечиладзе Г. Вопросы теории художественного перевода // Вопросы художественного перевода – Тбилиси, 1964. – С. 75-77.

129. Chomsky N. Mental Constructions and Social Reality // In E.Reuland and W.Abraham (eds) (Knowledge and Language). P 29-58.

130. Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. – М., 1994. – 688 с.

131. Озеров Л. А. Страна русской поэзии. – М., 1996. – 271 с.

132. Асанов К.Д. Е.А.Букетовтің публицистикасы. Автореф. дис. канд. наук. – Алматы, 2002.

133. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) – М., 1990. – 250 с.

134. Комиссаров В.Н. Слово о переводе: Очерк лингвистического учения о переводе. – М., 1973. – 214 с.

135. Найссер У. Познание и реальность, смысл и принципы когнитивной психологии. – БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ 1998.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	7
1 ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПЕРСОНОЛОГИИ НАУКИ: АНАЛИЗ ДИСКУРСА АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА-ПОВЕСТИ «ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ»).....	9
1.1 Текст повести Е.А. Букетова «Шесть писем другу» как объект лингвокультурологического анализа.....	9
1.1.1 Культурно - языковое пространство картины мира Е.А. Букетова как автора текстов.....	18
1.1.2 Этнокультурные особенности в концептосфере основных героев повести.....	25
1.1.3 Образы героев уходящей конно-кочевой цивилизации.....	31
1.2 Текст повести Е.А. Букетова «Шесть писем другу» как объект когнитивного анализа.....	47
1.2.1 Когнитивно-семиотический аспект производства смыслов в концептосфере.....	47
1.2.2 Когнитивно-семиотический аспект интертекстуальности. Текст как интертекст.....	53
1.2.3 Художественный образ К.И. Сатпаева.....	62
2 Е.А. БУКЕТОВТЫҢ ҚАЛАМГЕРЛІК ШЕБЕРЛІГІ ЖӘНЕ ТІЛДІК ТАЛҒАМ.....	72
3 ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ПЕРЕВОД: НАСЛЕДИЕ ЕВНЕЯ БУКЕТОВА	122
3.1 Е.А. Букетов и его вклад в перевод мировых литературных шедевров.....	123
3.2 Прагматический подход к переводу: языковые и культурные аспекты адаптации.....	125
3.3 Путь перевода от оригинала к казахскому метатексту.....	128
3.4 Лингвокультурные аспекты передачи экспрессивности в художественном переводе.....	135
3.5 Стилистическая эквивалентность и передача экспрессивности в художественном переводе.....	140
3.6 Креолизация культуры и адаптация национальных реалий в переводе.....	144
3.7 Метафорика и адаптивное транскодирование в художественном переводе.....	152
3.8 Переводческое мастерство: между точностью и адаптацией.....	158
3.9 Отзвуки смысла: эквивалентность и превращение слова в перевод	162
3.10 Приемы перекодирования и передача смыслов в переводе.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	189

Научное издание

Букетова Нурсулу Ибраевна,
Асанов Камашке Даулетканович,
Амренова Асель Сагындыковна,
Джусупов Берик Искакович,
Аратаева Айгуль Туkenовна,
Китибаева Альфия Каныбековна,
Муканова Дарина Ергалиевна

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПЕРСОНОЛОГИИ НАУКИ:
АНАЛИЗ ДИСКУРСА АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА**
(на материале текстов художественных произведений
и переводов на казахский язык, публицистических текстов)

**ҒЫЛЫМ ПЕРСОНОЛОГИЯСЫНДАҒЫ ТІЛДІК ТҰЛҒА:
АКАДЕМИК Е.А. БӨКЕТОВТЫҢ ДИСКУРСЫНЫҢ ТАЛДАУЫ**
(көркем шығармалар мәтіндері, қазақ тіліндегі аудармалар
мен публицистикалық мәтіндер негізінде)

Монография

Отпечатано с авторского оригинала

Подписано в печать --.--2025 г.

Формат 60×84 1/16. Бумага ксероксная. Гарнитура Times.

Объем 12,37 п.л. Тираж -- экз. Заказ № --.

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова
100024, г. Караганда, ул. Университетская, 28.

Отпечатано в Издательстве Карагандинского
университета имени академика Е.А. Букетова
Тел. (7212) 35-63-16. E-mail: izd_karu@buketov.edu.kz